

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ:

1890.

№ 19.

ОКТЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

І. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Воспомяніа священника Православной Церкви Д-ра о. Владимира Гетте, бывшаго священникомъ римской церкви (продолженіе). <i>Н.</i>	377—412
Тысячелѣтняя годовщина со времени блаженной кончины Константинопольскаго Патріарха Фотія. <i>Т. Стоянова</i>	413—442
О покоѣ Воскреснаго дня (окончаніе). Доцента Московской Духовной Академіи. <i>А. Бѣльева</i>	443—470
ІІ. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Ученіе Аристотеля и его школы (перипатетической) о Богѣ (продолженіе). <i>И. Корсунскаго</i>	261—274
«Теодицея» Лейбница. Разсужденіе о благодѣи Божіей, свободѣ человеческой и началѣ зла. Часть вторая. (продолженіе). <i>Н. Истомина</i>	275—290
ІІІ. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Постановленіе Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Постановленія Съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа 1890 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Благочиннаго 4-го округа Старобѣльскаго уѣзда, протоіерея Григорія Максимова.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Цюбровскомъ монастырѣ и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул.; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ пер. д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая ул., Гостинный дворъ.
№ 45.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьв. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Какъ далеко можетъ и должно простираться вліяніе религіи?—Профессора Кіевской духовной академіи *И. Линицкаго* (стр. 177- -205).

Къ ученію Аристотеля о безсмертіи души.—Приватъ-доцента философіи при Харьковскомъ университетѣ *Пав. Лейкфельда* (стр. 225—254).

Рѣчь, произнесенная въ день освященія новоустроеннаго зданія при Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ. — Свящ. *Т. Буткевича* (стр. 255—260).

Музей и библіотека Лагидовъ въ Александріи.—Культурно-историческій очеркъ.—*А. Деревицкаго* (стр. 291—329).

Матерія и духъ какъ всеобщія начала бытія.—Профессора Кіевской духовной академіи *И. Линицкаго* (стр. 341—364).

Изъ чтеній по космологіи.—Происхожденіе міра.—Профессора Московской духовной академіи *В. Кудрявцева-Шлатонова* (стр. 391—426 и 493- -522).

Метафизическія воззрѣнія кн. Сергѣя Трубецкаго.—Свящ. *Т. Буткевича* (стр. 442—473).

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3

Дозволено цензурою. Харьковъ, Октября 15 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Пасловъ.*

ВОСПОМИНАНІЯ

СВЯЩЕННИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Д-ра о. Владиміра Гетте,

БЫВШАГО СВЯЩЕННИКОМЪ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе *).

Гл. IX.

О. Лёкё.—Инсептизмъ и іезуптизмъ.—Огонь противъ огня.—Епископъ Палю и епископъ Безье уличены въ грубомъ невѣжствѣ.—Основаніе журнала *Observateur catholique*.—Нападенія противъ новаго догмата о непорочномъ зачатіи.—Мои опроверженія сочиненій кардинала Гуссе и Малу, епископа Брюгскаго.—Преосвященный Клозель де Монталь, епископъ Шартрскій пріѣзжаетъ въ Парижъ съ цѣлью поздравить меня.—Обитатели семинаріи Св. Сульпиція препятствуютъ мнѣ видѣться съ этимъ почтеннымъ епископомъ.—Почему сульпиціане превратились въ ультрамонтанъ.—Продолженіе моего преслѣдованія ультрамонтанъ и догматъ о непорочномъ зачатіи.—Изданіе мемуаровъ и журнала аббата Ледё о Боссюэтѣ.—Г.г. Пужула и Дюлакъ уличены въ невѣжествѣ.—Изданіе исторіи іезуитовъ.—Почему сочиненіе это не подверглось запрещенію.—Преслѣдованіе новой набожности.—Высокопреосвященный Вапъ Салтепъ, архіепископъ Утрехтскій высказывается въ мою пользу.—Послѣ его смерти, представители древней голландской церкви защищаютъ папскую власть противъ меня.—Странное положеніе этой церкви.—Я безъ всякаго затрудненія заставляю молчать ея богослововъ.—Эта церковь, имѣвшая возможность достигнуть блестящей будущности, умираетъ отъ недостатка знаній и логики.

Война между мной и такъ называемыми религіозными журналами продолжалась. Нѣсколько большихъ парижскихъ журналовъ давали тонъ, а всѣ провинціальныя журналы воодушевлялись ихъ нападками. Меня называли бунтовщикомъ, раскольникомъ, еретикомъ, но въ то же самое время боялись начинать со мной серіозныя пренія. Между тѣмъ о. Лёкё, невольный на меня за выговоръ, сдѣланный ему мною въ присутствіи архіепископа Сибура, пожелалъ отомстить мнѣ, и помѣстилъ, въ видѣ приложенія къ *Mémoires de Picot*, которыя

*) См. ж. «Вѣра Разумъ» 1890 г. № 14.

онъ издавалъ тогда, диссертацию о янсенизмѣ: она была направлена противъ меня. Я отвѣтилъ ему такъ рѣшительно, что даже самъ Паллю сказалъ аббату Гаралепу слѣдующее: «Какъ могъ о. Лёкё рѣшиться нападать на аббата Гетте, по поводу этого вопроса, развѣ онъ хотѣлъ быть разбитымъ?» И дѣйствительно о. Лёкё былъ такъ разбитъ моею брошюрой подъ названіемъ: *Янсенизмъ и иезуитизмъ*, что не пожелалъ болѣе продолжать борьбу. Не сдавшись, онъ написалъ мнѣ, что его занятія мѣшаютъ отвѣчать мнѣ. Онъ однако не мѣшали ему нападать на меня.

Паллю, о которомъ я только что упомянулъ, выступилъ въ то время, какъ писатель. Онъ напечаталъ *Пастырское наставленіе* о римской литургіи. Одинъ книгопродавецъ напечаталъ это наставленіе въ видѣ брошюры, и тогда-то я могъ оцѣнить научныя познанія того, который былъ о нихъ столь высокаго мнѣнія, что рѣшился упрекать меня въ воображаемыхъ заблужденіяхъ. Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову отвѣтить ему такой же услугой, какую онъ оказалъ мнѣ раньше, и я указалъ на его заблужденія и противорѣчія въ *очень почтительномъ* письмѣ, составленномъ слѣдующимъ образомъ:

Ваше Преосвященство,

«Позвольте мнѣ представить вашему преосвященству тѣ соображенія, которыя внушило мнѣ ваше прекрасное пастырское наставленіе (Instruction pastorale) о римской литургіи. Всѣ вѣрныя обязаны слушать своихъ пастырей и вопрошать ихъ, потому что написано: *вопроси твоихъ отцовъ и они отвѣтятъ тебѣ*. Имѣя въ виду выполненіе вышеупомянутой обязанности, я представляю вашему преосвященству возникшія въ умѣ моемъ затрудненія при изученіи тѣхъ прекрасныхъ страницъ, которыя вы сначала предназначали для своего духовенства и вѣрующихъ вашей епархіи, но которыя перешли эти скромныя границы, благодаря обнародованію *столь же мало ожидаемому, какъ мало было желаніе этого съ вашей стороны*, и благодаря тѣмъ великимъ похваламъ, которыми онѣ были удостоены.

«Вы сами, ваше преосвященство, увѣдомляете меня, что *Пастырское наставленіе* было принято съ благосклонностью, въ чемъ я и не сомнѣваюсь; я долженъ вѣрить, что тѣ высокія похвалы, которыми оно было удостоено, вполне имъ заслужены. Послѣ этого трудно было бы понять, почему я не остаюсь погруженнымъ въ самое почтительное молчаніе, но къ стыду моему я долженъ признаться, что я галликанецъ! Я не могъ даже до сихъ поръ рѣшиться отречься отъ моей ужасной и низкой ереси. Вотъ какъ трудно избавиться отъ ветхаго человѣка и облечься въ новаго, созданнаго въ чистотѣ ультрамонтанства! Одинъ писатель ¹⁾, который, подобно мнѣ, стонетъ отъ того, что не можетъ до сихъ поръ избавиться отъ своихъ предрасудковъ, недавно восклицалъ съ отчаяніемъ слѣдующее:

Tantae molis erat Romanam condere gentem. (Такъ трудно было создать римскій народъ).

«О, да! очень тяжелъ этотъ трудъ перерожденія изъ галликанства въ ультрамонтанство! Я каждый день стараюсь совершить его надъ самимъ собою; съ этою цѣлью я прочелъ глубоко научныя сочиненія, написанныя нашими ультрамонтанами, и думаю доказать вамъ, преосвященнѣйшій, въ этомъ письмѣ, что я много усвоилъ изъ тѣхъ наставленій, которыя заключаются въ вашемъ великолѣпномъ *Пастырскомъ наставленіи*.

«Я, ваше преосвященство, не послѣдую за всѣми вашими возвышенными вдохновенными вѣщаніями; нужно оставить орламъ обширныя воздушныя пространства; а тѣ, которые подобно мнѣ, не имѣютъ крыльевъ, должны ограничиться хожденіемъ по землѣ, и стараться выполнять это какъ можно лучше.

«Я, ваше преосвященство, прочелъ ваше *Пастырское наставленіе* о римской литургіи, и восхищался имъ; я радовался тѣмъ безпристрастнымъ похваломъ, которыя расточалъ вамъ непогрѣшимый журналъ; но такъ какъ поученіе ваше діаметрально противоположно галликанской ереси, то вы, ваше преосвященство, не будете удивлены тѣмъ, что предрасудки такого стараго галликанца, какъ я, иногда были задѣты. Сердце мое было на вашей сторонѣ, а умъ возмущался. Proh! dolor! О галликанскіе предрасудки!

¹⁾ Остроумный авторъ *Lettres cardinales*, Кассанъ-Флуаракъ.

«Ваша первая страница, преосвященнѣйшій, полна поэзіи; она восхищаетъ душу. Какъ вы прекрасно доказываете, что общественная молитва необходима для церкви и для священника! Въ вашемъ лирическомъ энтузіазмѣ, вы возноситеесь значительно выше грамматической сфѣры, и чувствуется, что для васъ слово ничего не значитъ: такъ, напр., вы говорите слѣдующее (на стр. 2): «Посредствомъ общественной молитвы, христіанская религія *становится*, поистинѣ, достойной Бога». А я считалъ христіанскую религію достойной Бога по самой себѣ, потому что она происходитъ отъ Бога: потому что ея ученіе есть выраженіе вѣчнаго Слова Отца, воплощеннаго и принесеннаго въ жертву для того, чтобы на вѣки вѣковъ воздавать Богу хвалу достойную Его. Я считалъ, что христіанская религія не нуждается *передѣлаться* въ достойную Бога, такъ какъ она достойна Его съ самаго начала. Я долженъ признаться, съ краской на лицѣ, что до сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ пѣніе вѣрующаго народа и требникъ священника могутъ служить причиною того, что сама религія *становится* достойной Бога. Но, ваше преосвященство, вы сказали это.

«Ваше преосвященство еще учите насъ (стр. 3) что: «Литургія есть *выраженіе* молитвъ *всей Церкви*».

«Не есть ли литургія скорѣе совокупность или собраніе церковныхъ молитвъ, а не *выраженіе* этихъ молитвъ? Сама по себѣ—молитва есть *выраженіе* чувства, но развѣ литургія есть выраженіе молитвъ? А въ особенности есть ли она *выраженіе* молитвъ *всей Церкви*? Изъ этого, ваше преосвященство, слѣдовало бы, что всякая молитва, для того чтобы составить часть литургіи, должна была бы принадлежать *всей Церкви*. Но я вѣрилъ до сихъ поръ, что папа Пій V уважалъ частныя литургіи нѣкоторыхъ церквей, напр., Амврозіанскую и Мозарабскую (Mozarabique), или даже литургіи Парижскую, Ліонскую и другія, которыя существовали двумя столѣтіями ранѣе буллы *Quod a nobis*? Эти частныя литургіи, которыя не были *выраженіемъ* молитвъ *всей Церкви*, не должны, по вашему мнѣнію, считаться законными литургіями. Какъ же случилось, ваше преосвященство, что папа Пій V уважалъ

ихъ? Развѣ по какой-нибудь случайности онъ получилъ расположеніе къ галликанству? Я бы могъ это подумать, и сомнѣвался бы въ его спасеніи, если бы онъ не былъ кононизированъ по всѣмъ правиламъ; его чистосердечіе послужило ему оправданіемъ передъ Богомъ. Дѣйствительно, его литургическое невѣжество могло быть неизбѣжнымъ, потому что въ его время не существовало еще ни вашего *Пастырскаго наставленія*, ни *Institutions* Геранже, ни тонкихъ замѣчаній Месле (Meslé), ни глубокомысленныхъ статей Дюлака журнала *Univers*, ни словаря Паскаля. Эти знаменитыя лица суть яркіе свѣтильники, которые снабдили насъ обширными знаніями о литургіи; но среди ихъ вы, ваше преосвященство, занимаете не послѣднее мѣсто: ваше смиреніе простить мнѣ эту маленькую лестъ, столько же искреннюю, сколько и заслуженную.

«Но, ваше преосвященство, послѣдующія поколѣнія будутъ особенно восхищены тѣмъ, что ученая школа, къ которой принадлежите вы, нашла способъ передѣлать всю исторію литургіи; и что еще удивительнѣе, передѣлать безъ всякихъ фактовъ. Прежде, для созданія какой бы то ни было исторіи, требовались факты. О, предразсудки! Факты убиваютъ такъ же, какъ и буквы; одинъ только духъ животворитъ. И вы, ваше преосвященство, въ вашемъ *Пастырскомъ наставленіи* обнаруживаете чрезвычайную духовность; и если какъ-нибудь случайно вы опираетесь на факты, то тотчасъ же доказываете, что не придаете своему слову обыкновеннаго значенія, и не унижаетесь настолько, чтобы предложить намъ грубую пищу историческихъ фактовъ, годную только для лицъ зараженныхъ галликанствомъ. Ультрамонтантскіе желудки желаютъ чего-нибудь болѣе деликатнаго, эфирной субстанціи, какъ амброзія или даже испареніе цвѣтка. На такомъ-то воздухообразномъ фактѣ вы, ваше преосвященство, основываете ваше раздѣленіе двухъ литургійныхъ эпохъ: *эпохи образованія и эпохи единства*.

«Вы, ваше преосвященство, утверждаете это въ вашей третьей главѣ, въ началѣ которой вы позаботились вписать слѣдующее величественное положеніе (стр. 5).

«Епископы относительно этого важнаго вопроса (литургіи) *никогда* не пользовались властью, чуждаясь уставовъ и субор-

динации. Эта ИСТИНА богословія и церковнаго права является намъ при свѣтѣ исторіи Церкви».

«Что, ваше преосвященство, называется истиной богословія? Мнѣ кажется, что это есть откровенный догматъ, опредѣленный церковью. Что называется истиной церковнаго права? Формальный законъ, облеченный всѣми надлежащими условіями, дѣлающими его обязательнымъ. Вы же, ваше преосвященство, говорите, что то есть истина вѣры, будто епископы, относительно литургіи, имѣли только второстепенную власть? Вы говорите, что въ церковномъ правѣ существуетъ формальное постановленіе, признававшее за ними только эту второстепенную власть? Вы бы, ваше преосвященство, должны были намъ ясно доказать, что вашъ догматъ обладаетъ *свидѣтельствомъ тождественнымъ всегда и вездѣ*; свидѣтельствомъ, которое по мнѣнію св. Викентія Леренскаго, есть критерій всякаго католическаго догмата. Не бесполезно было бы также обратить вниманіе на текстъ того закона, о которомъ никто еще не слышалъ до изданія вашего *Пастырскаго наставленія*. Но эта, несомнѣнно невольная съ моей стороны забывчивость, не мѣшаетъ мнѣ оцѣнить ваше положеніе по его достоинству. Это такая, можно сказать, импровизація, которая можетъ сразить всѣхъ галликанцевъ—прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ; это истина богословія и церковнаго права!!! Подумайте объ этомъ, галликанцы! не ошибайтесь въ ней, потому что ошибка въ этомъ случаѣ докажетъ, что вы *еретики и бунтовщики*. Что дѣлать, преосвященнѣйшій, это проклятое племя совершенно погрязло въ возмущеніи противъ вашей истины и вашего закона? Единственное средство очистить отъ него землю, есть то, чтобы отдать его во власть святой Конгрегаціи инквизиціи, которая сожгла бы его тѣло для спасенія души. Счастливы были бы галликанцы, если бы благодаря ихъ жалкой жертвѣ Богъ избавилъ ихъ отъ вѣчнаго огня!

«Теперь, ваше преосвященство, я разсмотрю ваше различіе двухъ литургійныхъ эпохъ; вы говорите слѣдующее (стр. 5):

«Нужно различать двѣ эпохи въ исторіи литургіи: эпоху образованія *разныхъ* литургій и эпоху единства въ литургіи».

«Вы признаете, значитъ, что первоначально въ церкви су-

ществовало *различіе въ литургіяхъ*. Въ самомъ дѣлѣ, вы и не могли отрицать этого факта, который столь же очевиденъ въ исторіи церкви, какъ солнце въ природѣ; но развѣ вы не замѣчаете насколько фактъ этотъ соотвѣтствуетъ галликанской системѣ? Правда, что вы тотчасъ же спѣшите подтвердить (стр. 9), что въ то время епископы пользовались *чрезвычайной властью*, которая не существуетъ теперь. Но, ваше преосвященство, кто вамъ это сказалъ? Гдѣ вы видѣли, чтобы та власть, которую имѣли первые епископы, не была имъ передаваема при посвященіи и каноническомъ поставленіи? или что теперь посвященіе и поставленіе уже не даетъ имъ права на такую же власть? Вы говорите, что ваше утвержденіе есть *фактъ и принципъ*, безъ знанія котораго нельзя ничего понять въ исторіи церкви; какъ же это случилось, что всѣ тѣ, которые писали эту исторію, даже не подумали объ этомъ?

«Увы! я забылся! Я началъ разсуждать! Проклятый ветхій человѣкъ увлекъ новаго человѣка, котораго я такъ желалъ бы образовать въ себѣ. Извините, ваше преосвященство, я въ восторгѣ отъ вашего *факта-принципа*, съ помощью котораго вы такъ прекрасно объясняете литургійное различіе, о которомъ такъ много говорили галликанцы. Но вашъ *фактъ-принципъ* не есть одинъ изъ тѣхъ грубыхъ фактовъ, съ которымъ ничего не можетъ подѣлать даже геній; это особеннаго рода фактъ — фактъ любезный, хорошо переработанный, который примѣняется, какъ угодно, измѣняется при малѣйшемъ намекѣ и приспособляется самымъ благосклоннымъ образомъ къ потребностямъ всякаго дѣла. Это такой фактъ, который изобрѣтается, но не навязывается; наконецъ, это фактъ, нарочно изобрѣтенный *по ультрамонтантски* для того, чтобы способствовать пониманію исторіи. Но въ то же самое время онъ есть и *принципъ*, не тотъ неумолимый принципъ, который имѣетъ свою формулу въ буквѣ, но существуетъ въ умѣ, — принципъ тонкій, чистый, который никогда не былъ оскверненъ прикосновеніемъ Граціана (Gratien). Этотъ-то *фактъ-принципъ* ведетъ не только къ пониманію исторіи, но и обладаетъ громаднымъ преимуществомъ вводить въ пониманіе *сравнительнаго состоянія древняго и новаго общественнаго права* (droit commun). Почему

же этотъ *фактъ-принципъ* не помогъ мнѣ понять эту восхитительную фразу? И тѣмъ не менѣе она прекрасна!

«Я, ваше преосвященство, нахожусь въ недоумѣніи относительно вашего раздѣленія двухъ литургійныхъ эпохъ. Недоумѣніе это происходитъ отъ того, что всѣ факты опровергаютъ подобное раздѣленіе, въ чемъ вы сейчасъ же могли бы убѣдиться. Но благодаря вашему *Пастырскому наставленію*, я начинаю замѣчать всю странность мнѣнія тѣхъ людей, которые считаютъ, что исторія должна основываться на достовѣрныхъ фактахъ, и что факты эти должны быть особенно основательно приводимы въ томъ случаѣ, когда на нихъ желаютъ сослаться въ спорныхъ вопросахъ. Прочь однакоже это галликанство, которое умѣетъ только разсуждать и доказывать. Ультрамонтанство довольствуется только тѣмъ, что говорить, и желаетъ чтобы его слушались съ закрытыми глазами. Нужно признаться, что его принципъ гораздо лучше и плодотворнѣе для ума.

«Послѣ нѣсколькихъ немного туманныхъ фразъ (простите мнѣ, ваше преосвященство, это выраженіе) относительно образованія литургій, вы быстро переходите къ тому, что вы называете *правилами* литургійнаго единства и *доказательствами* высочайшей власти папскаго престола въ дѣлѣ литургіи.

«Разсмотримъ сначала *правила* единства.

«Первое изъ нихъ состоитъ въ обязанности священниковъ повиновенія епископамъ, относительно порядка литургій (offices) (стр. 11).

«Какъ велика ваша проницательность, ваше преосвященство! Галликанецъ осмѣлился бы сказать, что подобная обязанность повиновенія епископу въ каждой епархіи, когда даже по вашему заявленію существовала *разнородность литургій*, была бы положительнымъ препятствіемъ къ установленію единства; но галликанецъ разсуждаетъ, а вы, ваше преосвященство, не унижаетесь до этого.

«Второе *правило* или *законъ* единства, вы, преосвященнѣйшій, находите въ вѣрности cadaго епископа сохранять литургію своей церкви (стр. 11).

«Галликанецъ сказалъ бы на это, что подобная вѣрность

въ сохраненіи частныхъ литургій, была бы тѣмъ большимъ препятствіемъ для устанавленія единства, чѣмъ лучше она выполнялась бы.

«Но извѣстно, что галликанецъ резонеръ; а чистый послѣдователь Римской церкви, какъ вы, ваше преосвященство, довольствуется только словами.

«Третье *правило* или законъ литургійнаго единства, по мнѣнію вашего преосвященства, состоитъ въ томъ, чтобы епископы, собравшіеся на провинціальныхъ соборахъ, дѣлали предписанія относительно литургійныхъ формулъ и запрещали бы принимать тѣ, которыя лишены ихъ одобренія.

«Мнѣ кажется, что эти епископы слишкомъ широко пользуются ихъ *второстепенной властью*. Что вы на это скажете, ваше преосвященство? Галликанецъ, конечно нашелъ бы и въ этомъ *правилѣ* единства доказательство различія; но вы не только видите въ немъ противное, но еще утверждаете, что епископы на этихъ соборахъ *ограничивали свою литургійную власть*. Какъ вы, ваше преосвященство, умѣете проникать въ сущность вещей и почерпать изъ нихъ идеи совершенно новыя, неожиданныя, и противоположныя всему тому, что въ нихъ находятъ другіе!

«Теперь, ваше преосвященство, *ratio majora sanatis* (употребимъ немного большія усилія). Разсмотримъ доказательства, которыя, по мнѣнію вашего преосвященства, подтверждаютъ дѣйствіе *высочайшей власти* папскаго престола въ литургическихъ дѣлахъ.

«1°. Св. папа Викторъ принялъ участіе въ вопросѣ о Пасхѣ» (ст. 13).

«Какое неопровержимое доказательство! Папа Викторъ желаетъ, чтобы Восточная Церковь праздновала Пасху въ одинъ день съ Римской церковью; Восточная Церковь положительно отказывается; и вотъ какимъ образомъ неопровержимо доказывается *верховная власть* папскаго престола, относительно литургій!

«2°. Римскій требникъ упоминаетъ въ житіяхъ (*légende*) папъ первыхъ вѣковъ о всемъ томъ, что они сдѣлали для литургій». (Ст. 13).

«Эти житія почти ничего не говорятъ, да къ тому же они апокрифическія; понятно, что они тѣмъ менѣе могутъ доказывать *верховную власть*.

«3°. Св. папа Иннокентій, въ пятомъ вѣкѣ, доказывалъ необходимость придерживаться литургійной традиціи» (Стр. 13).

«Отсюда очевидно, что прежде существовало *различіе*; слѣдовательно, всякая церковь оставалась вѣрна своей литургіи, что должно было мѣшать ей входить въ соглашеніе съ другими, для принятія общей литургіи.

«Тѣмъ не менѣе аргументація вашего преосвященства въ этомъ отношеніи не становится неудовлетворительной.

«4°. Святой Григорій *уполномочиваетъ* англійскаго апостола установить нѣкоторые обряды, соотвѣтствующіе состоянію его новой паствы. (ст. 14).

«Вотъ тотъ фактъ, о которомъ вы, преосвященнѣйшій, упоминаете:

«Святой Августинъ, апостоль Англіи, отправившись изъ Рима, посѣтилъ Галлію прежде чѣмъ достигнуть мѣста своей миссіи. Во время своего путешествія онъ обратилъ вниманіе на большое разнообразіе литургій въ церквахъ, посѣщенныхъ имъ и написалъ св. Григорію, спрашивая его, какую изъ литургій онъ назначить для новой церкви, которую онъ думалъ основать. Св. папа Григорій, реформаторъ римской литургіи, отвѣтилъ ему, что онъ долженъ самъ составить литургію изъ всего того, что онъ нашелъ лучшаго въ тѣхъ церквахъ, которыя посѣтилъ.

«Вотъ фактъ, во всей простотѣ его; вы же въ немъ видите только простое *полномочіе* къ установленію нѣкоторыхъ обрядовъ. Поэтому вы и стараетесь доказать, что до васъ, ваше преосвященство, вышеупомянутый фактъ былъ дурно оцѣненъ. Я съ своей стороны благодарю васъ за принятіе вами на себя этого труда; но ваше преосвященство должны были бы объяснить, въ чемъ заключается недостаточность оцѣнки этого факта и представить тѣ основанія, которыя заставили васъ придать ему смыслъ отличный отъ того, который существовалъ вообще до нашего времени. Всѣ тѣ, кто читалъ письмо св. Григорія, не могутъ не вѣрить, что этотъ великій

и святой папа не былъ приверженцемъ ни литургическаго единства, ни *верховой власти* папскаго престола въ дѣлѣ литургій. Итакъ, я думаю, что вы должны обратиться ко всѣмъ источникамъ вашей тонкой и искусной логики, для убѣжденія всѣхъ въ томъ, что до васъ никто не понялъ письма св. Григорія.

«Но что же я говорю? Вы утверждаете это, а развѣ этого недостаточно? Да, этого достаточно для ультрамонтановъ. Что же касается до галликанцевъ, то развѣ они стоятъ того, чтобы ими заниматься?»

«Прежде чѣмъ перейти вмѣстѣ съ вами, преосвященнѣйшій, къ эпохѣ *литургійнаго единства*, я позволю себѣ сдѣлать замѣчаніе относительно одной фразы, которую я нашелъ на 8 страницѣ вашего *Наставленія*. «Не думайте, говорите вы, что тогда (въ пятомъ вѣкѣ) сочиняли литургіи, какъ новыя книги. Нѣтъ, тогда просто письмененно излагали все то, что сохранилось преимущественно отъ традиціи.»

«Я, ваше преосвященство, чрезвычайно желалъ бы, чтобы вы соблаговолили подкрѣпить ваше утвержденіе, по крайней мѣрѣ, хотя бы однимъ доказательствомъ. Я дѣйствительно гдѣ-то читалъ, что св. Венерій (Venegius) Марсельскій повелѣлъ составить, въ пятомъ вѣкѣ, новыя литургійныя книги священнику Музеусу (Musoeus): Сальвіанъ (Salvien) въ ту же эпоху составилъ также новыя литургійныя книги; до нихъ св. Иларій Поатьерскій составилъ книгу гимновъ; Клавдіанъ Мамеръ (Claudien Mamert), по повелѣнію брата своего св. Мамера вѣнскаго, сочинилъ цѣлую литургію; въ то же самое время, св. Сидоній Аполлинарій (Sidoine Apollinaire) сочинялъ приготовительныя молитвы къ обѣднѣ (préfaces) и самыя обѣдни. Я могъ бы упомянуть еще о другихъ подобныхъ фактахъ, если бы желалъ прослыть ученымъ. Изъ всего этого можно заключить, что положеніе вашего преосвященства не столь точно, какъ этого можно было бы желать. Какъ вы думаете объ этомъ, преосвященнѣйшій?»

Изъ всего сказаннаго вашимъ преосвященствомъ о первой литургійной эпохѣ, которую вы называете эпохой образованія, выводится слѣдующее несомнѣнное заключеніе: 1^о) что

въ первые восемь вѣковъ церкви существовало *литургійное различіе*, потому что вы сами относите къ девятому вѣку то, что вы называете *эпохою единства*; 2^о) что епископы, въ первые восемь вѣковъ, назначали для своихъ церквей особенныя литургіи; 3^о) вы забыли доказать то, что епископы, при назначеніи этихъ литургій, поступали, по вашему мнѣнію, въ силу *чрезвычайной* власти, которой не имѣютъ епископы въ настоящее время.

«Вы поймете, ваше преосвященство, что эта забывчивость должна быть исправлена, и вы конечно найдете нужнымъ подтвердить эту *истину богословія и каноническаго права* свидетельствами столь многочисленными, точными и столь достоверными, что она появится сіяющей *при свѣтъ исторіи Церкви*, какъ вы обѣщали это.

«Теперь я, вслѣдъ за вами, вступаю въ глубоко чтимое святилище, которое вы называете *эпохою единства*.

«Вы говорите очень кратко о Пипинѣ и Карлѣ Великомъ, которые, по вашимъ словамъ, были союзниками папской власти въ дѣлѣ установленія литургійнаго единства; вы могли бы прибавить еще, что Карлъ Великій, принимавши нѣкоторыя книги римскаго пѣнія, повелѣлъ составить другія литургійныя книги, и что въ теченіе девяти вѣковъ, какъ Амаларій (Amalric) доказалъ, не существовало никакого отношенія между римскими литургійными книгами и литургійными книгами Франціи. Изъ этого слѣдуетъ, что воображаемая любовь Карла Великаго къ литургійному единству не достигла прочныхъ результатовъ. Я бы могъ, ваше преосвященство, привести много другихъ доказательствъ этого, но считаю это излишнимъ, потому что вы сами это доказываете слѣдующимъ образомъ на стр. 17: «Религіозные ордена, по вашимъ словамъ, и преимущественно орденъ св. Доминика и св. Франциска Ассизскаго сильно способствовали *установленію литургійнаго единства*». Вы, ваше преосвященство, соблаговолите замѣтить, что орденъ св. Доминика и св. Франциска Ассизскаго возникли только въ теченіе тринадцатаго столѣтія и что предшествовавшіе ордена, какъ напр., орденъ Клуниакійцевъ и орденъ Цистерціанцевъ имѣли частныя литургіи. И только

въ тринадцатомъ столѣтіи и въ началѣ четырнадцатаго могли уже *трудиться*, какъ вы говорите, для *установленія литургійнаго единства*. Если они работали для этого *установленія*, то это самое доказываетъ, что единство не было еще *установлено*. Что вы объ этомъ думаете, ваше преосвященство? Итакъ, значить, я имѣлъ основаніе не представлять вамъ доказательствъ, въ силу которыхъ я не допускаю вашего *единства* отъ девятаго до четырнадцатаго столѣтія; потому что вы сами признаете, что оно не существовало и въ эту эпоху, также какъ и въ первые восемь вѣковъ церкви.

«Теперь спрашивается, каковъ былъ результатъ трудовъ Доминиканцевъ и Францисканцевъ?»

«Я очень радъ, ваше преосвященство, что могу цитировать слѣдующее: «Римская литургія, говорите вы, сдѣлалась господствующей почти во всей латинской церкви, и *частные обычаи во многихъ епархіяхъ* не мѣшали тому, чтобы основаніе литургіи было римскимъ».

«Итакъ, ваше преосвященство, *столь прекрасное единство*, которое установили ордена св. Доминика и св. Франциска не мѣшали тому, чтобы цѣлыя церкви имѣли отдѣльныя литургіи и чтобы *многія епархіи* сохраняли *частные обычаи*».

«По мнѣнію вашего преосвященства четырнадцатый вѣкъ былъ эпохой этого *прекраснаго литургійнаго единства*. Но, по видимому, оно продолжалась не долго, потому что вслѣдъ затѣмъ вы намъ говорите, что въ шестнадцатомъ столѣтіи Павелъ IV и соборъ Тридентскій должны были подумать о литургійной реформѣ. Вы, преосвященнѣйшій, могли бы еще сказать, что всѣ тѣ, которые занимались въ то время этой реформой, пришли къ соглашенію въ слѣдующемъ пунктѣ: что въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ самыя прискорбныя злоупотребленія проникли въ церковныя служенія и въ литургійныя книги. Изъ этого нужно заключить, что въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкахъ существовали смѣшеніе и беспорядокъ въ литургіяхъ; между тѣмъ, ваше преосвященство, вотъ то единственное мѣсто въ исторіи, въ которомъ вы нашли возможнымъ помѣстить *ваше единство*. Нужно признаться, что это бѣдное единство несчастливо. Не смотря на героическія усилія,

употребляемая вашимъ преосвященствомъ, для нахождения ему маленькаго мѣста, всѣ вѣка отбрасываютъ его, и еще къ большому злополучію вы сами должны доказывать, что этого мѣста для него не существовало. Даже папы въ своихъ буллахъ какъ бы стараются отнять у него эти четырнадцатый и пятнадцатый вѣка, гдѣ вы надѣялись, что оно могло бы спокойно укрыться. Гдѣ же, ваше преосвященство, помѣстимъ мы это единство? Существовало ли оно, по крайней мѣрѣ, со времени св. Пія V, который произвелъ реформу въ римской литургіи? Да, отвѣчаете вы на страницѣ 21: «Къ концу шестнадцатаго вѣка литургійное единство было установлено *насколько возможно* въ латинской церкви и даже въ самой Франціи».

«Но вполне ли это вѣрно, ваше преосвященство? Не говоря уже о Франціи, которая намъ болѣе извѣстна чѣмъ другія церкви, я знаю только три провинціи, которыя приняли литургійныя книги св. Пія V -- провинція Бордосская, гдѣ римская литургия существовала еще и прежде, и провинціи Нарбонны (Narbonne) и Э (Aix). Другія церкви сохранили свои частныя литургіи, и соборы Руанскій, Реймскій и Турскій ограничились тѣмъ, что рѣшились реформировать эти литургіи, въ духѣ собора Тридентскаго и папскаго престола — т. е. уничтожить все то, что было въ нихъ апокрифическаго, страннаго и безчиннаго. Когда епископъ Парижскій желалъ, въ концѣ шестнадцатаго вѣка, принять римскія книги, то его капитулъ протестовалъ противъ этого рѣшенія, а Сорбонна, которой *прекрасными литургійными принципами* (стр. 25) вы восхищаетесь, представила по этому случаю свое мнѣніе и высказала принципы діаметрально противоположныя вашимъ.

«Реформа, предписанная въ концѣ шестнадцатаго столѣтія для частныхъ литургій, была приведена въ исполненіе въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ. Вотъ почему, ваше преосвященство, въ эту эпоху замѣчается возникновеніе новыхъ литургійныхъ книгъ, противъ которыхъ, по примѣру г. Геранже, вы раздражаетесь святымъ гнѣвомъ. Я уважаю негодованіе вашего преосвященства, и ограничусь тѣмъ, что замолчу одно выраженіе, которое не настолько точно, какъ

этого можно было бы желать. Вы называете литургійную реформу семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій *неслыханнымъ событіемъ въ литургійной исторіи*. То, что я имѣлъ честь предварительно сказать вамъ, достаточно доказываетъ, что *событіе это обыкновенное, а не неслыханное* въ литургійной исторіи; но вы, вѣроятно, и сами желали сказать то же самое.

«Насколько возможно, ваше преосвященство, слѣдуетъ объяснять вещи съ любовью и кротостью. Бенедиктъ XIV предписалъ это правило духовнымъ совѣтникамъ Индекса, и каждый христіанинъ долженъ поступать такъ-же, потому что это согласуется съ разумомъ и долгомъ христіанской любви къ ближнему. Итакъ, я думаю, что слово *неслыханный* слѣдуетъ отнести на счетъ типографа и извинить литургійное незнаніе этому бѣдному человѣку, который не обязанъ имѣть по этому предмету столь же глубокихъ свѣдѣній, какъ епископъ по исторіи церкви.

«Я, ваше преосвященство, покончилъ съ теоріей литургіи, которая наполняетъ первыя тридцать страницъ вашего *Пастырскаго наставленія*.

«Скажу еще только одно слово, преосвященнѣйшій, по поводу вашего изслѣдованія литургійнаго вопроса въ вашей епархіи Блоа. Неужели ваше преосвященство думаете, что похвально говорить напрямикъ вѣрующимъ этой епархіи то, что ваши предшественники *переходили границы своей власти въ литургіи* (ст. 34)? Или говорить имъ, что преосвященный Созень, одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ епископовъ нашего времени, пользовавшійся большой извѣстностью какъ въ научномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи святости своей жизни, въ вашей Блоасской епархіи, старался до самой своей смерти поддерживать дѣло тѣхъ епископовъ, которые *переходили границы своей власти*? Неужели вы думаете, что хорошо, въ началѣ вашего епископства съ высоты маленькой брошюры, начать преслѣдованіе старыхъ епископовъ, которые имѣли такую же власть, какъ и вы? Развѣ вы думаете, что не можете ослабить вашего собственнаго авторитета въ глазахъ вѣрующихъ, преслѣдуя авторитетъ своихъ предшественниковъ, который долженъ составлять одно цѣлое съ вашимъ. Я не отвергаю вашего права

принимать въ своей епархіи римскія литургійныя книги; но я говорю только то, что вы, ваше преосвященство, могли бы это сдѣлать, не подвергая публичному порицанію епископовъ, которые были виновны только въ томъ, что не раздѣляли вашего мнѣнія. Я вѣрю, что вы великій епископъ, искусный литургистъ и глубокій богословъ, но можно имѣть всѣ эти достоинства и не воображать себя непогрѣшимымъ судьбою живыхъ и мертвыхъ.

«Что же еще остается сказать мнѣ объ остальной части вашего *Пастырскаго наставленія*? Вы, ваше преосвященство, на пространствѣ восьмидесяти страницъ, не жалѣли фразъ для доказательства того, что ничто въ свѣтѣ не можетъ сравниться съ римскимъ требникомъ. Римскій требникъ превосходитъ всѣ другія книги въ выразительности, утѣшеніи, картинности и чувствахъ. Самое маленькое слово изъ римскаго требника — по что я говорю? простая буква изъ римскаго требника, превосходятъ красотою все то, что можно найти, гдѣ бы то не было. Даже простые *Ахъ! Охъ!* восхитительны, когда ихъ находятъ въ римскомъ требникѣ. Римскій требникъ есть *эпическая поэма!* Счастливые итальянцы! Они уже имѣли *Неистоваго Голанда* и *Освобожденный Иерусалимъ*, и къ этимъ образцовымъ произведеніямъ могли присоединить еще и римскій требникъ! Парижскій требникъ составленъ изъ псалмовъ, мѣсть Священнаго Писанія и св. отцовъ, также какъ и римскій требникъ! но что прекрасно въ римскомъ требникѣ, то отвратительно въ парижскомъ. Парижскій требникъ, какъ и римскій, содержитъ въ себѣ житія святыхъ, но какой стыдъ! Онъ осмѣлился уничтожить всѣ апокрифическіе факты, которые составляютъ полную красоту сказаній о святыхъ римскаго требника! Парижскій требникъ имѣетъ такіе же гимны, какъ и римскій требникъ! Но первый осмѣлился предпочесть гимны Салтѣля (Salteul) и Коффена (Coffin) гимнамъ римскаго требника! Какая профанація! предпочесть благочестивыя оды, столь же поэтическія, какъ и оды Горація, и столь же проникнутыя чувствомъ, какъ и пророческія пѣсни, рапсодіямъ, которыя не имѣютъ ни мысли, ни слога, ни поэзіи! Но эти рапсодіи хороши потому только, что находятся въ римскомъ требникѣ, а гимны Салтѣ-

ля отвратительны потому, что находятся въ парижскомъ требникѣ. Преосвященный Астрось (Astros) ¹⁾ и аббатъ Лабордъ ²⁾ были слишкомъ просты доказывая, что во всѣхъ отношеніяхъ книги парижской литургіи стоятъ гораздо выше книгъ литургіи римской. Эти богословы не имѣли самыхъ поверхностныхъ свѣдѣній (le premier mot de la question): Они должны были бы понять, какъ понимаете вы, ваше преосвященство, что все римское хорошо только потому, что оно римское, а все парижское дурно, потому только что оно парижское.

«Руководясь этимъ принципомъ и знаками восклицанія, вы искусно сумѣли избѣгнуть спора, который былъ бы недостойнъ вашего преосвященства. Я знаю, что споръ этотъ не можетъ утратить васъ. Никто болѣе меня не можетъ восхищаться тѣмъ научнымъ знаніемъ, несравненнымъ памятникомъ котораго служить намъ ваше *Пастырское наставленіе*. Но разсужденія галликанцевъ могли бы затруднить элегантную быстроту вашего слога. Лучше было бы вамъ въ этомъ случаѣ исключительно отнестись къ дону Геранже; перенести всѣ его идеи (галликанцы говорятъ, *зablужденія*) въ ваше *Пастырское наставленіе*; преподавать ихъ съ высоты вашей епископской кафедры, осуждать все остальное, и доказывать католическому міру, что дѣло римскаго требника выиграно.

«Честь имѣю быть вашего преосвященства смиреннѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою».

Письмо это, конечно, было достаточно почтительно. Я отдалъ напечатать его въ формѣ брошюры и отослалъ Паллю, который не говорилъ о немъ ни слова и остерегался подвергнуть его запрещенію.

Мой другъ Леонъ Гараненъ написалъ мнѣ слѣдующее: «Никто въ епископскомъ дворѣ не говоритъ о вашемъ письмѣ. Если бы я былъ епископомъ, то стыдился бы быть причиною полученія подобнаго письма».

¹⁾ Французская церковь несправедливо обезчещенная и т. д. Сочиненіе преосвященнаго Астрога, архіепископа Тулузскаго. Эта книга есть научное и достойное опроверженіе литургійныхъ установленій Геранже.

²⁾ *Парижскія письма*. Эта строго научная книга содержитъ прекрасно составленную и полную параллель парижскаго и римскаго требниковъ.

Нужно было доказать Паллю, что онъ былъ неучемъ, потому что онъ такъ величественно высказывалъ себя критикомъ тѣхъ, которые что-нибудь да знали.

Я оказалъ такую же услугу мессиру Белье, одному изъ трехъ воробьевъ незаконнаго Ла-Рошельскаго собора. Онъ такъ же напечаталъ пастырское наставленіе по поводу Индекса.

Эта стряпня (*factum*) была преимущественно направлена противъ меня. Я долженъ былъ отвѣчать и доказалъ Белье, что онъ не имѣетъ даже понятія объ Индексѣ; что составленная имъ исторія Индекса наполнена заблужденіями и противорѣчіями; что Индексъ никогда не признавался во Франціи, что для доказательства противнаго, Белье представилъ мнѣ ложные факты и неточные тексты и что защитникъ Индекса является плохимъ адвокатомъ св. Конгрегаціи.

Пастырское наставленіе Белье имѣло такую же силу, какъ и пастырское наставленіе Паллю. Этотъ воробей Ла-Рошельскаго собора если бы и пожелалъ представить доказательство своего грубаго невѣжества, то не могъ бы придумать ничего лучшаго.

Въ то же самое время я началъ борьбу съ кардиналомъ Бональдомъ, архіепископомъ Ліонскимъ. Этотъ прелать считалъ себя великимъ человѣкомъ, потому что его отецъ былъ писателемъ, пріобрѣвшимъ нѣкоторую славу во время манархіи старшей линіи; но онъ ошибался. Отецъ его не лишенъ былъ таланта, но у сына совсѣмъ не было таланта.

Мой другъ аббатъ Пронсоль написалъ небольшой томъ о *Судалищѣ власти въ церкви* (*Siege du pouvoir dans l'Eglise*). Кардиналь Ліонскій далъ письменный приказъ, чтобы его осудили. Пронсоль былъ галликанецъ, а кардиналь Бональдъ противопоставилъ ему ультрамонтанство. Я доказалъ кардиналу, что ультрамонтанское ученіе его было совершенно ложно, что требуемая имъ власть для папы противна Св. Писанію, преданію и исторіи церкви.

Мое письмо къ кардиналу архіепископу Ліонскому было яснымъ свидѣтельствомъ въ пользу того сочиненія, которое я написалъ о папствѣ. Съ того времени какъ начали преслѣдовать меня по поводу Индекса, я изучилъ не только исторію

этой Конгрегаціи, но и исторію папства. Письма мои къ Белье и кардиналу Бональду доказали, что мои занятія были серіозны, и становились со дня на день болѣе независимыми. Я отбросилъ въ сторону ту боязливость, которая заставляла меня унижаться передъ Сибуромъ и Конгрегаціей Индекса. Я совершенно независимо приступилъ къ изучаемымъ мной вопросамъ, и имѣлъ только одну цѣль—узнать и представить точную истину.

Послѣ напечатанія моихъ *Писемъ нѣсколькимъ епископамъ*, я пришелъ къ тому заключенію, что лучше было бы издавать «Обозрѣніе», въ которомъ я могъ бы вести болѣе оживленную войну съ ультрамонтанами. Такимъ образомъ я основалъ *Observateur catholique*. Изъ благоразумія, и для избѣжанія новыхъ непріятностей, я сначала не подписывалъ своего имени подъ своими статьями. Друзья мои, какъ напр. гг. Паранъ-дю-Шателе, Гелонъ (Guèlon), Пуленъ (Poulain) и т. д. подписывались вмѣсто меня. Они не ошибались въ значеніи этихъ подписей, и какъ только появился первый номеръ журнала, Римъ тотчасъ же подвергъ его запрещенію. Определеніе это вызвало у меня смѣхъ, и я увѣдомилъ своихъ подписчиковъ, чтобы они не пугались этого запрещенія, потому что каждый номеръ могъ подвергаться запрещенію только послѣ его появленія, т. е. когда они прочтуть его. Вмѣсто того, чтобы остановить войну, начатую мной съ ультрамонтанствомъ, запрещеніе Индекса возбудило во мнѣ большую энергію и доказало мнѣ, что я наносилъ вѣрные удары. Уже въ моемъ письмѣ къ кардиналу Бональду я писалъ, что папская система служила самымъ главнымъ препятствіемъ къ соединенію съ другими христіанскими церквами, а преимущественно съ Церковью Восточной. Я продолжалъ свою работу, и каждый номеръ представлялъ доказательство того успѣха, который я дѣлалъ въ ученіи истинно католическомъ православномъ. Я съ жаромъ преслѣдовалъ неправославныя посланія епископовъ и новыя изобрѣтенія, называемыя религіозными. Новый догматъ 1854 года далъ мнѣ въ особенности возможность глубоко изучить вопросъ о Непорочномъ Зачатіи. Кардиналъ Гуссе напечаталъ въ защиту этого догмата толстый томъ. Я не пропу-

стиль ни одного изъ его разсужденій, ни одного изъ его текстовъ. Онъ осмѣлился приписать Восточной Церкви папское ученіе по этому вопросу. Я доказалъ ему, что ничего подобнаго не существуетъ и что вѣрующіе этой Церкви, спрошенные мною, доказали мнѣ, что ничего не понимаютъ въ этомъ вопросѣ. Они воображали, что папа признаетъ Дѣву Марію непорочной, потому что Она зачала Іисуса Христа отъ Духа Святого. Но когда я объяснилъ имъ, что папское опредѣленіе утверждаетъ и то, что Сама Дѣва Марія была зачата, не подвергаясь первородному грѣху, то они отвѣтили мнѣ, что въ ихъ Церкви ученіе это считается еретическимъ.

Понятно, что кардиналъ Гуссе не рѣшился отвѣчать на мой трудъ и молча получалъ наносимые мною ему удары. Онъ предвидѣлъ, что съ моей стороны, относительно его, это было не послѣднее слово. Подобная же вещь произошла и съ преосвященнымъ Малу (Malou), епископомъ Брюггскимъ (Bruges), который сочинилъ, для защиты папскаго постановленія, систему—*тайной традиціи (tradition occulte)*. Я сильно преслѣдовалъ этого епископа и его еретическія системы. Онъ тоже получилъ ударъ, не отвѣтивъ на него ни одного слова. Мои труды противъ ложнаго догмата 1854 года произвели много шума, и уважаемый епископъ Шартрскій, преосвященный Клозель-де-Монталь (Clausel de Montals) предпринялъ, не смотря на преклонный возрастъ, путешествіе въ Парижъ, чтобы поздравить и поощрить меня. Я зналъ этого почтеннаго епископа по его сочиненіямъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, то нанялъ помѣщеніе въ семинаріи св. Сульпиція (Saint-Sulpice). Онъ не зналъ, что эта Конгрегація присоединилась къ ультрамонтанству. Римъ объявилъ этой Конгрегаціи, что подвергнетъ запрещенію сочиненія ея настоятеля М. Карьера (Carriere), и этого было достаточно, чтобы заставить ее отказаться отъ галликанства, впрочемъ, значительно ослабленнаго ея прежнимъ настоятелемъ Эмери (Emeru). Когда въ семинаріи св. Сульпиція узнали о томъ, что преосвященный Клозель-де-Монталь желалъ видѣть и поощрить меня, то употребили все возможное, чтобы помѣшать нашему свиданію. Я явился въ семинарію, но мнѣ сказали, что преосвященный

былъ такъ утомленъ путешествіемъ, что я долженъ отложить мое посѣщеніе до слѣдующаго дня. Я опять явился на слѣдующій день, но мнѣ сказали, что преосвященный боялся со-всѣмъ заболѣть въ Парижѣ и возвратился къ себѣ.

Я узналъ, что все это было ложно и что преосвященный Клозель-де-Монталь очень скорбѣлъ, что не видѣлся со мною. Я написалъ ему, что былъ у него два раза, но что обитатели семинаріи св. Сульпиція нашли возможность помѣшать нашему свиданію. Преосвященный Клозель-де-Монталь достигъ глубокой старости, и умеръ спустя не много времени. Если бы всѣ епископы Франціи были столь же святы и столь же учены, какъ преосвященный Клозель-де-Монталь, то Римъ никогда не могъ бы распространять свои новые догматы, свой новый культъ и свои всевозможныя изобрѣтенія. Я посвятилъ себя преслѣдованію всего этого въ своемъ журналѣ *Observateur catholique* и доказывалъ, что Римъ, своими новыми благочестивыми дѣйствіями (*devotion*), замѣнялъ христіанство язычествомъ; что почитаніе Пресвятой Дѣвы становится Маріопоклоненіемъ (*mariolâtrie*); что поклѣненіе Святѣйшему Сердцу (*Sacre-Coeur*) было еретическимъ; что мнимыя откровенія Иисуса Христа дѣвѣ Алакокъ (*Alacoque*) были безнравственны и служили оскорбленіемъ самому Иисусу Христу. Я преслѣдовалъ воображаемыхъ пророчицъ, повѣствованія которыхъ приводились въ доказательство новыхъ заблужденій. Я даже имѣлъ терпѣніе прочесть со вниманіемъ книги сестры Эммерики и Маріи Агреда (*Emmerich et de Marie de Agreda*), для того чтобы поставить ихъ въ противорѣчіе одну съ другой. Можно подумать, что книги этихъ истеричныхъ женщинъ созданы нарочно для того, чтобы противорѣчить другъ другу. Онѣ противорѣчатъ одна другой даже въ самыхъ незначительныхъ фактахъ и въ самыхъ малыхъ обстоятельствахъ изъ жизни Иисуса Христа и того семейства, къ которому Онъ принадлежалъ. Обѣ вдохновенныя женщины, не смотря на ихъ безчисленныя и очевидныя противорѣчія, всегда имѣли приверженцевъ въ Римской церкви, которая проникнута духомъ заблужденія. Съ тѣхъ поръ, относительно моихъ изданій, принятъ былъ заговоръ молчанія (*conjuraton du silence*); но если не рѣша-

лись начинать полемику со мною, то пробовали напугать меня. Директоръ прессы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, именовавшійся Саллесомъ (Salles), уполномоченъ былъ укротить меня. Этотъ Саллесъ былъ префектомъ въ Троя. Когда онъ былъ назначенъ директоромъ прессы, то преосвященный Кёръ отправился къ нему и совѣтовалъ ему не вѣрить тѣмъ доносамъ, которые сдѣланы ему по поводу моихъ трудовъ. Саллесъ обѣщалъ исполнить все, о чемъ просилъ его преосвященный Кёръ, но не исполнилъ ни одного обѣщанія.

Однажды я получилъ отъ него записку, въ которой онъ просилъ меня зайти въ его кабинетъ. Я отправился къ нему вмѣстѣ съ тѣмъ книгопродавцемъ, который былъ уполномоченъ продавать мои изданія и абонементы на журналъ *Observateur catholique*. При входѣ моемъ въ кабинетъ, Саллесъ всталъ, принимая величественный видъ, который совершенно не шелъ къ нему. Не затруднивъ себя поклономъ ни мнѣ, ни моему книгопродавцу, онъ сказалъ мнѣ: «Милостивый государь, я позвалъ васъ, чтобы сдѣлать вамъ замѣчанія, относительно недостойнаго журнала издаваемого вами. Только дурной священникъ можетъ преслѣдовать все то, что почитается католиками». Я отвѣтилъ ему слѣдующее: «Я, милостивый государь, думалъ, что только въ квартирѣ сорванцовъ (quartier Mouffetard) могу встрѣтить оскорбителей, подобныхъ вамъ; но какъ видно, они встрѣчаются также и въ министерствахъ». Произнося эти слова, я направился, чтобы взять свою шляпу, которую оставилъ на какой-то мебели. Мой книгопродавецъ вообразилъ, что я хотѣлъ дать пощечину Саллесу и убѣждалъ со всѣхъ ногъ. Повидимому самъ Саллесъ ожидалъ такой же мѣры исправленія; потому что сдѣлалъ движеніе, которое испугало моего книгопродавца. Я вовсе и не думалъ давать Саллесу заслуженную имъ пощечину, потому что никогда никому не наносилъ ударовъ. Я просто желалъ взять свою шляпу и удалиться, что и привелъ въ исполненіе. Саллесъ слѣдовалъ за мною говоря: «Я имѣю приказъ, который долженъ исполнить». Я отвѣтилъ ему въ передней въ присутствіи удивленныхъ канцелярскихъ служителей: «Милостивый государь, я никогда не унижался до того, чтобы отвѣчать нахаламъ», и затѣмъ я удалился.

Я нашелъ своего книгопродавца на улицѣ, блѣднаго какъ мертвецъ. «Что съ вами, спросилъ я его?» «Я вообразилъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, что вы дадите пощечину этому господину, и что насъ арестуютъ». Я посмѣялся надъ нимъ, и не слышалъ болѣе ничего о Саллесѣ, фамилія котораго вполнѣ соответствовала ея личности.

Итакъ, я продолжалъ издавать журналъ *Observateur catholique*, въ которомъ я боролся съ ложными ученіями, ложными откровеніями, ложнымъ поклоненіемъ, безнравственностью казуистовъ и тѣми странными церемоніями, съ помощью которыхъ римская церковь желала возстановить древнее язычество грековъ и римлянъ.

Съ каждымъ днемъ я прибрѣталъ все большія и большія свѣдѣнія относительно папской власти, и послѣ знакомства съ ученіемъ св. отцовъ первенствующей Церкви и съ опредѣленіями первыхъ вселенскихъ соборовъ, мнѣ вполнѣ выяснилось слѣдующее: что римскій епископъ не имѣлъ никакой власти по божественному праву; что онъ получилъ отъ соборовъ титулъ перваго патріарха; что онъ желалъ злоупотребить этимъ титуломъ и взять на себя право юрисдикціи во всей церкви; что онъ кончилъ тѣмъ, что въ девятомъ вѣкѣ возвелъ это ученіе въ догматъ и установилъ то, что было названо папской властью. Я доказалъ, что начиная съ этого времени, папы способствовали введенію новыхъ ученій на западѣ и преимущественно ереси, скрытой въ выраженіи *Filioque*, прибавленной къ древнему символу.

Я сдѣлался православнымъ, не прочитавъ ни одной православной книги, и исключительно благодаря изученію св. отцовъ, опредѣленій первыхъ вселенскихъ соборовъ и неоспоримыхъ фактовъ исторіи церкви.

Занимаясь этимъ изученіемъ, я сдѣлалъ многочисленныя выписки, съ цѣлію издать потомъ обширную исторію церкви.

Я также собралъ выписки для составленія *Исторіи іезуитовъ*, которую издалъ въ то самое время, когда былъ редакторомъ журнала *Observateur catholique*. Исторія эта появилась въ свѣтѣ въ трехъ томахъ in 8. Я въ ней представилъ только документы и факты, которые даже сами іезуиты не могли не признать достовѣрными.

Моя *Исторія іезуитовъ* была настоящимъ обличительнымъ актомъ (*réquisitoire*) противъ этого ужаснаго общества, которое наполнило свѣтъ своими заблужденіями, своими интригами и мерзостью. За исключеніемъ выписокъ, сдѣланныхъ мною въ то время, когда я работалъ для составленія моей *Исторіи французской церкви*, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи бібліотеку чрезвычайно богатую сочиненіями благопріятными и враждебными знаменитому обществу; я воспользовался ими въ широкихъ размѣрахъ, я даже имѣлъ возможность добыть документы изъ тайныхъ архивовъ Ватикана.

Иезуиты угрожали мнѣ ужасной местию въ случаѣ, если я напечатаю то сочиненіе, о которомъ увѣдомлялъ. Я упоминалъ раньше о томъ, что братъ моего уважаемаго друга Леона Гарпена сдѣлался іезуитомъ. Онъ написалъ своему брату, что я буду раскаиваться за свою смѣлость, и что противъ меня могутъ возстановить знаменитаго Кретино-Жоли (*Gréteineau-Joly*), мнимаго (*responsable*) автора пресловутой *Исторіи іезуитовъ*, для составленія которой добрые отцы снабдили его источниками, и дорого заплатили ему за изданіе ея подъ его именемъ. Мнѣ были извѣстны всѣ обстоятельства сопровождавшія это изданіе, и мнѣніе іезуитовъ о Кретино-Жоли. Я все это узналъ отъ одного іезуита, находившагося въ одно время со мною въ книжномъ магазинѣ братьевъ Гюйо, которые продавали *Исторію іезуитовъ* Кретино-Жоли и мою *Исторію французской церкви*. Въ то время сочиненіе мое еще не было подвергнуто запрещенію, и братья Гюйо, мои книгопродавцы, сдѣлавшіеся впослѣдствіи столь почтенными іезуитами, не стѣснялись въ выраженіяхъ по поводу добрыхъ отцовъ, будучи тогда увѣренными, что ихъ никто не услышитъ. Между тѣмъ какъ іезуитъ, обязанный издать Кретино-Жоли, откровенно говорилъ объ этомъ съ господиномъ, столь сильно спекулировавшимъ на іезуитскій карманъ, я сидѣлъ въ комнатѣ, гдѣ Гюйо оставилъ меня, чтобы принять добраго отца въ своемъ кабинетѣ. Онъ оставилъ дверь своего кабинета отворенною, такъ что я могъ слышать весь разговоръ. Когда добрый отецъ ушелъ, то Гюйо вышелъ ко мнѣ смѣясь какъ сумасшедшій, и прибавилъ нѣкоторыя подробности къ тѣмъ, которыми снабдилъ его добрый отецъ.

Я хорошо зналъ, что Кретино-Жоли, издавая свою *Исторію іезуитовъ* и своего *Климента XIV*, насмѣхался надъ нами; но я не былъ недоволенъ тѣмъ, что услышалъ изъ устъ самого іезуита подробности этой спекуляціи.

Можно послѣ этого понять, какое впечатлѣніе произвела на меня замѣтка генсрала св. общества, напечатанная въ журналахъ, въ которой онъ заявлялъ, что общество никогда не принимало никакого участія въ изданіяхъ Кретино-Жоли. Я не пуждался въ этомъ торжественномъ заявленіи, чтобы оцѣнить по достоинству нравственность *малаго избраннаго стада*, какъ его называлъ о. Фантенъ. Я выучился понимать *это малое стадо*.

Когда мой другъ, Леонъ Гарапенъ, передалъ мнѣ письмо брата своего Александра, то я отвѣчалъ ему, что не боюсь ужаснаго Кретино-Жоли, и что если онъ начнетъ нападать на меня, то я сумѣю отвѣтить ему. Святое общество хорошо знало это. Я издалъ мои три тома, не подвергшись преслѣдованію ни Кретино-Жоли, ни кого бы то ни было. Добрые отцы не подвергли даже запрещенію сочиненіе, которое можетъ назваться ужаснымъ обвинительнымъ актомъ (*recusitoire*) противъ нихъ. И въ самомъ дѣлѣ, запрещеніе могло бы служить средствомъ сдѣлать извѣстнымъ мой трудъ той партіи, гдѣ онъ долженъ былъ бы быть совершенно неизвѣстнымъ.

Исторія іезуитовъ должна была появиться въ книжной торговлѣ Дидо (Didot), гдѣ я сдѣлался извѣстнымъ моими статьями, напечатанными въ энциклопедіи XIX столѣтія (*Encyclopedie du XIX Siecle*). Когда я предложилъ свою рукопись книгопродавцамъ Дидо, то они отвѣтили мнѣ, что къ великому ихъ прискорбію они не могутъ напечатать моего труда: «Мы должны охранять правительство, которое поддерживаетъ наши большія греческія изданія, и которое можетъ, по внушенію іезуитовъ, лишить насъ своей подписки». Тогда я издалъ мой трудъ съ помощью нѣкоторыхъ друзей, и изданіе въ 2000 экземпляровъ было распродано въ непродолжительное время.

Съ тѣхъ поръ я пытался выпустить въ свѣтъ второе изданіе. Я заключилъ условія съ двумя книгопродавцами, которые

въ моментъ приведенія его въ исполненіе объявили мнѣ, что не могутъ выполнить своего обязательства. Я бы могъ преслѣдовать ихъ судомъ, но у меня не было увѣренности въ самихъ судьяхъ, которые должны были вести дѣло и потому я и не началъ процесса.

Я надѣюсь, что со временемъ найдется какой-нибудь книгопродавецъ, который не побоятся угрозъ іезуитовъ и напечатаетъ второе изданіе моей книги, наиболѣе ученой и наиболѣе серіозной изъ всѣхъ напечатанныхъ когда бы то ни было по поводу того ужаснаго общества, которое разрушило на западѣ христіанскій духъ, и которое вмѣшивалось во всѣ интриги, покрывшія многія страны кровью и развалинами.

Въ настоящее время нерѣдко можно встрѣтить людей, которые думаютъ присвоить себѣ важность, говоря, что іезуитизмъ есть вопросъ старій, на который не слѣдуетъ обращать какого бы то ни было вниманія въ наше время. Эти *такъ называемые серіозные люди* суть ни болѣе ни менѣе какъ глупцы, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія объ іезуитизмѣ и іезуитахъ. Іезуиты распространены повсюду и іезуитизмъ проникъ во всѣ классы общества и производитъ въ нихъ ужасающія опустошенія. Тѣ, которые говорятъ о немъ съ презрѣніемъ, сами, несомнѣнно, суть жертвы его.

Часто встрѣчаются люди, зараженные самомнѣніемъ, которые безсмысленно говорятъ вамъ слѣдующее: «Я не ѣмъ іезуитовъ». Что же это доказываетъ? Въ самомъ дѣлѣ подобная пища настолько вредна, что слѣдовало бы отъ нея воздержаться. Но развѣ можетъ назваться *подданіемъ іезуитовъ* выясненіе—коварныхъ и безнравственныхъ средствъ, употребляемыхъ добрыми отцами для захвата вліянія въ обществѣ, ими развращаемомъ, и наученіе тѣхъ людей, которыхъ они эксплуатируютъ? Моя *Исторія іезуитовъ* написана безпристрастно; она наполнена достовѣрными документами, которые настолько неоспоримы, что знаменитое общество никогда не рѣшалось оспаривать ихъ. Нѣкоторые изъ грязныхъ и лицемѣрныхъ шпионовъ, употребляемыхъ обществомъ, явились ко мнѣ для переговоровъ по поводу моего труда и тѣхъ источниковъ, откуда я почерпалъ нѣкоторые документы; но эти педанты (*cuistres*)

не имѣли успѣха. Если бы я жилъ въ то доброе старое время, когда іезуиты безнаказанно играли ножемъ и ядомъ, то, конечно, я долженъ былъ бы принять большія предосторожности. Но я никогда не принималъ никакихъ предосторожностей, всегда оставлялъ открытою дверь моего кабинета и быстро выбрасывалъ педантовъ (cuistres), которые вползали ко мнѣ, какъ пресмыкающіяся.

Если они и не могли явно вредить мнѣ, то добрые отцы вредили мнѣ насколько возможно клеветою, которую они умѣютъ такъ хорошо распускать повсюду. Изъ центрального учрежденія лозунгъ передается второстепеннымъ учрежденіямъ, а оттуда конгрегаціямъ, которыя почти всѣ зависятъ отъ общества; изъ конгрегацій лозунгъ переходитъ ко всѣмъ ассоціаціямъ, а съ помощью ихъ ко всѣмъ членамъ и всѣмъ ханжамъ того и другого пола. Установленная такимъ образомъ клевета не боится никакихъ опроверженій. Единственное противъ нея средство состоитъ въ томъ, чтобы не обращать на нее вниманія и продолжать съ энергіей ту борьбу, которая вызвала ее.

Этимъ-то способомъ я и воспользовался. На всѣ инсинуаціи пресмыкающихся я отвѣтилъ прямыми нападеніями, неопровержимыми и очень основательными. Такимъ образомъ я доказалъ ужасному обществу и его послѣдователямъ, что не боялся ихъ и презиралъ ихъ. Нѣкоторыя лица могли иногда находить, что я слишкомъ рѣзокъ съ нѣкоторыми противниками; но это имъ казалось потому, что они не знали, съ какими врагами я долженъ былъ бороться. Можно съ успѣхомъ бороться противъ лицемерія и лжи только посредствомъ откровенности и истины, не заботясь о томъ, покажутся ли откровенность и истина слишкомъ рѣзкими въ глазахъ робкихъ людей, которые желали бы все шадить, потому что сами не стоятъ у бреши и имъ не съ кѣмъ сражаться.

Скажите мнѣ, дорогой читатель, если бы вы должны были отбиваться отъ бѣшеныхъ волковъ, то неужели бы вы могли сохранить настолько хладнокровія, чтобы удержаться отъ ударовъ, и защищаться кротко и вѣжливо? Вы, навѣрно, боролись бы съ энергіей, не шадили бы ударовъ, и поступали бы хорошо.

Я издалъ противъ моихъ противниковъ еще слѣдующее сочиненіе, которое привело ихъ въ ярость: *Мемуары и Дневникъ аббата Ледье о жизни и сочиненіяхъ Боссюэта, епископа Мо.* (Les Mémoires et Journal de l'abbé Ledieu sur la vie et les ouvrages de Bossuet, évêque de Meaux).

Этотъ великій человѣкъ имѣлъ свои слабости. Одной изъ этихъ слабостей была спусходительность къ Людовику XIV, хотя онъ не поощрялъ ничего дурного, сдѣланнаго этимъ королемъ; потомъ слабость къ Риму. Онъ думалъ, что не должно дѣлать раскола съ папскою властью, и среди весьма оживленной борьбы между галликанцами и ультраманананами его времени, между іезуитами и янсенистами, онъ умѣлъ сохранить положеніе высшее и независимое, хотя и дѣлалъ иногда, смотря по обстоятельствамъ, уступки, чтобы понравиться великому королю. Людовикъ XIV съ своей стороны питалъ къ Боссюэту глубокое уваженіе, и принималъ отъ него такія замѣчанія, которыя никто другой не могъ дѣлать ему.

Не присоединяясь къ школѣ Поръ-Руаяля (Port-Royal), Боссюэтъ придерживался ученій, сообразныхъ съ ученіями этой знаменитой и ученой школы, и презиралъ ученія іезуитовъ. Когда Отецъ Кеснель (Quesnel) напечаталъ свое сочиненіе, названное: *Нравственныя размышленія о Новомъ Заветѣ* (*Réflexions morales sur le Nouveau Testament*), то іезуиты надѣлали по поводу его много шума.

И въ самомъ дѣлѣ, они нашли въ немъ, въ формахъ истиннаго благочестія, опроверженіе всѣхъ ихъ ученій о набожности и о сомнѣніяхъ въ дѣлѣ вѣры. Сочиненіе отца Кеснеля было дано на разсмотрѣніе Боссюэту; онъ одобрилъ его и составилъ предисловіе, которое должно было быть помѣщено въ началѣ этого труда.

Но это не только не уменьшило, а усилило враждебность іезуитовъ къ вышеупомянутому сочиненію, и они столь сильно работали противъ него, что принудили Римъ издать знаменитую буллу *Unigenitus*, въ которой Кеснель былъ обвиненъ во всевозможныхъ заблужденіяхъ. Съ тѣхъ поръ янсенисты получили названіе *Кеснеллистовъ* (*Quesnellistes*), и такимъ образомъ была выдумана новая ересь.

Одно только стѣсняло іезуитовъ: именно одобреніе, данное Боссюэтомъ сочиненію, которое Римъ призналъ еретическимъ. Никто не осмѣливался сказать, что Боссюэтъ поступилъ неразумно, одобривъ то сочиненіе, которое Римъ подвергъ столь сильному осужденію. Тогда прибѣгли къ слѣдующему вымыслу, — будто бы Боссюэтъ давая свое знаменитое предисловіе, не желалъ, чтобы оно было напечатано, и что обдумавъ хорошо свое прежнее рѣшеніе, онъ осудилъ его. Кардиналь Боссе (Beausset), историкъ Боссюэта, особенно способствовалъ распространенію этого вымысла. Этотъ господинъ имѣлъ въ рукахъ рукописи Боссюэта и его секретаря, аббата Ледье. Случайно эти самыя рукописи попали въ мои руки, между которыми я нашелъ собственноручныя замѣтки кардинала-историка. Въ этихъ замѣткахъ я отыскалъ доказательство того, что кардиналь-историкъ умышенно поддѣлалъ рукописи, и взялъ изъ нихъ только то, что для него было нужно. Въ то время когда я занимался этимъ изслѣдованіемъ, Пужула (Poujoulat) пришла идея напечатать *Письма о Боссюэтѣ (Lettres sur Bossuet)*. Пужула считалъ себя человѣкомъ высокихъ способностей, а въ особенности великимъ религіознымъ писателемъ. Легитимисты льстили ему. Между тѣмъ это былъ плохой писатель, который пробовалъ всѣ роды церковнаго авторства и ни въ одномъ изъ нихъ не имѣлъ успѣха. Когда я прочелъ его письма о Боссюэтѣ, то въ числѣ тысячи другихъ заблужденій, я нашелъ тотъ вымыселъ, который кардиналь Боссе пустилъ въ обращеніе. Я написалъ объ этомъ въ *Journal des Debats*, который напечаталъ мое письмо.

Этотъ журналъ имѣлъ тогда главнымъ редакторомъ маленькаго близорукаго человѣка, именовавшагося Сильвестръ-де-Саси (*Sylvestre-de-Sacy*). Онъ воображалъ, что происходилъ отъ знаменитой фамиліи Ле-Местръ-де-Саси (*Le-Maistre-de Sacy*), составлявшей славу магистратуры и школы Поръ-Руаяля. Все это былъ сущій вздоръ, но тѣмъ не менѣе онъ старался заставить вѣрить себѣ тѣмъ, что вновь издавалъ маленькія духовныя сочиненія, которыя выходили изъ школы Поръ-Руаяля. Этому-то обстоятельству я обязанъ помѣщеніемъ въ *Journal des Debats* моего письма, въ которомъ я доказывалъ, что Боссюэтъ въ

дѣйствительности одобрилъ сочиненіе о. Кеснеля, и что его предисловіе было назначено для напечатанія.

Дюлакъ изъ журнала *Univers* поспѣшилъ взять сторону Пужула; но я заставилъ его замолчать посредствомъ брошюры, которую напечаталъ по этому вопросу. Пужула самъ провѣрилъ тексты рукописи Ледье, о которой я упоминалъ, и которая была предложена ему съ большой готовностью. Частнымъ образомъ онъ признался, что я былъ правъ; но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые могутъ признать свою ошибку публично. Дюлакъ, занимавшійся этимъ вопросомъ, только на основаніи данныхъ Пужула, тоже не сознался въ своемъ заблужденіи. Оба мои противника ограничились благоразумнымъ молчаніемъ.

Когда я приобрѣлъ въ свою собственность рукописи Боссюэта и Ледье, то отправился въ національную бібліотеку, для изученія другихъ рукописей, по тому же самому предмету. Я нашелъ рукопись *Мемуаровъ аббата Ледье* (*Mémoire de l'abbé Ledieu*), достовѣрность которыхъ не была опредѣлена въ то время; я доказалъ эту достовѣрность, заявивши что мемуары были написаны однимъ почеркомъ съ находившимися въ моемъ владѣніи дневникомъ и другими замѣтками, также принадлежавшими Ледье, достовѣрность которыхъ была неоспорима. Тогда я началъ издавать эти рукописи, которыя изобличили во лжи кардинала Боссе и другихъ писателей, работавшихъ на основаніи его сочиненія.

Я также доказалъ, что Боссюэтъ враждебно относился къ іезуитамъ и ихъ ученіямъ; что если онъ и былъ слишкомъ робкимъ галликанцемъ, то тѣмъ не менѣе онъ показалъ себя врагомъ ультрамонтанства. Онъ въ особенности показалъ себя врагомъ іезуитовъ въ осужденіи казуистовъ. Въ этомъ осужденіи не упоминали объ авторахъ; но аббатъ Ледье, который имѣлъ обыкновеніе подслушивать, зналъ тѣхъ авторовъ, которые подверглись осужденію, и онъ написалъ *Ключъ къ осужденіямъ* (*La clef de la censure*), для того чтобы раскрыть всѣ тайны, которыми окружали себя въ этомъ дѣлѣ. Этотъ трудъ Ледье существуетъ въ рукописи, въ бібліотекѣ семинаріи Мо. Я пожелалъ напечатать ее, и съ этой цѣлію отправился къ до-

броду епископу Аллу, который въ этомъ случаѣ представилъ доказательства своей прежней дружбы ко мнѣ. Онъ не рѣшился дозволить мнѣ того, чего я просилъ, безъ совѣта своихъ приближенныхъ. Приближенные высказались противъ изданія *La Clef de la censure* изъ боязни добрыхъ отцовъ иезуитовъ. Я сожалѣю объ этомъ, потому что мое изданіе рукописей Ледье было бы полнымъ, а равно полнымъ и доказательство того, что Боссюэтъ презиралъ иезуитовъ.

Боссюэтъ не принадлежалъ также и къ школѣ Поръ-Руаяля. Не смотря на это, ученія преподаваемые этой знаменитой школой получили его одобреніе, что доказываютъ его сочиненія и въ особенности предисловіе предназначенное для сочиненія о Кеснеля. Когда мнѣ представился счастливый случай приобрести большую часть рукописей Боссюэта при одной публичной продажѣ¹⁾, то я нашелъ доказательство того, что предисловіе сочиненія (*Avertissement sur les Reflexions morales*) о Кеснеля было составлено и просмотрѣно съ большой заботливостью Боссюэтомъ, и что онъ просмотрѣлъ и одобрилъ послѣднюю корректуру, назначенную въ печать. Теперь уже невозможно честно утверждать то, что сказалъ кардиналъ Боссе: будто Боссюэтъ, составивъ свое предисловіе, не думалъ его печатать. Въ дѣйствительности было совершенно противное. Фактъ этотъ имѣетъ чрезвычайную важность для богословскихъ споровъ того времени и для опредѣленія истиннаго значенія Боссюэта въ этихъ спорахъ.

Боссюэтъ пользовался такимъ значеніемъ при этой борьбѣ учений, что иезуиты очень желали заставить всѣхъ думать, будто онъ былъ на ихъ сторонѣ. Кардиналъ Боссе настолько желалъ этого, что даже поддѣлалъ журналъ Ледье и другіе документы, бывшіе въ его рукахъ. Въ рукописяхъ онъ оставилъ даже замѣтки, написанныя имъ самимъ, доказывающія, что онъ совершалъ эти поддѣлки умышленно и съ опредѣленнымъ намѣ-

¹⁾ Такъ какъ я не имѣлъ денегъ для приобретения этихъ рукописей, то я просилъ друга своего Параня дю Шателе купить ихъ. Онъ купилъ ихъ чрезвычайно дешево. Продавцы не знали, что они продавали. Паранъ дю Шателе подарилъ ихъ національной библіотекѣ.

реніемъ. Съ тѣхъ поръ какъ я доказалъ все это въ изданной мною рукописи аббата Ледье, партія іезуито-ультрамонтанская вооружилась даже противъ памяти о Боссюэтѣ и издала противъ этого великаго человѣка гнусный пасквиль. Я говорилъ, что три воробья незаконнаго Ла-Рошельскаго собора, которые вмѣстѣ съ другомъ своимъ Паллю почтили меня своей ненавистью, желали было составить коалицію, чтобы вырвать хотя одно перо у орла Мо. Остальные члены незаконнаго собора не осмѣлились взять на себя столь постыднаго дѣла.

Въ то время, когда печатали мой трудъ о Боссюэтѣ, одинъ фанатикъ іезуитъ, по имени Ю. Майнаръ (U. Maunard), часто посѣщаль моего издателя Дидье (Didier), и угрожалъ ему отчаянной войной противъ моего изданія. Всѣ его угрозы ограничились безграмотной статьей, напечатанной въ журналѣ *Bibliographie catholique*. Я безъ всякаго затрудненія уничтожилъ знаменитую статью Ю. Майнара, и мое опроверженіе появилось въ журналѣ *Bibliographie catholique*, который еще прежде напечаталъ статью ученаго аббата Кельо (Caillaud) о моей *Исторіи французской церкви*.

Всѣ большіе журналы Парижа помѣстили отчетъ о моемъ изданіи рукописей Боссюэта и воздали ему большую хвалу.

Журналъ *Observateur catholique* не прекращался, и продолжалъ свое существованіе посредствомъ моихъ большихъ сочиненій. На ультрамонтановъ я наводилъ ужасъ, что мнѣ очень нравилось.

Здѣсь я представлю читателю слѣдующій эпизодъ. Издателемъ *Мемуаровъ и журнала аббата Ледье* былъ Дидье, который называлъ свой домъ академическою книжною торговлею (*Librairie acadèmique*). Бравому издателю необходимо было, чтобы кто-нибудь изъ академиковъ далъ свое имя для главнѣйшихъ изъ его изданій. И потому онъ однажды предложилъ мнѣ, чтобы моему труду предшествовало предисловіе подписанное М. Сильвестромъ-де-Саси, который только что получилъ званіе *безсмертнаго* (*immortel*).

Этотъ безсмертный, не имѣвшій никакого литературнаго значенія, принужденъ былъ напечатать два тома своихъ статей, помѣщенныхъ въ *Journal des Debats*, для доказательства

того, что онъ что-нибудь да сдѣлалъ. Безъ этого его литературный багажъ равнялся бы багажу барона Паскье (Pasquier), который, по опредѣленію *Le Charivari* явился въ институтъ предшествуемый огромнымъ экипажемъ, съ бѣлой бумагой, который тащили четыре лошади. Маленькій близорукій Сильвестръ, прозванный де-Саси, долженъ бы поспѣшить присоединить свое имя къ моему при изданіи рукописей Ледье, и считать за честь мое согласіе принять его предисловіе и его имя. Но маленький близорукій Сильвестръ былъ не такого мнѣнія. Онъ очень охотно принималъ мой трудъ, но съ условіемъ, чтобы онъ вполнѣ былъ приписанъ только ему одному, и чтобы только его имя фигурировало въ изданіи.

Такое нахальство заслуживало только одного отвѣта; я ему послалъ его и отказался отъ его предисловія и его имени.

Изволите ли видѣть, маленький Сильвестръ, напыщенный своимъ ничтожествомъ, отказался написать свое имя рядомъ съ именемъ автора *Исторіи французской церкви!* Я сбилъ спѣсь у этой лягушки, и заставилъ его понять, что не его имя могло прославить мое, а напротивъ его имя было бы прославлено моимъ. Маленькій бессмертный видѣлъ смерть своихъ произведеній раньше своей собственной смерти, а авторъ *Исторіи французской церкви* видитъ, что его произведенія живутъ вмѣстѣ съ нимъ, а нѣкоторые изъ нихъ переживутъ его.

Журналъ *Observateur catholique* породилъ мнѣ еще другихъ враговъ, на которыхъ я не рассчитывалъ, т. е. тѣхъ, которыхъ іезуиты и ихъ сообщники называютъ *янсенистами*. Когда я восхвалялъ школу Поръ-Руаяля, то всѣ радовались и ободряли меня, но какъ только увидѣли, что я ограничивалъ папскую власть до ея православныхъ размѣровъ, то стали дѣлать мнѣ замѣчанія. Кто могъ бы подумать это?

Положеніе янсенистовъ, принадлежащихъ преимущественно къ древней голландской церкви, относительно папской власти довольно своеобразно. Когда епископъ избранъ, то папѣ посылается *общительная грамота*; папа отвѣчаетъ отлученіемъ отъ церкви и воображаетъ, что отлученный имъ не принадлежитъ уже къ церкви и становится еретикомъ, раскольникомъ и т. д. и т. д. Отлученные отъ церкви думаютъ, что они

отдѣлены отъ нея только повидимому, потому что на рѣшеніе папы они могутъ апеллировать въ общій или вселенскій соборъ. Но что для нихъ представляетъ общій соборъ? Собраніе епископовъ Римской церкви, которое созывается папой, на которыхъ предсѣдательствуетъ папа, и рѣшенія котораго одобряются также папой. Они знаютъ, что ихъ аппелляція не имѣетъ никакого значенія. Въ настоящее же время они должны быть убѣждены въ этомъ; потому что въ 1869—70 годахъ папа созвалъ въ Римѣ соборъ, который соединялъ въ себѣ всѣ условія истиннаго вселенскаго собора, въ томъ видѣ, какъ его себѣ представляютъ голландскіе янсенисты. Они обратились къ этому собору, чтобы добиться справедливости вопреки папской власти. Соборъ даже и не отвѣтилъ имъ и рѣшилъ, что нужно вѣрить въ непогрѣшимость папы, превращенную въ догматъ. Они должны были быть подготовлены къ подобному рѣшенію, но сдѣлали видъ, что не предвидѣли его. Что же янсенисты могутъ сказать въ настоящее время? Не хотѣли ихъ выслушать? Но если соборъ, который они принуждены, на основаніи своихъ принциповъ, называть *вселенскимъ*, не желалъ выслушать ихъ, то это произошло оттого, что онъ осудилъ ихъ и не придавалъ никакого значенія ихъ требованіямъ. Этого кажется для нихъ достаточно, чтобы сдѣлать надлежащую оцѣнку папской власти, его мнимаго собора и его еретическихъ рѣшеній. Различеніе янсенистами папской власти отъ соборной не имѣетъ никакого значенія.

Вопреки постановленію древней голландской церкви и въ противуположность ей, папа назначалъ сначала своихъ *инстоментскихъ викаріевъ*; потомъ онъ превратилъ ихъ въ епископовъ, имѣвшихъ опредѣленные престолы, что произвело двойственность въ голландской церкви: возвели алтарь противъ алтаря, епископство противъ епископства и все это творилось на глазахъ протестантскаго большинства, которое насмѣхалось надъ янсенистами и папистами.

Для янсенистовъ остается единственное средство выйти изъ этого ложнаго положенія: это возвращеніе къ православному пониманію папской власти.

Я пытался въ журналѣ *Observateur catholique* дать имъ по-

нять, что такой образъ дѣйствій есть единственный путь ихъ спасенія, единственное средство придать ихъ церкви подобающее ей значеніе. Янсенисты упрекали меня за мои стремленія противъ папской власти. Уважаемый архіепископъ Утрехтскій Ванъ-Сантенъ (Van Santen) взялъ мою сторону; я имѣю отъ него вѣсколько писемъ. Если бы этотъ почтенный епископъ не былъ такъ старъ въ то время, и затѣмъ не умеръ: то я думаю, что мы бы пришли съ нимъ къ полнѣйшему соглашенію, и древняя голландская церковь отказалась бы отъ своей непослѣдовательной теоріи о папской власти. Послѣ же его смерти янсенисты вернулись опять къ смѣшнымъ упрекамъ мнѣ и написали журналу *Observateur catholique* письма въ защиту теоріи папско-галликанской (papale-gallicane). Я просилъ своихъ корреспондентовъ представить доказательства въ подтвержденіе ихъ теоріи. Они указали мнѣ на *Богословіе Лионское* (*Théologie de Lyon*).

Что же такое это *Лионское Богословіе*? Курсъ богословія, предназначенный для семинаристовъ, подобно *Богословію Балли*, *Богословію Пуатъ* и другимъ сокращеннымъ богословіямъ, которыя походили другъ на друга и списывались одно съ другого. Я безъ всякаго затрудненія доказалъ, что *Лионское Богословіе* приводитъ въ пользу галликанской теоріи папской власти тексты поддѣльные и не имѣющіе никакого значенія, на которые ссылаются всѣ сокращенные учебники богословія—галликанскіе и ультрамонтанскіе.

Когда я опредѣлялъ подлинное значеніе знаменитаго текста св. Иринея, одинъ ліонецъ, принадлежавшій къ церкви противу-конкордатской (*anti-concordataire*), называемой *малой церковью* (*petite Eglise*), взялся отстаивать голландскую церковь. Этотъ бѣдняга списалъ тексты съ французскаго перевода, издавнаго подъ покровительствомъ аббата Женуда (*Genoude*), который, вѣроятно, никогда и не читалъ текста. Я доказалъ бѣдному *анти-конкордатисту*, что св. Иринея говорилъ совершенно противное тому, что ему приписывали по переводу аббата Женуда, и совѣтовалъ ему поискать другихъ доказательствъ въ пользу папской власти.

Не забавно ли то, что защитниками папской власти яви-

лись янсенисты и *анти-конкордатисты*, осужденные папской властью? Они желали непременно, чтобы папская власть была центромъ единства церкви, *по божественному праву*, и въ то же время осуждали дѣйствія папской власти, а папская власть осуждала ихъ самихъ.

Мои противники должны были замолчать, и не старались опровергнуть мои доказательства; они остались при своихъ заблужденіяхъ. Въ ихъ упорствѣ я увидѣлъ доказательство того мертвящаго вліянія, которое папская власть оказывала на совѣсти. Я самъ былъ жертвой его; но долженъ сказать, что я открыто и искренно сталъ держаться истины, какъ только позналъ ее.

Если бы голландская церковь поступила также законно, то не дошла бы до того жалкаго положенія, въ которомъ находится въ настоящее время; ей оставалось сдѣлать только одинъ шагъ по пути къ истинѣ, и она бы соединилась съ глубоочтимой и апостальской католическо-православной Восточной Церковью. Она сдѣлалась бы на Западѣ центромъ православія, къ которому тяготѣли бы католики, возмущенные неправославными дѣйствіями папской власти, и протестанты, оставшіеся христіанами. На западѣ могла бы возникнуть великая католическо-православная Церковь; она протянула бы руку великой католическо-православной Восточной Церкви, а папская церковь превратилась бы въ презираемую секту, за свои анти-христіанскія ученія и за свои языческіе обряды.

Вмѣсто столь блестящей будущности, голландское духовенство поставило свою церковь въ ложное и странное положеніе. Эта церковь падаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Она распадается, истощается въ пустыхъ спорахъ; ея вѣрныя покидаютъ ее и она уже не существовала бы, если бы не обладала нѣкорыми финансами для своей поддержки. Вотъ каковъ результатъ ея противурѣчивыхъ теорій о папской власти.

К.

(Продолженіе будетъ).

ТЫСЯЧЕЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА

СО ВРЕМЕНИ БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЫ

Константинопольскаго Патріарха Фотія.

Можно положительно утверждать, что мы находимся наканунѣ тысячелѣтней годовщины со времени блаженной кончины константинопольскаго патріарха Фотія, хотя существуетъ нѣкоторое разногласіе въ опредѣленіи точнаго времени этой кончины. Какъ на самое раннее время кончины этого великаго патріарха, историки указываютъ на 886 годъ ¹⁾; а какъ самое позднее время относятъ къ 892 г. ²⁾. Но большинство церковныхъ писателей, не только отечественныхъ, но и западныхъ полагаютъ кончину патріарха въ 891 г. Это время его преставленія отъ жизни принимаетъ, напримѣръ, извѣстный греческій издатель твореній Фотія, Константинъ Экономидъ, посвятившій свой трудъ въ Бозѣ почившему императору Александру II. На это же время указываетъ и латинскій писатель Гергенрёттеръ въ извѣстномъ сочиненіи своемъ *Photius*. Наконецъ этихъ же хронологическихъ данныхъ держался, какъ извѣстно, и недавно умершій, заслуженный профессоръ Харьковскаго университета И. В. Платоновъ, вообще такъ много сдѣлавшій для освѣщенія всей этой эпохи своими учеными изслѣдованіями о славянскихъ просвѣтителяхъ, свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ.

Есть и чисто церковныя данныя, подтверждающія именно это

¹⁾ См. «Исторія, ученіе объ отцахъ церкви» Филарета, архіеп. черниг. и нѣжн. 1859 г., т. III § 281.

²⁾ См. въ ж. «Вѣра и Разумъ». 1889 г. № 9 стр. 650 статью о. Владимира Гетте о патріархѣ Фотіѣ.

время кончины патріарха. Извѣстно, что въ помѣстныхъ греческихъ церквахъ патріархъ Фотій причисленъ къ лику святыхъ и память его совершается 6 февраля, а самое время кончины отнесено къ 891 г. На этомъ основаніи въ Кіевскомъ греческомъ монастырѣ, какъ сообщаетъ «Кіевское Слово», въ храмѣ великомученицы Екатерины, 6 февраля текущаго года, была совершена 999-я годовщина кончины *святого* патріарха Фотія. Такимъ образомъ надобно признать, что блаженная кончина патріарха совершилась въ 891 г.; и тысячелѣтній юбилей его падаетъ на 1891 г.

Признаемъ поэтому благовременнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу тысячелѣтней годовщины со времени блаженной кончины этого великаго патріарха.

Быть можетъ, на всемъ пространствѣ исторія имѣтъ другой выдающейся личности, которая подвергалась бы такимъ противоположнымъ сужденіямъ и даже преребаніямъ, какъ личность патріарха Фотія. Римско-католическіе писатели большею частію называютъ его главнымъ виновникомъ схизмы, нарушителемъ вселенскихъ каноновъ, творцомъ фотиніанской церкви; между тѣмъ какъ восточные христіане признаютъ его защитникомъ, охранителемъ и поборникомъ вселенскаго христіанства и вселенскихъ началъ православія. Вотъ уже истекла тысяча лѣтъ отъ начала этихъ преребаній, а конца имъ невидно. Можно, конечно, съ удовольствіемъ отмѣтить тотъ фактъ, что на самомъ Западѣ чаще и чаще стали раздаваться голоса болѣе справедливые, болѣе благопріятные великому константинопольскому патріарху; мы говоримъ не только о протестантскихъ церковныхъ историкахъ, каковъ напримѣръ, Мосгеймъ съ своею: *Historia Ecclesiastica* (Р. 11, с. 3, § 28); но и о возникшемъ недавно среди наиболѣе искреннихъ и образованныхъ западныхъ богослововъ, старокатолическомъ движеніи, которое примкнуло къ рядамъ защитниковъ Фотія. Тѣмъ не менѣе преребанія не прекращаются и величавая личность Фотія по прежнему стоитъ на Западѣ окутанная густымъ туманомъ исторической неправды. Отъ чего же за виситъ это? Гдѣ надобно искать главныхъ причинъ этого страннаго явленія?

Теперь, кажется, не сомнѣваются, что причины раздѣленія церквей надобно искать не въ личномъ характерѣ тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей, а въ различномъ направленіи христіанской жизни на Западѣ и на Востокѣ и что именно поэтому одно и то же Слово Божіе и одно и то же церковное преданіе иначе истолкованы на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ. Дѣло въ томъ, что западныя церкви, подъ вліяніемъ своихъ историческихъ условій жизни, волею или неволею задались цѣлію создать абсолютную папскую монархію и подчинились этой идеѣ; между тѣмъ какъ Восточныя церкви не пошли этимъ путемъ и остались вѣрны первоначальному автономному управленію національныхъ церквей. Намъ кажется, что именно въ этомъ различномъ направленіи жизни восточныхъ и западныхъ христіанъ надобно искать коренныхъ причинъ различія при сужденіи объ однихъ и тѣхъ же историческихъ фактахъ.

Римско-католики обвиняли и обвиняютъ въ непомерномъ честолюбіи Фотія; греко-восточные христіане въ равной мѣрѣ обвиняютъ въ томъ же папу Николая I, этого главнаго противника Фотія. Но если бы дѣло зависѣло отъ честолюбивыхъ замысловъ того или другого лица, — патріарха Фотія, или папы Николая I; тогда непонятно, какимъ образомъ честолюбіе одного лица или обоихъ вмѣстѣ, осталось вліятельнымъ, живучимъ и могущественнымъ до нашихъ дней?—какимъ образомъ историческія волны послѣдующей церковной жизни не только не смыли честолюбивыхъ замысловъ обоихъ противниковъ, но еще усилили, укрѣпили и увѣковѣчили ихъ первоначальную разнь? Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что можно быть исполненнымъ христіанскихъ добродѣтелей и даже достигать высокихъ степеней святости; и тѣмъ не менѣе оставаться сыномъ своего времени, народа и даннаго направленія жизни. Представимъ одинъ примѣръ, равно признаваемый и восточными и западными христіанами. Когда св. Іоанну постыяку, патріарху константинопольскому, на помѣстномъ соборѣ (противъ Григорія, патріарха антиохійскаго) усвоенъ былъ титулъ вселенскаго; то папа Пелагій († 590) возсталъ противъ

этого титула и первый назвалъ себя *servus servorum Dei* (рабъ рабовъ Божіихъ). То же повторилъ потомъ и преемникъ его, Григорій Великій или Двоесловъ, не смотря на упреки со стороны императора Мавриція въ томъ, что папа изъ-за суетнаго слова поднимаетъ такой шумъ, и не смотря на увѣренія императора, что титулъ *вселенскаго патріарха* не усвоитъ константинопольскому престолу никакихъ особенныхъ правъ. Повидимому, папа вооружался противъ всякихъ церковныхъ привилегій. Но тотъ же св. Григорій употреблялъ все усилія подчинить себѣ автокефальнаго епископа раввенскаго, и при этомъ негодуя на императора за то, что въ дѣлѣ этомъ императоръ принялъ сторону не его, а автокефальной церкви, позволилъ себѣ привѣтствовать царевубійцу Фоку въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Благосклонный приемъ его привѣтствій подалъ ему мысль не посылать въ Византію апокрисиарія, т. е. повѣреннаго и ходатая по церковнымъ дѣламъ при императорскомъ дворѣ. Но Фока сдѣлалъ выговоръ Григорію и онъ долженъ былъ уступить ¹⁾. А на ропотъ своихъ современниковъ: «какимъ образомъ онъ предполагаетъ обуздать (*сostringere*) церковь константинопольскую, онъ, который во всемъ слѣдуетъ обычаямъ послѣдней», — св. Григорій, между прочимъ, отвѣчалъ: «кто сомнѣвается въ *подчиненіи* этой Церкви апостольскому престолу?... Впрочемъ, если есть что хорошаго въ той или другой Церкви, я готовъ подражать въ хорошемъ и *меньшимъ моимъ*, которымъ я *запрещу* не дозволенное» ²⁾.

Все это однакоже не помѣшало ни св. Іоанну постнику, ни св. Григорію В. остаться личностями высокочтимыми въ обѣихъ церквяхъ, и нисколько не нарушало церковнаго союза ³⁾. Если, та-

¹⁾ См. «Правосл. Обзор.» 1868 г. Т. XXVII, стр. 200 и дал.

²⁾ Epist. ad. Ioan. Syracus. Lib. IX Epist. 12.

³⁾ Римская церковь не признаетъ Іоанна Постника святымъ; тѣмъ не менѣе Римская Конгрегация, занимавшаяся исправленіемъ богослужебныхъ книгъ восточной Церкви для уніатовъ, хотя и послѣ пререканій, согласилась, чтобы онъ былъ признаваемъ святымъ уніатскими христіанами. Да и самъ папа Григорій Великій, не смотря на свой споръ съ нимъ, восхваляетъ его смиреніе, воздержаніе и милосердіе. Протестантскій ученый Гельцеръ говоритъ: совершенно несправедливо

кимъ образомъ, коренныхъ причинъ розни обѣихъ церквей надобно искать не въ патриаршемъ или папскомъ честолюбіи, а въ различномъ направленіи исторической жизни этихъ церквей, въ стремленіи къ церковному абсолютизму одной стороны и въ охранѣ автономіи національныхъ церквей другой стороны; тогда какъ надобно смотрѣть на это коренное различіе? Мы, Славяне, съ полнымъ безпристрастіемъ и полною объективною можемъ предлагать себѣ этотъ вопросъ; намъ чужда вѣковая историческая вражда между племенемъ латинскимъ и греческимъ; намъ чуждо въ пзвѣстной мѣрѣ и національное направленіе ихъ жизни; и конечно не для поддержанія и охраненія какихъ-то честолюбивыхъ замысловъ Фотія, или для отверженія незаконныхъ притязаній папы Николая, котораго предки наши не знали, мы всею душою и всѣми помыслами своими слились съ восточнымъ христіанствомъ. Если уже по взгляду архіепископа Болгарскаго Теофилакта (онъ былъ уроженецъ константинопольскій, архіепископствовалъ въ Охридѣ съ 1078 г. и померъ не позже 1107 г.) многія пререканія между латинянами и греками представлялись болѣе смѣшными, чѣмъ достойными опроверженія и никакимъ образомъ не должны были вызывать раздѣленія церквей ¹⁾; то еще съ большимъ правомъ мы можемъ сказать это въ наше время. Но это отнюдь не значить, чтобы мы должны были простирать наше безпристрастіе въ вѣковомъ церковномъ спорѣ до равнодушія; чтобы имѣли склонность отказаться отъ завѣтовъ нашихъ предковъ; чтобы имѣли надобность, не говоря уже о догматическихъ разностяхъ, принять современную намъ формулу папства, которую при торжественномъ возшествіи папъ на престолъ обыкновенно выражаютъ въ слѣдующихъ словахъ: «Accipe Tiaram tribus coronis ornata, et scias: 1°, Patrem te esse Principum et Regum; 2°, Rectorem orbis

римско-католическіе историки обвиняютъ этого архіепископа въ чрезмѣрномъ честолюбіи; напротивъ, греческая Церковь вполнѣ справедливо и по заслугамъ причисляла патриарха Іоанна Постника къ лику святыхъ угодниковъ. См. «Чтен. въ общ. любит. дух. просвѣщ.». 1889 г. Январь. Статья: «споръ о титулѣ Вселенскій патриархъ», и пр., стр. 67. 68. 93.

¹⁾ Гергенрёттеръ, III, 784—787.

in terra; et 3°, Vicarium Salvatoris nostri Iesus Christi, cui est honor et gloria in saecula saeculorum. Amen» ¹⁾). Какъ выраженіе любви и глубокаго уваженія къ высокимъ христіанскимъ достоинствамъ того или другаго папы со стороны частной церкви, формула эта еще можетъ быть понятна намъ, восточнымъ христіанамъ; но мы никогда не поймемъ ее, какъ общеобязательный догматъ, или общеобязательное каноническое установленіе. Мы равно чуждаемся всякаго чужеземнаго ига, будетъ ли оно политическое или церковное. Св. Русь всегда была крѣпка этимъ сознаниемъ; вся прошлая историческая жизнь нашего православнаго народа подтверждаетъ это.

Но всегда были да и теперь существуютъ люди, увлекающіеся всѣмъ чужеземнымъ и недостаточно одѣнивающимъ свое родное, недостаточно ясно сознающіе завѣты православія. И въ наше время, по крайней мѣрѣ, въ пзвѣстной части нашего интеллигентнаго общества, тоже какъ будто бы существуетъ нѣкоторая шаткость въ этомъ отношеніи. Пусть шаткость эта принадлежитъ только незначительной части нашего современнаго общества, только нашимъ интеллигентнымъ *номадамъ*, какъ выражается о нихъ о. Владиміръ Гетте,—которые, оторвавшись отъ родной почвы, кочуютъ по западно-европейскимъ степямъ и городамъ, подобно тому какъ первобытные номады кочевали и кочуютъ по степямъ и лѣсамъ дѣвственной природы; тѣмъ не менѣе шаткость эта существуетъ; и каковы бы ни были причины ея появленія, въ наше время она громче и громче заявляетъ о своемъ существованіи. Въ доказательство нашего мнѣнія, приведемъ послѣдній и на нашъ взглядъ наиболѣе выдающійся примѣръ. Недавно, именно въ прошломъ году, г. Соловьевъ издалъ въ Парижѣ на французскомъ языкѣ сочиненіе, подъ названіемъ: «*La Russie et l'Eglise universelle*» (Россія и Вселенская Церковь). (Сочиненіе это преп-

¹⁾ «Возложи на себя тиару, украшенную тремя коронами, и знай: 1) что ты отецъ государей и царей; 2) что ты правитель всего міра; 3) что ты намѣстникъ Спасителя нашего Іисуса Христа, Коему подобаешь честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь».

сполнено утопическихъ мечтаній: но въ то же время оно можетъ служить выраженіемъ и иллюстраціею той шаткости, о которой мы говоримъ. Въ сочиненіи этомъ г. Соловьевъ требуетъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ созданія всемірной монархіи, подъ верховнымъ владычествомъ римскаго патріаршаго престола; императоры и короли должны быть только вассалами папъ; распорядителями или блюстителями свѣтскихъ дѣлъ, какъ епископы должны быть распорядителями или блюстителями собственно духовныхъ дѣлъ. Съ высоты этихъ утопическихъ теорій, или лучше, этихъ теософическихъ началъ, онъ обращается со словами укора не только къ восточнымъ христіанамъ, но и къ западнымъ; но, разумѣется, главные удары свои направляетъ противъ восточныхъ христіанъ. Въ чемъ же состоитъ вина западныхъ? Въ томъ, что они, признавши божество Іисуса Христа, не признали Его царственного величія въ своей соціально-политической жизни. Если бы они признали Христа царемъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, тогда видимый преемникъ Его власти, святѣйшій папа, обладалъ бы среди нихъ такою властію, какой никогда не пріобрѣталъ ни одинъ король, ни одинъ императоръ; тогда на Западѣ возникло бы то всемірное христіанское государство, о которомъ мечтаетъ г. Соловьевъ. Не удивительно если всѣ ультрамонтане выслушали эти укоры нашего теософа съ непритворною радостію и благодарностію. Клерикальный журналъ «L'Univers» поставляетъ это сочиненіе на ряду съ «Discours sur l'Histoire universelle» Боссюэта. Самъ папа испослалъ свое благословеніе нашему теософу. Оказывается такимъ образомъ, что съ ультрамонтанской точки зрѣнія, г. Соловьевъ, не смотря на свои укоры западнымъ христіанамъ, высказалъ удивительныя истины. Совершенно съ другими упреками относится нашъ теософъ къ восточнымъ христіанамъ. Первоначальное возникновеніе истинно христіанскаго государства г. Соловьевъ снисходительно допускаетъ въ Византійской имперіи; но это прекрасное начало, говоритъ онъ, было задержано затѣмъ византійскою ересью и не получило надлежащаго развитія именно вслѣдствіе этой ереси. Какой же ереси? Византія не хотѣла признать, что ея Церковь должна получить

освященіе (soit consacrée) въ верховномъ первосвященствѣ; что апостольскій престолъ Рима долженъ быть *чудодѣйственной* школою (école miraculeuse) вселенскаго христіанства, что византійская Церковь должна подчиниться абсолютному верховенству церкви Римской. Вотъ сущность византійской ереси, а вмѣстѣ съ этимъ и ереси всѣхъ восточныхъ церквей! Вотъ въ чемъ состоитъ вина и главнаго виновника этой ереси, патріарха Фотія!

Всѣ эти сужденія несомнѣнно принадлежатъ историкамъ романской школы; ихъ же сужденія съ довѣріемъ повторяетъ г. Соловьевъ, хотя окрашиваетъ густою краскою своихъ теософическихъ началъ. Но историческая школа, которой держится г. Соловьевъ и которая такъ тщеславится своимъ научнымъ направлениемъ сравнительно даже съ прежде господствовавшими на Западѣ школами кельто-французской и англо-германской, впадаетъ однакоже сама въ ненаучныя ошибки и погрѣшности, мѣряя все на свой ограниченный аршинъ, признавая западно-европейское развитіе общеобязательнымъ типомъ, съ которымъ должны будто бы сообразоваться всѣ историческіе народы. Держась этой ограниченной точки зрѣнія и встрѣчаясь съ другимъ типомъ развитія, византійскимъ, эта школа относится къ нему или отрицательно, или провозноситъ о немъ сужденія пристрастныя, набрасывая самыя мрачныя тѣни на самыя свѣтлыя явленія этого типа. Лишь немногія начинаютъ уже освобождаться отъ этихъ одностороннихъ и несправедливыхъ воззрѣній романской школы, вынуждаясь признать за византійскимъ началомъ его высокое культурное значеніе. И если западные историки превозносятъ романское начало, съ его системою крупнаго землевладѣнія, крѣпкою зависимостію крестьянскаго сословія отъ феодальныхъ помѣщиковъ и сильно развитою властью этихъ помѣщиковъ; то не съ большимъ ли правомъ историки, свободные отъ западныхъ увлеченій, восхваляютъ другое начало, византійское, съ его господствомъ свободнаго землевладѣнія, сильною крестьянскою общиною и неограниченною властью православнаго государя? Въ связи съ этимъ находится и раздѣленіе Европы на двѣ половины: православную и католическую.

Въ Византіи строго отличали, въ теоріи, власть кесаря отъ власти Христа, царство кесаря отъ царства Христова. Теодоръ Студитъ, напримѣръ, на вопросъ императора Никифора, кого надобно поставить патріархомъ послѣ смерти патріарха Тарасія, писалъ ему: «Два величайшіе дара Богъ сообщилъ христіанамъ: священство и царство (*ιεροσυνην και βασιλειαν*), которыми управляются земныя дѣла подобно небеснымъ. Коль скоро одно изъ этихъ званій управляетъ недостойно, то и цѣлому грозитъ опасность. Если ты будешь пользоваться твоею властію хорошо, то и всѣ христіане будутъ превозносить твои царскіе добродѣтели, какъ достойнаго покровителя Церкви». Да и въ руководственномъ постановленіи императора Василія Македонянина и его сыновей: Льва и Александра (879—886 г.) говорится: «миръ и благополучіе подданныхъ зависятъ отъ единомыслія и согласія во всемъ духовной и свѣтской власти (*βασιλειας και αρχιερωσυνης*)¹⁾. На Востокѣ, слѣдовательно, всегда желали союза двухъ властей, а не ихъ взаимнаго подчиненія. И каковы бы ни были частныя мнѣнія, или лучше увлеченія тѣхъ или другихъ личностей и даже канонистовъ, на Востокѣ союзное и дружное управленіе обѣихъ властей всегда признавалось идеальнымъ состояніемъ христіанскихъ обществъ. Ни *папощезаризмъ*, ни *цезарепапизмъ* здѣсь были немыслимы. Эта идея есть господствующая идея византійскаго каноническаго права. Поэтому въ Византіи не имѣли надобности въ сильной папской власти, которая могла бы охранить христіанскіе народы отъ царей и феодальнаго произвола; поэтому же Византія сохранила независимость національныхъ восточныхъ Церквей, и разведши насъ, Славянъ, съ Западомъ, оказала свое особенное отличительное вліяніе на наше культурное развитіе. Г. Соловьевъ называетъ это византійскою ересью. Мы же не видимъ здѣсь не только никакой ереси, а напротивъ, признаемъ величайшую заслугу Византіи. Разграничивая власть божескую отъ человѣческой, царство кесаря отъ царства Христова, отстаивая свободу и независимость на-

1) См. «Странникъ» 1872 г. Февраль, стр. 172.

ціональныхъ церквей противъ римскихъ посягательствъ, даже съ пожертвованіемъ политической свободы, Византія передала намъ ученіе Іисуса Христа во всей его чистотѣ, не исказивъ его ни малѣйшимъ отпечаткомъ своей собственной національности и этимъ предохранивъ насъ отъ духовнаго рабства какъ предъ Римомъ, такъ и предъ Царьградомъ. Когда завершился циклъ нашего Церковнаго развитія, она признала полную свободу нашей національной Церкви, сохранивъ съ нею общеніе любви и единеніе вѣры. Итакъ, если мы имѣемъ царскую власть самодержавную, ограниченную лишь христіанскою совѣстію и христіанскимъ долгомъ Царя; если имѣемъ національную Церковь, автономную, самодовлѣющую и вполнѣ свободную; то этимъ мы обязаны Византіи и въ частности великому константинопольскому патриарху Фотію, этому мужественному защитнику свободы и автономіи національныхъ церквей. Надъ нами не тяготѣетъ никакое духовное иго — ни римское, ни византійское.

Съ этой особенной точки зрѣнія, не романской и даже не византійской, а общеславянской и, быть можетъ, единственно правильной, мы можемъ уже безпристрастно и объективно судить о тысячекратномъ препирательствѣ изъ-за личности великаго Фотія. «Фотій разрушилъ единство Церкви, и ради своихъ честолюбивыхъ плановъ, ради возвышенія константинопольскаго престола, на мѣсто церковнаго единства внесъ схизму», — такъ говорятъ одни. «Николай заявилъ притязанія неслыханныя въ Церкви, и основываясь на подложныхъ документахъ, лжеисидоровскихъ декреталіяхъ и въ особенности на *Donatio Constantini*, присвоилъ себѣ всю полноту власти, которая никогда не принадлежала ему, и этимъ разрушилъ единство Церкви», — такъ говорятъ другіе. Намъ кажется, что оба эти утвержденія продолжаютъ существовать лишь по недоразумѣнію. Великій Фотій былъ выше всякихъ честолюбивыхъ притязаній. Принадлежалъ къ высшей византійской аристократіи, занимая высокій государственный постъ въ имперіи, окруженный многочисленными друзьями и почитателями, страстно любившій заниматься науками, онъ слишкомъ далеко былъ отъ честолюбив-

выхъ плановъ, отъ желанія домогаться патріаршаго достоинства и, какъ самъ говоритъ, былъ вынужденъ принять это достоинство насиліемъ императорской власти и огромнаго большинства византійскаго вліяра. Тѣмъ не менѣе онъ всегда искалъ союза съ папами, союза равноправнаго, основаннаго на взаимномъ уваженіи и взаимной любви; онъ искалъ этого союза даже и тогда, когда равно подпадалъ церковнымъ проклятіямъ и Рима и Византіи. Съ другой стороны, и папа Николай былъ искренно убѣжденъ въ полнотѣ своей первосвященнической власти и если ссылался на подложные документы, то не потому, чтобы хотѣлъ ввести грековъ въ обманъ; а потому что былъ вполнѣ убѣжденъ въ подлинности этихъ документовъ; честность Николая въ этомъ отношеніи не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, ни патріархъ, ни папа не повинны въ существующей теперь на опытѣ церковной розни. Простой фактъ продолжавшагося церковнаго общенія Востока и Запада въ теченіе почти двухъ столѣтій, до самаго патріарха Михаила Керулларія, ясно доказываетъ, что нельзя считать виновниками церковнаго раздѣленія ни патріарха Фотія, ни папу Николая. Гдѣ же надобно искать причинъ возникновенія и продолженія церковной розни? Повторяемъ, въ различномъ направленіи жизни обѣихъ церквей. Именно это различіе вызвало различное пониманіе церковнаго преданія и даже Слова божія. Дѣло въ томъ, что папы, подъ вліяніемъ мѣстныхъ историческихъ условій, поняли церковное единство въ формѣ *тождества* всѣхъ помѣстныхъ церквей и потребовали этого тождества въ церковныхъ установленіяхъ, въ богослуженіи, въ наукѣ, въ жизни. Между тѣмъ, какъ на Востокѣ, признавая свободу помѣстныхъ церквей, требовали только единенія въ вѣрѣ и любви. Конечно и въ той и въ другой церкви существовали установленія общеобязательныя, каноническія, утвержденныя на вселенскихъ соборахъ; но внѣ этихъ общеобязательныхъ установленій на Востокѣ признавали полную свободу жизни и управленія національныхъ церквей, подобно тому, какъ въ области догматической внѣ общепризнаннаго догмата предоставляли свободу мышленія; между тѣмъ какъ на

Западѣ, подъ вліяніемъ идеи церковнаго тождества, не могли допустить ни той, ни другой свободы. Отсюда сами собою возникли и другія церковныя разности. Задавшись идеею общецерковнаго тождества, папы не могли смотрѣть равнодушно на различія національныхъ церквей, на ихъ національныя особенности, права и привиллегіи; и для уничтоженія всего этого, для достиженія предположеннаго ими единства, они должны были усвоить себѣ не только полноту власти, но и сообщить ей характеръ божественности. Папы именно это и сдѣлали. Папа Николай не только вѣрить въ полноту своей власти; но и старается доказать ее на основахъ догматическихъ. «L'Eglise c'est Moi», Церковь—это я, стали говорить теперь папы, какъ говорили то же самое германо-франкскіе государи о своей царской власти въ отношеніи къ своимъ народамъ. Другими словами: перенесеніе абсолютныхъ свойствъ вселенской Церкви на кафедру своего апостольскаго престола сдѣлалось теперь потребностію папства и стало девизомъ всѣхъ папъ.

Совершенно съ другимъ характеромъ являются національныя церкви восточныя. На Востокѣ всегда вѣрили, что всѣмъ епископамъ принадлежать ἴσα πρεσβῆρα, равныя права священства. Съ теченіемъ времени и по требованію историческихъ условій жизни, на Востокѣ тоже образовались обширныя патріаршества, представители или главы которыхъ снабжены были то болѣе, то менѣе обширными правами власти и юрисдикціи. Но ихъ власть и ихъ юрисдикція никогда не простиралась на всю Церковь и ограничивалась лишь предѣлами однихъ національныхъ церквей, входившихъ въ составъ того или другого патріархата. Выходя изъ понятія о Церкви, какъ единомъ тѣлѣ Христа, на Востокѣ сравнивали пять патріаршихъ престоловъ: Рима, Константинополя, Александріи, Антиохіи и Іерусалима съ пятью чувствами человѣческаго тѣла. Греческій писатель Ниль Доксопатръ даже въ среднѣ XII вѣка писалъ: «каждое живое тѣло управляется пятью чувствами, и если хоть одного изъ этихъ чувствъ недостаетъ, то организмъ чуждъ совершенства, такъ и Церковь Христова, образуя изъ себя единое тѣло Его, управляется пятью патріархами, какъ

бы пятью чувствами. Поэтому, такъ какъ для Церкви необходимы были пять патріарховъ, то второй вселенскій соборъ въ присутствіи четырехъ (?) патріарховъ опредѣлилъ, чтобы Константинополь имѣлъ «равныя права съ древнимъ Римомъ»¹⁾. Канонисты расходились только въ сужденіи о томъ, какое чувство человѣческаго тѣла надобно усвоить тому или другому патріаршему престолу. Такъ, одни канонисты усвояютъ Риму чувство зрѣнія, между тѣмъ какъ другіе осязаніе и т. п. Замѣчательно, что этихъ, конечно византійскихъ воззрѣній, первоначально держались и латинскіе писатели. Анастасій бібліотекаръ, современникъ Фотія, раздѣляетъ ихъ. Да и позже его, униатскій грекъ Григорій Трапезундскій, проводитъ эти же воззрѣнія, лишь усвояя Римской церкви ощущеніе на томъ основаніи, что живое существо, хотя бы потеряло всѣ свои виѣшнія чувства, можетъ продолжать свое существованіе посредствомъ одного этого чувства. Для выраженія же полного равенства всѣхъ патріарховъ на Востоке ихъ называютъ *οἰχομενῆς ἄρχαι* (вселенскіе главы) и въ этомъ названіи находили таинственный смыслъ; думали, что первая буква слова *αρχαι*—*α* указывала на патріархатъ константинопольскій; вторая *α* на патріархатъ александрійскій; третья *ρ* относилась къ патріархату римскому; слѣдующая *α* указывала на патріархатъ антиохійскій; и наконецъ послѣдняя *ι* выражала собою патріархатъ іерусалимскій²⁾. Даже когда совершилось полное отдѣленіе римскаго патріархата отъ Восточныхъ Церквей, знаменитый греческій канонистъ Вальсамонъ писалъ: «пять патріаршихъ каедръ остаются и до днесь въ почитаніи, какъ верховныя главы Церкви на всей землѣ; и самовольное исключеніе папы древняго Рима изъ числа патріарховъ не испразднило подобнаго каноническаго порядка». Согласно съ этимъ убѣжденіемъ, Вальсамонъ выражался еще слѣдующимъ образомъ: «какъ какое-нибудь ползущее расте-

1) «Твор. св. отцовъ въ русск. переводѣ». 1890 г. кн. II. См. статью А. Лебедева: «Очерки Восточно-Визант. Ц.», стр. 267.

2) См. «L'Eglise orientale» Т. I chap. XI. § 1. p. 109. 110 у Гергенрётера Т. II. 5. 135.

ніе, напр. плющъ, обвивается вокругъ древеснаго ствола, такъ и я вѣрно держусь за римскаго папу, и надрывается мое сердце объ отпаденіи его, страстно ожидая дня его обращенія»¹⁾. Но позже, когда патриархатъ римскій уже вполнѣ отдѣлился отъ вселенскаго единства, и когда рядомъ съ древними патриархатами стали возникать новыя автокефальныя церкви и патриархаты, наиримѣрь, патриархатъ инпекскій, тырновскій, московскій и пр., принуждены были оставить эти возрѣнія. Конечно, единодушному рѣшенію пяти вселенскихъ патриарховъ усвоили общеобязательное значеніе; но ему не приписывали никакой божественности. На Востокѣ всегда признавали, что высочайшій церковный авторитетъ принадлежитъ исключительно однимъ вселенскимъ соборамъ. Поэтому въ новѣйшее время новогреческій богословъ Фармацидесъ утверждаетъ, что мнѣніе о томъ, будто Духъ Святой возводитъ патриарховъ на ихъ престолы нѣкоторымъ особеннымъ дѣйствіемъ, есть даже богохульство²⁾. Ясно такимъ образомъ, что на Востокѣ никогда не могли отождествить какого-либо патриарха даже съ помѣстной церковію, не говоря уже о Церкви вселенской; а тѣмъ болѣе не могли признать за его распоряженіями характеръ божественности.

Это глубокое различіе восточныхъ и западныхъ христіанъ въ направленіи жизни и въ возрѣніяхъ на власть въ Церкви вызываетъ глубокое различіе въ самомъ теченіи жизни этихъ христіанъ и отражается затѣмъ во всѣхъ сферахъ ихъ общественнаго и частнаго быта. Когда одному папѣ усволяютъ верховную власть и эту власть облачаютъ характеромъ божественности; тогда за вѣрующими оставляютъ только одно право,—право слѣпонаго подчиненія всѣмъ папскимъ распоряженіямъ, каковы бы ни были сами по себѣ эти распоряженія; тогда самого Бога дѣлаютъ отвѣтственнымъ во всѣхъ распоряженіяхъ, исходящихъ отъ папы и его епископовъ; тогда создаютъ тотъ воинственный клерикализмъ, со всѣми его притязаніями и домогательствами, о которыхъ такъ краснорѣчиво говоритъ вся средневѣковая исторія латинской цер-

¹⁾ Г. А. Лебедевъ, въ цитованной статьѣ, стр. 268, 269.

²⁾ См. 'Ο συνολικός τόμος. 'Εν 'Αθήναις. 1852 у Гергенрётера Т. II. с. 137.

кви. И если свѣтскія католическія правительства ограждали и ограждаютъ себя отъ ихъ клерикальныхъ притязаній конкордатами, договорами и разными эдиктами; то въ сущности правительства эти являются уже ренегатами и отступниками отъ той вѣры, которую будто бы официально признаютъ. Какая же власть земная можетъ входить въ сдѣлки съ властію божественною? Какія человѣческія распоряженія могутъ ограничивать распоряженія власти божественной? Именно эти возрѣнія крайнія, ультрамонтанскія, и проповѣдуетъ послѣдовательное римское духовенство своимъ вѣрующимъ. Именно поэтому и г. Соловьевъ, предлагая намъ свое вселенское христіанство, требуетъ, чтобы человѣческая власть находилась въ строго подчиненномъ, вассальномъ отношеніи къ вселенскому, т. е. папскому престолу. Разумѣется на Востокѣ никогда не было и никогда не можетъ быть ничего подобнаго.

На Востокѣ знаютъ, что власть священническую никакъ нельзя отождествлять съ властію божественною, что высокоуважаемые епископы восточные, съ своимъ подчиненнымъ духовенствомъ, какихъ бы высокихъ іерархическихъ степеней ни достигали, призваны быть только *охранителями*, а не *обладателями* божественной законодательной власти; что предъ божественнымъ законодательствомъ они столько же отвѣтственны, какъ и послѣдній вѣрующій христіанинъ. Поэтому на Востокѣ невозможно слѣпое подчиненіе власти духовенства, какъ невозможно отреченіе отъ своего христіанскаго достоинства, отъ своего разума и своей совѣсти, предъ лицомъ не только чужеземныхъ но и своихъ *directeurs de l'entendement et de la conscience* (директоровъ разума и совѣсти). А это должно было имѣть и дѣйствительно имѣетъ неотразимое вліяніе какъ на индивидуальную, такъ на общественную, соціальную и политическую жизнь восточныхъ христіанъ. Національная автономія подъ охраною союзныхъ силъ церковной и гражданской (*ἐκροσύνη καὶ βασιλεία*), различеніе власти божественной отъ человѣческой, признаніе равноправнаго христіанскаго достоинства за всѣми общественными сословіями и индивидуальными лицами, наконецъ, законная свобода убѣжденій и развитія разу-

ма, таковы основныя начала жизни восточныхъ христіанъ. Отсюда-то и возникла у восточныхъ христіанъ та глубокая преданность вѣрѣ своихъ отцовъ, о которой свидѣтельствуютъ не только православныя, но и римско-католическіе историки. «Нѣтъ спору, говоритъ напримѣръ г. А. Лебедевъ, у византійцевъ было много недостатковъ, но, съ другой стороны, должно признать: не было въ то время (во время крестовыхъ походовъ) народа, привязаннаго столь тѣсными узами къ своей религіи, къ своей Церкви, какъ именно Византійцы. Эта-то ревность къ своей вѣрѣ и Церкви и руководила ими, когда они чуждались латинянъ и обнаруживали къ нимъ враждебныя чувства». А извѣстный новѣйшій нѣмецкій историкъ Пихлеръ, католикъ по вѣрѣ, касаясь этихъ же временъ, говоритъ о грѣхахъ вообще: «Пренебреженіе земнымъ ради религіи есть существенное отличіе Церкви греческой отъ латинской» ¹⁾. И если Востокъ не успѣлъ развить всѣхъ своихъ высокихъ началъ, если неблагоприятныя историческія условія задержали его развитіе; то зато онъ сохранилъ христіанскую вѣру во всей ея святинѣ, чистотѣ и неповрежденности. Византія своею мученическою кончиною спасла намъ эту вѣру, завѣщала ее намъ, и уже намъ дѣло разумно, сознательно и всесторонне воспользоваться безцѣнными соборвищами, завѣщанными намъ погубившимъ православнымъ царствомъ. Для охраны, защиты и утвержденія этихъ началъ и выступилъ нѣкогда на борьбу съ Западомъ великій Фотій. Не честолюбіе, не суетное желаніе славы руководили его въ этомъ случаѣ; но ясное, гениальное созерцаніе всѣхъ опасностей того пути, по которому пошелъ Западъ. Пока дѣло шло единственно объ его личности, Фотій сохранялъ полное спокойствіе, не смотря на оскорбительныя выходки со стороны Рима. Но тотъ же Фотій съ полною энергіею возсталъ противъ папы, когда послѣдній осмѣлился презрительно отнестись къ Восточной Церкви, къ ея жизни и къ ея началамъ, съ цѣлію этимъ путемъ

¹⁾ Pichler. Geschichte der Kirchlich. Trennung. B. I. s. 320. См. статью г. А. Лебедева «Очерки Византійско-Восточной Ц. отъ конца XI до половины XV вѣка». «Твор. Св. Отцовъ въ русск. переводѣ». Кн. II. 1890 г., стр. 274, 275.

унизить патриархатъ константинопольскій. Тутъ дѣло шло, говоря словами одного русскаго ученаго (Н. А. Лавровскаго), уже не о лицѣ Фотія, а о чистотѣ Церкви, святости ея идеаловъ и ненарушимости ея правъ.

Съ тѣхъ поръ какъ организовалось папство, западныя церкви вступили на новый путь жизни. Этотъ путь они назвали путемъ прогресса, развитія; между тѣмъ какъ прежній путь, которымъ продолжаютъ идти церкви восточныя, они назвали коснымъ, неподвижнымъ, окаменѣлымъ. Поэтому они говорятъ, будто Фотій былъ виновникомъ этого застоя на Востокѣ, будто онъ своею борьбою съ Западомъ остановилъ среди Восточныхъ Церквей развитіе, какъ въ области догматической, такъ канонической и прагматической вообще. Словомъ западники свои нововведенія украсили названіемъ прогресса и развитія; а восточную вѣрность древнему, апостольскому преданію назвали застоємъ и неподвижностію; и Фотія выставили главнымъ виновникомъ этого застоя. Вотъ сужденія романскихъ историковъ. Но въ самомъ ли дѣлѣ въ новомъ, папскомъ движеніи надобно полагать истинный прогрессъ? Дѣйствительно ли истинное церковное развитіе состоитъ въ *приравнаніи*, властію ли папы или западныхъ соборовъ, національныхъ мнѣній и постановленій къ догматамъ несомнѣнно вселенскимъ, божественнымъ и откровеннымъ? Такъ поставленные вопросы могутъ приводить только къ отрицательному отвѣту. Уже Лейбницъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ злоупотребленій закономъ развитія, которымъ самъ пользовался въ своей философіи въ широкой мѣрѣ. Кантъ скептически относился къ этому закону и въ насмѣшку называлъ его *Einschachtelungstheorie*¹⁾. Что же касается новѣйшихъ мыслителей, что они называютъ его

1) Буквально: *коробочковъ-мѣстительная теорія* (отъ слова: *Schachtel* коробочка, сумка). По смыслу этой теоріи всѣ зародыши реального, или идеального предмета заключены въ немъ, какъ въ коробочкѣ, да и самъ этотъ предметъ въ формѣ зародыша тоже заключенъ въ предшествующей коробочкѣ, или предшествующемъ предметѣ и т. д. Эту теорію называютъ еще сингенетическимъ *предъформационнымъ* ученіемъ (*syngenetischen Präformationslehre*).

ненаучнымъ и ничего необъясняющимъ ¹⁾. Оказывается такимъ образомъ, что гениальный Фотій за тысячу лѣтъ до нашего времени въ области религіозной сдѣлалъ то же, что новѣйшіе мыслители стараются сдѣлать въ области философіи, при своемъ разграниченіи субъективныхъ мнѣній отъ общеобязательныхъ истинъ. Оказывается, что Фотій остановилъ не культурное или общецерковное развитіе, а только, говоря словами нашего Московскаго святителя Филарета, нечистую примѣсь богословскихъ измышленийъ къ единой, неизмѣнной и вѣчной богооткровенной истинѣ и остановилъ ее какъ въ области догматической, такъ и практической. Фотій первый возсталъ противъ признанія человѣческой стороны въ дѣлѣ религіи за божественную; возведенія германо-франкскихъ богословскихъ мнѣній и романскихъ церковныхъ мечтаній. принимаемыхъ папою, на степень богооткровеннаго догмата или общеобязательнаго божественнаго учрежденія! Онъ первый указалъ на величайшую опасность для человѣчества отъ приравненія человѣческихъ мнѣній къ вѣчной боговѣданной истинѣ! Именно таковъ смыслъ его опроверженій, напримѣръ, германо-франкскаго догмата о *Filioque*, или клерикально-италианскихъ мечтаній о папской *plenitudo potestatis*. И еслибы *Filioque*, или *plenitudo potestatis* оставались только на степени мнѣній тѣхъ или другихъ богослововъ, или даже частныхъ церквей; тогда съ этимъ еще можно было бы мириться. Но папы поддались искушенію сдѣлать изъ нихъ догматы и установленія божественныя, общеобязательныя; и Фотій для защиты вселенскаго ученія своей Церкви долженъ былъ возстать противъ этихъ западныхъ нововведеній. Латинскіе писатели ссылаются на всеобщее господство закона развитія и этимъ закономъ думаютъ оправдать приравненіе націо-

1) Гегеле напр. говоритъ: «Wir wissen noch nicht, wie denn nun eigentlich aus dem Seienden das Werdende sich bildet. Dies Geheimniss wird der denkende Geist schwerlich jemals aufzudecken im Stande sein, wen auch eine neuere philosophische Schule meint vor ihrem philosophischen Denken vermöge kein Geheimniss, weder in der äusjern noch in der inner Welt, zu bestehen». См. Allgemeine Pädagogik. Von d—r Heinrich Gräfe. Leipzig. B. I. s. 112 und ff.

ніальнаго человѣческаго элемента въ божественному, вѣчному. По нашему же мнѣнію, богохульно думать, будто и Небо, съ его вѣчными истинами и вѣчными уставами, подчинено тварному или органическому закону развитія. Столько же несостоятельно представляется намъ и новѣйшая философская или теософская мысль о развивающейся богочеловѣчности, которою хотятъ оправдать органическій законъ развитія въ примѣненіи къ жизни Церкви, потому что Упостасная Богочеловѣчность никогда не можетъ быть отождествлена съ богочеловѣчностью Церкви, какъ тѣло Христова никогда не можетъ быть отождествлено съ полнотою Его Божества.

Есть другое пониманіе закона развитія, болѣе научное и вполнѣ примѣнимое къ жизни Восточной Церкви. Его надобно назвать статико-динамическимъ. Присущая каждому развивающемуся предмету сила движенія какъ во всей природѣ, такъ и во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни проявляетъ свою жизнелюбность въ двухъ направленіяхъ. Она прежде всего стремится обнаружить подлинную сущность предмета, переводя эту сущность изъ скрытаго внутренняго состоянія во внѣшнее, постигаемое явленіе, доступное наблюденію и опыту; но въ то же время она находитъ свое ограниченіе въ другомъ стремленіи, консервативномъ, охраняющемъ типическія черты предмета при всемъ разнообразіи его явленій. Если бы первое стремленіе не находило себѣ ограниченія, или противовѣса въ консервативномъ охраненіи; тогда каждая сущность потерялась бы внѣ себя, подобно тому, какъ наша планета, увлекаемая центробѣжною силою, затерялась бы въ безконечномъ пространствѣ, неудерживаемая и непривлекаемая къ солнцу силою центростремительною. Только такимъ образомъ каждый предметъ сохраняетъ свою индивидуальность, спасаетъ свою самостоятельность. Отсюда открывается, что истинное развитіе въ дѣйствительности есть не что иное, какъ закономѣрное и гармоническое сохраненіе двухъ направленій движенія, изъ которыхъ одно въ наше время называютъ обыкновенно *эволюціею*, а другое *инволюціею*. Посредствомъ эволюціи сущность переходитъ изъ единства въ разнообразіе; потому что только такимъ образомъ

эта сущность можетъ проявиться и приобрести полное бытіе; напротивъ того, посредствомъ инволюціи сущность стремится сохранить единство въ разнообразіи; потому что только на этомъ единствѣ основано индивидуальное бытіе всякаго реального и идеальнаго предмета. Эволюція и инволюція выражаютъ два момента движенія, которыхъ цѣлостъ и совокупность составляютъ то, что въ наше время называютъ истиннымъ развитіемъ. Это-то пониманіе закона развитія, несомнѣнно болѣе научное сравнительно съ прежнимъ, напримѣръ пантеистическимъ, вполне примѣнимо къ жизни Восточной Церкви. Сущность его въ сферѣ церковной состоитъ въ строгомъ разграниченіи божескаго отъ человѣческаго, въ возможномъ отраженіи божескаго въ человѣческомъ, или уподобленіи человѣческаго божественному,—но не въ отождествленіи ихъ, не въ превращеніи одного въ другое. Только гармоническое соотношеніе между обоими этими элементами, божескимъ и человѣческимъ, даетъ бытіе истинному прогрессу, истинному развитію; какъ гармоническое соотношеніе силы центробѣжной и центростремительной сохраняетъ бытіе нашей планеты. Съ этой точки зрѣнія мы никакъ не можемъ признать папскихъ ученій и папскихъ распоряженій, какъ бы они ни были хороши на нашъ взглядъ, божественными, неизмѣнными, догматическими; не можемъ приписать папству непогрѣшимости ни догматической, ни канонической, ни политической. И мы не видимъ причинъ, почему мы должны обрывать мистическимъ культомъ италіанскаго архипастыря, намъ совершенно неизвѣстнаго, хотя быть можетъ, и весьма достопочтеннаго человѣка. Съ этой же точки зрѣнія мы признаемъ не вполне точною мысль и нашихъ славянофиловъ, когда они утверждаютъ, будто истина, недоступная для отдѣльнаго мышленія, доступна только совокупности мышленій, связанныхъ любовію; и что именно этою чертою православіе отличается какъ отъ латинства, стоящаго на внѣшнемъ авторитетѣ, такъ и отъ протестантства, переносящаго личность въ пустое пространство разсудочной отвлеченности ¹⁾. Конечно

¹⁾ Хомяковъ, т. I, стр. 282.

не любяи не позна Бога; конечно истина дана единенію всѣхъ и ихъ взаимной любви во Иисусѣ Христѣ ¹⁾. Но о какой же истинѣ говорятъ славянофилы? Если о богопреданной, отверженной; то она всегда остается въ Церкви единою, совершенною, святою и неизмѣнною; къ ней нельзя ничего прибавить и отъ ней нельзя ничего отнять. Если же объ истинѣ субъективной, выражающейся въ субъективномъ развитіи и усвоеніи отверженной истины индивидуумами, или отдѣльными народами, то этому индивидуальному, или національному усвоенію ея никакъ нельзя приписывать свойства безусловности, неизмѣнности, божественности. Не говорятъ ли намъ и сами славянофилы, что никакая сокровищница человѣческихъ идей, будь то *обще-славянская* или *обще-европейская*, не можетъ возвыситься до недосягаемой высоты неизмѣнной и богоправимой Церкви? Да, это такъ. На это-то свойство церковнаго ученія неизмѣннаго, вѣчнаго и богопреданнаго, какъ на высочайшей критерій истины, и указывалъ великій Фотій, когда возсталъ противъ напскихъ новшествъ, по характеру своему чисто римскихъ, или германо-франкскихъ, которымъ однакоже папы хотѣли усвоить вселенское, или абсолютное значеніе. Но значить ли это, что Фотій остановилъ или задержалъ общецерковный прогрессъ, общецерковное развитіе? Конечно, нѣтъ! Это значить только, что онъ—высокообразованный и даже гениальный—первый ясно разграничилъ область объективную отъ субъективной, элементъ въ исторической жизни Церкви божественный отъ элемента человѣческаго, т. е. римскаго или германо-франкскаго; и послѣднему элементу указалъ его подлинное мѣсто въ общецерковной жизни. Не вѣрна поэтому мысль г. Соловьева, что будто бы когда представляютъ себѣ вселенскую Церковь, какъ синтезъ автономныхъ церквей, какъ синтезъ единства свободы въ любви; тогда отказываются отъ общецерковнаго развитія или прогресса; тогда никакихъ объективныхъ общеобязательныхъ и всечеловѣческихъ нормъ и идеаловъ нѣтъ и быть не можетъ; тогда понятіе объ истинѣ сводит-

¹⁾ Хомяковъ, т. II, стр. 102.

ся къ понятію о томъ или другомъ народномъ складѣ ума, а понятіе о высшемъ благѣ совпадаетъ съ понятіемъ національнаго интереса ¹⁾. Но эти нормы и идеалы уже существуютъ, они даны намъ въ православіи; они составляютъ живую душу всѣхъ восточныхъ церквей. Правда, эти вѣчные идеалы и нормы въ себѣ самихъ единые, непреложные и неизмѣнные, въ различныхъ автономныхъ церквахъ, какъ и въ различныхъ человѣческихъ обществахъ, могутъ вызывать своеобразныя явленія, разнообразно видоизмѣняющіяся во всѣхъ сферахъ человѣческаго развитія: въ автономномъ управленіи церкви, въ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, въ наукахъ, художествахъ и пр.; но общій духъ ихъ долженъ оставаться единымъ, тождественнымъ и неизмѣннымъ при союзѣ любви. Правда также, что эти идеалы и нормы въ своемъ выраженіи, въ своемъ историческомъ развитіи, могутъ расширяться или сужаться, — могутъ примѣняться хорошо или дурно, правильно или неправильно; но это уже дѣло человѣческое; оно нисколько не уничтожаетъ и не разрушаетъ самихъ идеаловъ, т. е. высочайшихъ законовъ религіознаго единства, свободы и любви въ жизни общецерковной, государственной, общественной, семейной и т. д., какъ не уничтожаетъ и не разрушаетъ никакого идеала дурное выраженіе или воплощеніе его въ конкретныхъ формахъ. А что эти идеалы исполнены жизни и силы, и могутъ поэтому въ высокой мѣрѣ отражаться въ субъективномъ и историческомъ развитіи народовъ; то это отърывается уже изъ того несомнѣннаго факта, что культурное развитіе византийцевъ до самаго паденія ихъ многострадальной имперіи, т. е. болѣе пяти столѣтій послѣ смерти Фотія, было несомнѣнно выше западноевропейскаго. Мы ничего не говоримъ уже о современномъ русскомъ развитіи.

Но есть особенныя обстоятельства, которыя дѣлаютъ имя Фотія незабвеннымъ и великимъ среди славянскихъ народностей. Въ то время, когда на обще-церковномъ горизонтѣ стали сгущаться ту-

¹⁾ См. «Вѣстникъ Европы», 1889 г. Ноябрь, статья г. Соловьева, стр. 384 и дал.

чи, отдѣлившія въ послѣдствіи Востокъ отъ Запада, на поприще исторической жизни начали выступать славянскія народности. Уже давно, по обѣимъ сторонамъ Дуная, обитали многочисленныя племена Славянъ, входившихъ въ составъ префектуры Иллирійской. По опредѣленію Никейскаго собора префектура эта въ церковномъ отношеніи находилась въ зависимости отъ Рима. Скоро однакоже Никейское опредѣленіе должно было подпасть видоизмѣненію. Уже въ 395 г., вслѣдствіе подѣла имперіи между Аркадіемъ и Гоноріемъ, префектура эта была раздѣлена на восточную и западную; поэтому Θεодосій II, избѣгая запутанности въ церковномъ отношеніи, отчислилъ восточную часть Иллирика (два Эпира, двѣ Македаніи, Дакію, Фессалію и Ахаію) къ патриархату константинопольскому; между тѣмъ какъ западная часть Иллирика (Миссія и Скиѳія) попрежнему остались за патриархатомъ римскимъ ¹⁾. Тяжело было Риму разстаться съ восточнымъ Иллирикомъ; онъ не могъ забыть Никейскаго опредѣленія, утвержденнаго на вселенскомъ соборѣ, хотя среди иныхъ условій исторической жизни европейскихъ народовъ. Но Римъ ничего не могъ сдѣлать въ защиту своихъ изветшавшихъ правъ, и долженъ былъ покориться совершившемуся факту. Такъ возникали первыя причины отдѣленія Востока отъ Запада и такъ умножились для апостольскаго престола мотивы позаботиться о созданіи папской plenitudo potestatis. Уже въ это время восточный вопросъ, осложненный въ послѣдствіи новыми обстоятельствами, сталъ виднѣться въ исторической перспективѣ, хотя и въ общихъ очертаніяхъ.

Между тѣмъ славянскія народности, стучавшіеся въ дверь исторіи, хотѣли жить столько же культурною, сколько и самостоятельною, свободною и независимою жизнью. Общеславянскій смыслъ этихъ народностей, а можетъ быть и наглядные историческіе факты, современные имъ, подсказали имъ, что всѣхъ культурныхъ благъ они могутъ достигнуть только въ союзѣ съ Востокомъ. И въ этомъ они не ошибались. Уже въ VI ст. императоръ Юстиніанъ I,

¹⁾ «Духовный Вѣстникъ» 1863 г. т. V. См. статью П. А. Лавровскаго: «Свв. Кирилль и Меѳодій, какъ православные проповѣдники». Стр. 241.

родомъ Славянинъ, изливая милости на славянскія племена и желая возвысить значеніе своей родины, возобновилъ всю Иллирійскую префектуру, и съ нею учредилъ новую славянскую митрополию, назначивъ престольную кафедру ея въ области, названной имъ Юстиніаной I (Охрида, на границахъ Македоніи и Албаніи), митрополитъ которой, въ зависимости отъ императора, или точнѣе—отъ патріарха византійскаго, управлялъ всею Македоніею, Зетою, Болгаріей и Сремомъ¹⁾. Понятно, какъ должны были отнестись къ этому новому императорскому распоряженію папы, никогда не забывавшіе Никейскаго опредѣленія. Единственная ихъ надежда на возвращеніе себѣ Иллирія могла утверждаться или на *plenitudo potestatis*, или на добровольной уступчивости Византіи. И однакоже надежда эта не осуществилась. Но вотъ въ концѣ VII в., на Балканскомъ полуостровѣ является новый народъ—болгары, язычники, и въ самомъ началѣ IX в., при царѣ своемъ Крумѣ, успѣваютъ образовать обширное государство, какъ на полуостровѣ Балканскомъ, такъ и въ юго-восточной половинѣ нынѣшней Венгріи. Уже при Крумѣ многія болгарскія племена добровольно приняли византійское христіанство; но еще больше сдѣлать для просвѣщенія болгаръ, равно какъ для просвѣщенія и остальныхъ Славянъ, патріархъ Фотій. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была не только прозорливою, но и поистинѣ гениальною. Онъ приготовилъ просвѣтителей славянскихъ, свв. Кирилъ и Меѳодія, будучи ихъ учителемъ, руководителемъ и другомъ; при немъ просвѣщены христіанствомъ все болгары; при немъ крестились русскіе князья Аскольдъ и Диръ, и въ Кіевѣ, на берегахъ Днѣпра, возникла первая русская епископія; при немъ славяно-паннанскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Котель, желая слышать слово Божіе и имѣть богослуженіе на родномъ языкѣ, обратились къ Византійскому императору Михаилу и къ нему самому, испрашивая у нихъ нужныхъ для нихъ учителей. Но мы

¹⁾ «Духовный Вѣстникъ» 1863 г. Т. V. Статья П. А. Лавровскаго: «Свв. Кирилъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники» стр. 241 и далѣе.

не задаемся цѣлю изложить исторію просвѣтительной дѣятельности Фотія въ отношеніи къ славянскимъ народамъ. Для насъ достаточно припомнить, что онъ былъ первоисточникомъ или лучше—первоначальнымъ свѣточемъ, разлившимъ волны христіанскаго просвѣщенія почти въ безбрежномъ славянскомъ морѣ. И радость его была безпредѣльна. Своимъ окружнымъ посланіемъ онъ извѣстилъ объ этомъ Востокъ и подѣлился своею радостію со всѣми восточными Церквами.

Понятно, какъ должны были смотрѣть на эту дѣятельность патріарха Фотія и на это общеславянское движеніе папы, которые не могли доказать ни свой plenitudo potestatis, ни добиться подчиненія Востока, ни оживить Никейское правило. Болгарскій царь Борисъ, преемникъ Крума, принялъ христіанство отъ Востока и въ честь воспріемнаго отца своего, императора Михаила III, и самъ названъ былъ Михаиломъ (864 г.). Патріархъ Фотій старался укрѣпить царя въ христіанской вѣрѣ, писалъ къ нему превосходное пастырское посланіе и послалъ въ Болгарію и своихъ епископовъ и священниковъ для просвѣщенія его подданныхъ. Но не прошло и одного года, неизвѣстно по какимъ причинамъ ¹⁾ Борисъ обратился съ посольствомъ въ Римъ, прося себѣ римскихъ проповѣдниковъ. Догадываются, что главною причиною этого поступка со стороны царя былъ встрѣченный имъ отказъ въ образованіи самостоятельнаго болгарскаго патріархата. Разумѣется, у апостольскаго престола не достало апостольскаго благородства *не назидать на чуждомъ основаніи*. Съ необыкновенною радостію папа спѣшилъ теперь возобновить свое изветшавшее право на Иллирію, старается уронить Восточную Церковь въ письмѣ къ царю и шлетъ своихъ проповѣдниковъ въ Болгарію. Возвышая свой престолъ до высоты недосыгаемой, папа выражается о Фотіѣ, что онъ *favore potius principum, quam ratione Potriarcha appellatus est* (возведенъ на патріаршій престолъ скорѣе по милости царей, чѣмъ по пра-

¹⁾ См. разсмотрѣніе этихъ причинъ въ превосходной статьѣ П. А. Лавровскаго: «Свв. Кириллъ и Меѳодій и пр.» Духовн. Вѣстн. 1863 г. Т. V, стр. 189 и далѣе.

ву); то же самое онъ говоритъ и о константинопольскомъ патріархатѣ вообще. По его ученію, константинопольскій престолъ не былъ основанъ ни однимъ изъ апостоловъ; да и Никейскій соборъ не упоминаетъ даже о немъ. Если же ему усвояютъ патріаршія права; то это по милости царей, а не по справедливости. То же самое надобно сказать и о патріархатѣ іерусалимскомъ. Со временъ императора Адріана существуетъ только городъ Эллія, а не Іерусалимъ, епископъ котораго столько же имѣетъ правъ называться патріархомъ, какъ и епископъ константинопольскій. Папа признаетъ патріаршее достоинство только за престолами Александрійскимъ и Антиохійскимъ; но и это, конечно, потому, съ одной стороны, что патріархаты эти не входили въ непосредственное сопрیکосновеніе съ славянскими народами, и утратили весь свой блескъ, подпавши тяжкому игу иноплеменниковъ, а съ другой—потому, что уже Григорій В. признавалъ александрійскій и антиохійскій престолы какъ бы намѣстничествами одной и той же власти, преемственно перешедшей отъ ап. Петра къ римскому первосвященнику ¹⁾. Такимъ образомъ во всемъ мірѣ остается одинъ апостольскій престолъ, и этотъ престолъ принадлежитъ папѣ. Съ другой стороны и западные просвѣтителі, прибывши въ Болгарію, позволяли себѣ дѣйствовать въ высшей степени оскорбительно въ отношеніи къ греческой церкви. Они громко порицали восточное духовенство въ николаитской ереси, т. е. въ брачной жизни, позволяли себѣ снова миропомазывать новокрещенныхъ болгаръ, переучивать народъ латинскому символу вѣры и ввели множество другихъ латинскихъ нововведеній. Греческое духовенство должно было оставить Болгарію. И однако же все это оказалось напраснымъ. Ни изветшавшее Никейское опредѣленіе, ни *plenitudo potestatis*, ни обращеніе къ Риму царя не дали возможности папамъ сохранить свою власть надъ Болгаріею, послѣ того какъ они затянули дѣло о признаніи самостоятельности Болгарской Церкви, а затѣмъ и положительно отказали въ этомъ. Болгары

¹⁾ См. Гергенрѣтеръ т. II, стр. 143, 146, 147.

снова обратился къ Восточной Церкви и въ союзѣ съ нею скоро достигли полной автономіи и независимости церковной..

Мы изложили характеристическія черты общецерковной и общеславянской дѣятельности патріарха Фотія, и мы можемъ уже судить, насколько справедливы латинскіе упреки ему, будто онъ создалъ *фотиніанскую* Церковь. Конечно онъ не былъ религіознымъ новаторомъ и никакой новой церкви не создавалъ. Но вѣрно то, — что въ немъ восточныя церкви нашли самое яркое выраженіе своего духа, своего направленія и основныхъ началъ своей жизни. Его начала одушевляютъ Востокъ и теперь, они составляютъ душу всѣхъ Восточныхъ Церквей и въ наши дни. Въ 1868 году, когда Пій IX призывалъ восточныхъ іерарховъ въ Римъ на свой «вселенскій» соборъ; то вотъ что отвѣчалъ ему патріархъ Анѳимъ отъ лица восточныхъ церквей: «Назадъ тому десять вѣковъ существовала единая Церковь, исповѣдующая одни и тѣ же догматы, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, въ новомъ, какъ и въ древнемъ Римѣ. Перенесемъ въ эту эпоху и посмотримъ, кто прибавилъ и кто убавилъ. Уничтожимъ нововведенія, если они окажутся, и тогда мы всѣ прійдемъ къ одному и тому же каѳолическому православію, отъ котораго мало-по-малу удалися Римъ первыхъ вѣковъ, образовавъ пропасть, которая насъ раздѣляетъ вновь являющимися догматами и правилами, не имѣющими основанія въ священномъ преданіи». Такимъ образомъ эпоха патріарха Фотія, ученіе и устройство церкви, которыхъ онъ былъ защитникомъ и охранителемъ, остаются господствующими на Востокѣ до нашихъ дней.

Утверждаютъ, что Фотій, своимъ возстаніемъ противъ папскаго верховенства, разрушилъ единство Церкви и этимъ причинилъ величайшій вредъ всѣмъ Восточнымъ Церквамъ; между тѣмъ какъ Западныя Церкви, подчинившись папской идеѣ, сохраняютъ это единство и продолжаютъ жить единою жизнію въ союзѣ съ Римомъ. Но единство Церкви утверждается на единствѣ вѣры, на единомысліи и единомушіи Церквей, какъ и единство человѣческаго тѣла основывается на единствѣ живой души, а не на такомъ или иномъ взаимномъ соподчиненіи тѣлесныхъ органовъ и чле-

новъ какому либо-одному члену. Въ этомъ состоитъ высшее духовное единство, а не въ правовыхъ отношеніяхъ Церквей. И тысячелѣтній опытъ показалъ, что сохраненіе этого высшаго единства, общецерковнаго единомыслія и единодушія, возможно не при деспотическомъ подчиненіи одной какой-либо Церкви, а при сохраненіи свободной автономіи Церквей въ союзѣ любви: что только въ этой автономіи скрывается гарантія въ дѣлѣ сохраненія чистоты православнаго ученія; что поэтому только автономія есть самое прочное основаніе единства въ вѣрѣ и любви. Вотъ почему Восточныя Церкви, оставаясь автономными, сохраняли высшее единство въ вѣрѣ, сохраняли чистоту православія; между тѣмъ какъ Церкви Западныя, не смотря на свой виѣшній центръ единства, не смотря на деспотическое соподчиненіе во виѣшнемъ управленіи, утратили это высшее единство, впади въ анархію и разномысліе.

Намъ обѣщаютъ великія блага, если мы согласимся подчиниться папской идеѣ и признаемъ папское главенство. Особенно намъ, русскимъ, сулятъ какія-то преимущественныя блага, если мы совершимъ актъ самоубійства надъ собою, актъ отреченія отъ православнаго Востока и затѣмъ присоединимся къ Западу и усвоимъ его романо-германо-франкскую культуру. Намъ говорятъ: «кто эгонстически охраняетъ свою жизнь, тотъ губитъ ее; напротивъ, кто губитъ свою душу ради Царствія Божія, тотъ спасаетъ ее». Вотъ софистическая игра понятіями и недостойное отождествленіе любви къ православію съ эгонстическою любовію народа къ самому себѣ. Эгонстическая любовь къ себѣ, будь то частная или общенародная, заслуживаетъ полнаго порицанія и о ней-то говорить Спаситель, когда призываетъ послѣдователей своихъ погубить душу свою. Но тотъ же Спаситель зановѣдуетъ намъ спасать свою душу сохраненіемъ Его глаголовъ, не увлекаясь никакими благами и жертвуя за нихъ самую жизнь; потому что *глаголы Его духъ суть и животъ суть*. Поэтому мужественное, непостыдное и безкорыстное охраненіе этихъ глаголовъ, данныхъ намъ въ православіи, составляетъ высочій, благородный и безкорыстный

долгъ нашъ. Горе тому легкомысленному народу, который измѣною своему долгу и эгоистическою покорностію папству вздумалъ бы пріобрѣсть какія-то западно-европейскія культурныя блага. Кромѣ легкомыслія, замаскированнаго эгоизма и безсердечнаго отношенія къ самымъ священнымъ завѣтамъ предковъ онъ ничего другого не проявилъ бы этимъ, и подорвавъ вѣру въ полную жизнєнность своихъ историческихъ идеаловъ, сталъ бы, какъ говорить Слово Божіе, *тепло-хладнымъ*, или даже мертвымъ. Пусть по видимости незыблема скала, на которой утверждается престолъ называющихъ себя исключительными преемниками ап. Петра, но мы знаемъ, какъ бурно западно-европейское море. Пусть блестяща папская культура; но мы знаемъ также, сколько эгоизма, неправды и нищеты она прикрываетъ собою. Поэтому продолжаемъ думать, что только на доблестномъ кораблѣ нашей церкви, подъ управленіемъ Небеснаго Кормчаго, мы можемъ безопасно плавать по самымъ бурнымъ морямъ и достигать возможныхъ для насъ культурныхъ благъ. Во всякомъ случаѣ, отъ добра—добра не ищутъ; и кто продаетъ свое первенство за чечевичную похлебку мечтательныхъ, западно-европейскихъ благъ; тотъ, на нашъ взглядъ, поступаетъ безразсчитнѣе даже грубаго Исава.

Но намъ говорятъ, что въ признакія папской идеи, папской культуры и состоятъ наше современное русское призваніе, наша русская задача, наша «L'idée russe». Очевидно, писатели, утверждающіе это, переносятъ въ своемъ соображеніи изъ области научной въ область какихъ-то мистическихъ созерцаній. Но истиннѣе надобно обладать вѣдѣніемъ пророка, чтобы рѣшиться утверждать это. Кто же не можетъ усвоить себѣ этого вѣдѣнія; кто основывается въ своихъ сужденіяхъ на общедоступныхъ фактахъ; тотъ руководясь несомнѣнными историческими указаніями прошлыхъ временъ, долженъ прійти совершенно къ противоположнымъ убѣжденіямъ; тотъ вмѣстѣ съ Хомяковымъ долженъ сказать: «Для Россіи возможна только одна задача: быть обществомъ, основаннымъ на самыхъ высшихъ нравственныхъ началахъ; или иначе: все, что благородно и возвышенно, все, что исполнено любви и

сочувствія къ ближнему, все, что основывается на самоотреченіи и самопожертвованіи, все это заключается въ одномъ словѣ: христіанство. Для Россіи возможна одна только задача: сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ всѣхъ человѣческихъ обществъ. Отчего дана намъ такая задача? Можетъ быть, отчасти вслѣдствіе особаго характера нашего племени; но безъ сомнѣнія оттого, что намъ, по милости Божіей, дано было христіанство во всей его чистотѣ и въ его братолюбивой сущности»¹⁾. Намъ, Славянамъ, слѣдуетъ только хорошо сознать его чистоту и его братолюбивую сущность. И вотъ при этихъ соображеніяхъ и убѣжденіяхъ свѣтлая личность Фотія, хранителя чистаго христіанства и защитника вѣковыхъ завѣтовъ православія, должна вырасти въ сознаніи русскаго народа до колоссальной высоты. Именно это значеніе можетъ имѣть и размышленіе на рубежѣ тысячелѣтней годовщины со времени блаженной кончины великаго константинопольскаго патріарха Фотія.

Т. Стояновъ.

¹⁾ Сочиненіе Хомякова Т. I, стр. 683.

О ПОКОѢ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ.

(Обобщеніе *).

Историческій и юридическій очеркъ празднованія дня недѣльнаго — субботы въ ветхомъ, воскресенья въ новомъ завѣтѣ.

Чтобы нагляднѣе и фактически представить сущность и важность празднованія воскреснаго дня и указать источники и начала, которыя должны быть положены въ основу гражданскаго законодательства о немъ всякаго христіанскаго государства, мы сдѣлаемъ краткій историко-юридическій очеркъ празднованія дня недѣльнаго съ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ дней.

Древнѣйшій и самый распространенный праздникъ есть день недѣльный, одинъ изъ семи дней недѣли. Что число семь лежало въ основаніи счисленія съ древнѣйшихъ временъ, указанія на это находятъ даже въ памятникахъ такъ называемой до-исторической археологіи. Такъ, на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ коллекціи каменныхъ орудій Piette'a находились обточенные камни съ намалеванными линіями, которыя, очевидно, служили знаками счисленія, и по мнѣнію г. Piette, у первобытныхъ рисовальщиковъ этихъ линій число семь было основою счисленія.

Почему люди стали дѣлить время на недѣли или на сед-

*) См. ж. «Вѣра Разумъ» 1890 г. № 17.

мидневные періоды, и съ какого времени вошло въ употребленіе это дѣленіе?

За отсутствіемъ положительныхъ свѣдѣній, дѣлаются догадки. Одни ученые предполагаютъ, что время стали считать недѣлями потому, что число семь въ древности почиталось священнымъ, по возникаетъ вопросъ, почему семь есть число священное? Другіе думаютъ, что основаніемъ для дѣленія времени на семидневные періоды послужили наблюденія надъ фазами луны. Хотя лунный мѣсяцъ имѣетъ почти 29 сутокъ и, слѣдовательно, не можетъ быть раздѣленъ поровну на четыре семидневныхъ части, но, по крайней мѣрѣ, приблизительно въ лунномъ мѣсяцѣ четыре недѣли. и каждая фаза луны продолжается приблизительно недѣлю. Но, съ другой стороны, въ древнѣйшія времена большое значеніе имѣлъ также четырнадцатидневный періодъ времени, отъ начала новолунія до совершенія полнолунія. Нѣкоторое указаніе на то, что въ древнѣйшія времена время считали, между прочимъ, и четырнадцатидневными періодами, находимъ въ книгѣ Притчей (7, 9--20); кромѣ того, классическіе писатели сообщаютъ, что этотъ періодъ былъ основнымъ дѣленіемъ времени въ древнѣйшей астрономіи. Важность четырнадцатидневнаго періода времени объясняютъ¹⁾ слѣдующимъ образомъ. Луна проходитъ 28 созвѣздій, которыя повтому были названы «стоянками» луны. Особенное вниманіе древніе могли обратить на два созвѣздія—на Плеяды и Скорпіона, потому что Плеяды восходятъ на восточномъ горизонтѣ въ то самое время, въ которое Скорпіонъ заходитъ на западномъ горизонтѣ, т. е. разстояніе между ними равно дугѣ небесной сферы. Луна въ созвѣздіи Скорпіона появляется въ новолуніе, а въ созвѣздіи Плеядъ въ полнолуніе, и между появленіемъ или «стоянкой» ея въ Скорпіонѣ и «стоянкой» въ Плеядахъ протекаетъ четырнадцать дней или двѣ недѣли. Но если, такимъ образомъ, въ древности, при счисленіи времени, имѣлъ большое значеніе четырнадцати-дневный періодъ, то вопросъ о томъ, по-

¹⁾ Ernst Bunsen—Die Plejaden und der Thierkreis oder das Geheimniss der Symbole. S. 8—11.

чему же вездѣ вошло въ обычай дѣлать время на семидневные періоды, остается открытымъ:—отвѣта на него не даютъ ни древнѣйшая астрономія, ни первобытные археологическіе памятники.

Но зато прямое и ясное историческое свидѣтельство о времени установленія и о причинахъ установленія недѣльнаго дня, какъ дня праздничнаго, мы находимъ на первыхъ же страницахъ первой священной книги Бытія.

Вслѣдъ за рассказомъ о сотвореніи міра, въ ней говорится: *Такъ совершены небо и земля и все воинство ихъ. И совершилъ Богъ къ седьмому дню дѣла Свои, которыя Онъ дѣлалъ, и почилъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя дѣлалъ. И благословилъ Богъ седьмый день и освятилъ его; ибо въ оный почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Богъ творилъ и создалъ (2, 1—3).*

Здѣсь указано основаніе для счисленія времени недѣлями, которое, несомнѣнно, съ этихъ поръ и вошло въ употребленіе; здѣсь указанъ и образецъ для такого проважденія дней недѣли. Неужели всемогущій Богъ подверженъ усталости и нуждается въ отдыхѣ? Очевидно, Богъ такимъ распорядкомъ Своей творческой дѣятельности и покоя подалъ людямъ примѣръ, чтобы и они шесть дней трудились, а въ седьмой прекращали свои дѣла. Но не въ одномъ только покоѣ отличіе седьмого отъ прочихъ дней недѣли: Богъ не только почилъ въ этотъ день, но и благословилъ его, а это значитъ, что день этотъ есть день радостный: далѣе, Богъ освятилъ его, а это значитъ, что онъ есть день святой или священнѣй, т. е. такой, который человѣкъ долженъ посвящать Богу. Такимъ образомъ, седьмой день, какъ праздникъ, есть а) непосредственное установленіе Божіе, б) установленіе первобытное и в) установленіе необычайно важное, потому что напоминаетъ о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ завершеніе творенія міра, отчего и самый день седьмой далеко выдвигается изъ ряда другихъ дней. Самое названіе свое седьмой день получилъ отъ того, что слово суббота на еврейскомъ языкѣ значитъ покой.

Какъ люди проводили субботу отъ временъ Адама до Моисея, неизвѣстно. Но изъ библейскаго повѣствованія о жизни Ноя

и Иакова видно (Быт. 8, 10—12; 29, 27), что въ ихъ время употреблялся счетъ дней недѣлями, а изъ этого можно заключать, что уже и тогда праздновали субботу. Но кромѣ того, книга Исходъ даетъ и положительное свидѣтельство, что евреи еще раньше Синайскаго законодательства праздновали субботу, и это считалось исполненіемъ заповѣди Божіей, а самое празднованіе состояло въ покоѣ (16, 23—30). Косвенное указаніе на празднованіе субботы въ древнѣйшія времена мы находимъ въ томъ, что китайцы празднуютъ субботу, а между тѣмъ они не могли заимствовать этотъ обычай у евреевъ позже Авраама, такъ какъ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы во времена послѣ-Авраамовскія между этими двумя народами были какія бы то ни было отношенія. Съ другой стороны, несомнѣнно и то, что многіе люди и племена, если и не совсѣмъ забыли о субботѣ, какъ днѣ праздничномъ, то, по крайней мѣрѣ, не праздновали ее, какъ должно. Даже евреи, какъ показываетъ библейскій рассказъ о маннѣ (Исх. 16, 27—28), сначала не строго соблюдали этотъ праздникъ.

Важность празднованія субботы и вмѣстѣ забвеніе ея и нестрогое соблюденіе ея людьми побудили сдѣлать закономъ то, что существовало почти только какъ обычай. Изъ десяти заповѣдей, данныхъ Богомъ при Синаѣ и содержащихъ въ себѣ весь нравственный законъ, четвертая обязываетъ челоуѣка шесть дней работать, а въ седьмой прекращать свои дѣла и служить Богу. *Помни день субботній, чтобы святить его. Шестъ дней работай, и дѣлай всякія дѣла свои: а день седьмой суббота Господу Богу твоему: не дѣлай въ оный никакого дѣла ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой, ни рабыня твоя, ни скотъ твой, ни пришлецъ, который въ жилищахъ твоихъ* (Исх. 20, 8—10). Слова: *помни день субботній* показываютъ, что празднованіе субботы существовало и раньше, но только подвергалось забвенію, а заповѣдь какъ бы напоминала о древнемъ установленіи субботы и внушала исполнять его. Ссылка заповѣди на древнее установленіе субботы обнаруживается и въ томъ, что основаніемъ заповѣди положено то, что Богъ сотворилъ міръ

въ шесть дней, а въ седьмой почилъ, освятилъ его и благословилъ (Исх. 20, 11). Кромѣ этого, главнаго и такъ сказать богословскаго основанія празднованія субботы, это послѣднее имѣло еще экономическое и гигиеническое основаніе, именно то, что и хозяевамъ, и рабамъ, и рабочему скоту необходимо отдыхъ (Исх. 23, 12; Второз. 5, 15). Побужденіемъ къ особенному празднованію субботы для евреевъ служила еще благодарность Богу за избавленіе отъ египетскаго рабства (Второз. 5, 15). Наконецъ, суббота была знаменіемъ завѣта между Богомъ и Его народомъ (Исх. 31, 13). За нарушеніе субботняго покоя въ законѣ Моусеевомъ была положена смертная казнь. *Сохраните субботу, яко свята сія есть. Господу и вамъ: осквернивый ю, смертію умретъ: всякъ, иже сотворитъ въ ню дѣло, потребится душа та отъ среды людей своихъ* (Исх. 31, 14). Эта страшная казнь и была одинъ разъ осуществлена, по особому повелѣнію Божію, надъ человекомъ, собравшимъ дрова въ субботу и убитымъ за это камнями (Числ. 15, 33—36). Поставленіе заповѣди о субботѣ въ числѣ основныхъ заповѣдей Закона Божія, важность основаній ея и тяжесть наказанія за нарушеніе ея—все это свидѣтельствуешь о важности этого праздника. И сознаніе важности этой заповѣди въ народѣ еврейскомъ укоренилось такъ твердо, что евреи, кажется, ни одной заповѣди не исполняли столь строго, какъ четвертую. Достаточно сказать, что если они подвергались въ субботу нападенію со стороны враговъ, то не смѣли взяться за оружіе и безпрекословно давали убивать себя; такъ что только крайняя опасность, которая угрожала отечеству отъ нападеній враговъ въ субботы во времена Маккавеевъ, принудила этихъ патріотовъ издать законъ, позволявшій евреямъ защищаться и въ субботу въ случаѣ нападенія враговъ. Съ такою же строгостію евреи соблюдали субботній покой и во всѣ послѣдующіе вѣка, даже до настоящаго времени.

Существенныя принадлежности празднованія субботы въ заповѣди указаны тѣ же, какія были опредѣлены и при первоначальномъ установленіи субботы, а именно покой, освященіе и служеніе Богу. Служеніе Богу состояло въ томъ, что

народъ (одни мужчины) собирався въ скинію, или въ храмъ, гдѣ совершались молитвы, были приносимы жертвы, происходило чтеніе и изъясненіе Писанія. Такимъ же образомъ евреи освящали и прочіе свои праздники (Лев., 18 гл.). А послѣ того, какъ храмъ былъ разрушенъ, іудеи въ праздники совершали молитвы, читали и изъясняли Св. Писаніе въ синагогахъ, но жертвъ не приносили.

Но по мѣрѣ того, какъ іудеи начали терять истинное пониманіе Писанія, привязываясь къ буквѣ его и не понимая его духа,—и заповѣдь о субботѣ, простая и ясная, какъ она дана Богомъ, была обременена множествомъ мелочныхъ предписаній, которыя безъ пользы затрудняли исполненіе ея и даже извращали ея основной смыслъ. Бездушный и безплодный формализмъ въ соблюденіи субботняго покоя, равно какъ и въ соблюденіи другихъ обрядовъ, проявлялся у евреевъ еще во времена пророковъ, какъ это видно изъ обличеній, находящихся въ ихъ книгахъ. Но особенно онъ усилился ко времени земной жизни Іисуса Христа. Въ это время преданія ихъ старцевъ составляли уже цѣлая система предписаній, изъ которыхъ позже образовались кодексы, извѣстные подъ именемъ талмудовъ. Эти преданія до такой степени закрыли іудеямъ доступъ къ истинному и жизненному пониманію Писанія и религіозно-нравственныхъ обязанностей человѣка, что, напримѣръ, они рѣзко обвиняли Іисуса Христа въ нарушеніи субботы за то, что Онъ пещѣлялъ въ субботы больныхъ, а учениковъ Его за то, что они, томимые голодомъ, рвали въ субботу колосья и ѣли зерна хлѣба.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, избличая фарисейское соблюденіе субботы, вовсе не разорялъ субботы, въ чемъ обвиняли Его іудеи; напротивъ, Онъ-то и соблюдалъ субботу, какъ и весь законъ вообще: въ субботу Онъ приходилъ въ храмъ, когда бывалъ въ Іерусалимѣ, или въ синагогу, если находился внѣ Іерусалима; молился тамъ, читалъ и объяснялъ законъ и училъ людей, а также совершалъ дѣла милосердія. Такимъ образомъ, Онъ самымъ дѣломъ показалъ, что субботній покой есть прекращеніе житейскихъ дѣлъ, которое нужно для того, чтобы человѣкъ могъ непре-

пятственно служить Богу молитвой, чтеніемъ и слушаніемъ Писанія, дѣлами челоуколюбія. И это было совершенно согласно съ ветхозавѣтнымъ закономъ, который требоваль, чтобы іудеи въ субботу и въ прочіе праздники устроили священное собраніе въ скиніи, или въ храмѣ, приносили жертвы Богу. Кромѣ того, оправдавши апостоловъ въ томъ, что они въ субботу рвали хлѣбныя колосья, Господь нашъ Іисусъ Христосъ научилъ, что въ субботу можно совершать и житейскія дѣла, если они совершенно необходимы, и что въ соблюденіи субботняго покоя нужно сообразоваться съ духомъ заповѣди, а не съ буквой. Однимъ словомъ, Іисусъ Христосъ не отмѣнилъ четвертой заповѣди; напротивъ, Своимъ примѣромъ и словомъ научилъ исполнять ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ научилъ понимать и исполнять ее болѣе духовно, нежели какъ относились къ ней іудеи. Съ пришествіемъ Іисуса Христа потерялъ значеніе обрядовый ветхозавѣтный законъ, а религіозно-нравственный законъ сохраняетъ свою силу. И о немъ то Іисусъ Христосъ прямо сказалъ, что Онъ пришелъ не разорить законъ, но восполнить. Въ нагорной проповѣди Онъ подробно разъяснилъ, что всѣ религіозно-нравственныя заповѣди ветхозавѣтнаго закона не только обязательны для его послѣдователей, но что послѣдователи его должны понимать ихъ шире и духовнѣе, исполнять безкорыстнѣе и строже и достигать несравненно высшей степени въ вѣрѣ, благочестіи и нравственности, нежели какъ это было доступно ветхозавѣтному іудею. Десятословіе, хотя дано было евреямъ, но обязательно для всѣхъ людей, и для христіанъ больше, чѣмъ для кого бы то ни было. Поэтому пусть никто не осмѣливается умалять значеніе четвертой заповѣди на томъ основаніи, что она заповѣдь ветхозавѣтная, что мы живемъ не подъ закономъ, а подъ благодатію. Религіозно-нравственныя обязанности христіанина не меньше и не ниже, нежели ветхозавѣтнаго іудея; благодать облегчаетъ ихъ исполненіе и смягчаетъ возмездіе за ихъ нарушеніе; напримѣръ, за нарушеніе четвертой заповѣди христіанскій законъ не полагаетъ смертной казни, но самыхъ обязанностей не только не умаляетъ, а даже усиливаетъ ихъ. Кому много дано, съ того много и взыщется.

Однако, христіане какъ православные, такъ и другихъ исповѣданій, субботы не соблюдаютъ. Въ нашей Церкви суббота есть малый праздникъ. Отличіе ея отъ прочихъ дней недѣли только въ томъ, что въ субботу церковныя правила ¹⁾ запрещаютъ поститься, а во время поста пощеніе въ субботу смягчается въ теченіе великаго поста въ субботу отмѣняются земные покаянные поклоны и совершается литургія ²⁾ Іоанна Златоуста, но работы дозволяются и церковная служба бываетъ будничная.

Не значить ли это, что христіане нарушаютъ четвертую заповѣдь? Да, это было бы нарушеніе заповѣди, еслибы у христіанъ суббота не была замѣнена другимъ днемъ—воскреснымъ.

Замѣна эта произошла вскорѣ же послѣ воскресенія Іисуса Христа, которое и послужило для этого основаніемъ. Празднованіе воскреснаго дня началось съ апостоловъ. Въ книгѣ Дѣяній разсказывается, что ученики апостольскіе и вмѣстѣ съ ними апостоль Павелъ собрались для преломленія хлѣба въ первый день недѣли (20, 7), т. е. они причащались въ воскресенье, которое есть первый день недѣли ³⁾, какъ это дѣлали и всѣ христіане въ первенствующей церкви. Значить, въ воскресенье совершалось общественное богослуженіе. Это подтверждается и другимъ извѣстіемъ той же книги, что въ день сошествія Святаго Духа апостолы находились вмѣстѣ въ одномъ домѣ, повидимому для молитвы, а сошествіе Святаго Духа было въ воскресенье (2, 1; ср. 1, 14). Въ первомъ посланіи къ коринтянамъ апостоль Павелъ убѣждаетъ ихъ раздавать въ воскресенье милостыню (16, 2). Свидѣтельства мужей апостольскихъ и многихъ древнѣйшихъ отцовъ церкви, 64-е апостольское правило и слова римскаго писателя Пли-

1) 64-е апостольское правило и 55-е правило Трульскаго собора.

2) Лаодик. собора правило 49.

3) *Воскресенье* называется также и осьмымъ днемъ. По словамъ Игнатія Богоносца, пророкъ, ожидая этого дня сказалъ: *въ конецъ о осьмомъ* (Псал. 6, 1; 11, 1). «И первымъ нарицается день сей въ Священномъ Писаніи, яко составляющій для насъ начало жизни, и осьмымъ, яко пришедшій по субботѣ іудейской», говоритъ Теофилъ, архіепископъ Александрійскій, въ своемъ первомъ правилѣ.

нія въ его письмѣ къ императору Траяну (царствовалъ съ 98--117 г.) не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что празднованіе воскреснаго дня начато было апостолами. Но какъ скоро начали праздновать воскресенье, празднованіе субботы неизбѣжно отошло на второй планъ, потому что по смыслу четвертой заповѣди должно праздновать не два, а одинъ день въ недѣлѣ. Такъ какъ апостолы были изъ евреевъ и потому не могли не питать глубокаго почтенія къ субботѣ и такъ какъ замѣна субботы воскресеньемъ есть дѣло важное, то можно думать, что они даже не своею властію, а по наставленію отъ Іисуса Христа замѣнили субботу воскресеньемъ, хотя объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, въ Писаніи не сказано. Подтвержденіемъ этого предположенія могутъ служить слова Аѳанасія Великаго: «у древняго человѣка въ великомъ почтеніи находилась суббота, но это празднованіе Господь перенесъ на день воскресный»¹⁾. И не въ этомъ ли смыслѣ нужно понимать слова Іисуса Христа, что Онъ есть господинъ и субботы? (Лук. 6, 5). Такимъ образомъ, для христіанъ обязанность и вмѣстѣ право праздновать воскресенье утверждаются на авторитетѣ апостоловъ и Самого Іисуса Христа.

Святые отцы указывали на богословскія основанія для замѣны субботы воскресеньемъ. Главное основаніе—это необычайная важность событія, совершившагося въ первый день по субботѣ, разумѣемъ воскресеніе Господа Іисуса Христа изъ мертвыхъ²⁾. Важное само по себѣ событіе воскресенія Іисуса Христа изъ мертвыхъ даетъ намъ радостную увѣренность въ томъ, что и мы воскреснемъ для вѣчной жизни. Въ воспоминаніе такого величайшаго событія самый день по субботній названъ воскресеньемъ и торжественно празднуется всѣми христіанами. Воскресенье важнѣе субботы. Суббота

¹⁾ Бесѣда о святелѣхъ.

²⁾ Іустинъ мученикъ приводитъ два основанія празднованія воскреснаго дня. «Въ день солнца, говоритъ онъ, мы всѣ вообще дѣлаемъ собраніе потому, что это есть первый день, въ который Богъ, измѣнивши мракъ и вещество, сотворилъ міръ, в Іисусъ Христъ, Спаситель нашъ, въ тотъ же день воскресъ изъ мертвыхъ». Первая Апологія, гл. 67.

напоминала о сотвореніи міра и промышленіи о немъ: воскресеніе напоминаетъ о совершеніи искупленія и возсозданіи человѣческаго рода чрезъ Іисуса Христа. Суббота была знакомъ завѣта Бога только съ однимъ еврейскимъ народомъ: воскресеніе Іисуса Христа утверждаетъ новый завѣтъ со всѣмъ человѣчествомъ. Суббота напоминала евреямъ объ освобожденіи отъ рабства египетскаго и объ избавленіи отъ фараона: воскресеніе напоминаетъ объ освобожденіи всего человѣческаго рода отъ силы грѣха и проклятія Божія, отъ узъ смерти и отъ власти діавола. Суббота напоминала о временныхъ благахъ: воскресеніе напоминаетъ о благахъ вѣчныхъ и жизни вѣчной. Суббота, какъ покой земной и временный, была прообразомъ покоя вѣчнаго, начало которому положено воскресеніемъ Іисуса Христа, и который предвозвѣщается празднованіемъ воскреснаго дня. Какъ тѣнь, она уступила мѣсто самой вещи, покой и радость ветхой субботы потускнѣли предъ ликованіемъ и торжествомъ свѣтоснаго воскресенія Христа. Самыя названія этого дня показываютъ, что онъ уже въ первомъ столѣтіи былъ высоко почитаемъ. Такъ, Игнатій Богоносецъ называетъ его: «день Господень», «воскресный», «царственный», «главный изъ всѣхъ дней» ¹⁾. Впрочемъ, въ первое время христіане, особенно христіане изъ іудеевъ, продолжали по обычаю и привычкѣ вмѣстѣ съ воскресеніемъ праздновать и субботу, какъ объ этомъ можно заключать изъ словъ Игнатія Богоносца въ его посланіи къ Магнезіанамъ (§ 9) и изъ 29 правила собора Лаодикійскаго.

Какъ же скоро воскресеніе заступило мѣсто субботы, такъ стало обязательнымъ для христіанъ исполнять въ этотъ день все то, что требуется четвертою заповѣдію отъ субботы. Дѣйствительно, подобно субботѣ, воскресеніе всегда почиталось днемъ покоя, днемъ благословеннымъ или радостнымъ и днемъ святымъ или посвященнымъ Богу, въ который совершалось служеніе Богу посредствомъ общецерковной молитвы и дѣлъ милосердія.

¹⁾ Посланіе къ Магнезіанамъ. § 9. Ср. 15-е правило Св. Петра Александрійскаго. *Днемъ Господнимъ* воскресеніе называется въ 64-мъ апостольскомъ правилѣ.

Воскресенье — день покоя.

Косвенное указаніе на покой, соблюдаемый въ воскресный день, мы встрѣчаемъ уже у Игнатія Богоносца, въ посланіи къ Магnezіанамъ (гл. 9). Затѣмъ присутствованіе христіанъ первенствующей Церкви въ воскресные дни при богослуженіи и на вечеряхъ любви, показываетъ, что они прекращали свои житейскія дѣла по крайней мѣрѣ въ первую половину дня. Но можно догадываться, что христіане, изъ уваженія къ воскресному дню, замѣнившему субботу, не работали и весь день. О соблюденіи покоя въ воскресный день говорится въ постановленіяхъ апостольскихъ (книга 7, глава 33; книга 8, глава 33). Первое по времени церковное правило, которымъ узаконяется обычай покоиться въ воскресенье, есть 29-е правило собора Лаодикійскаго, бывшаго въ концѣ IV-го вѣка. «Не подобаетъ, гласитъ это правило, христіанамъ іудействовать и въ субботу праздновати, но дѣлати имъ въ сей день: а день воскресный преимущественно праздновати, аще могутъ, яко христіанамъ». Здѣсь противоположеніе воскресенья, которое должно праздновать, субботѣ, въ которую должно работать, показываетъ, что празднованіе воскресенья должно состоять въ покоѣ, а слова: «аще могутъ», даютъ понять, что необходимыя, важныя и неотложныя дѣла могутъ быть исполняемы и въ воскресенье, безъ нарушенія его святости, что христіане не нуждаются въ принудительныхъ и мелочныхъ предписаніяхъ, которыми было обременено въ позднѣйшее время іудейское празднованіе субботы, что они должны дѣйствовать по совѣсти и руководствоваться нравственной свободой. Но еще раньше для христіанъ было уже обязательно посѣщеніе церковнаго богослуженія въ дни воскресныя, а слѣдовательно, обязательно и прекращеніе житейскихъ работъ. Такъ, соборъ Сардикійскій (347 г.) 11-мъ правиломъ и на основаніи опредѣленія одного изъ западныхъ соборовъ положилъ удалять отъ церковнаго общенія мірянъ, если кто-либо изъ нихъ, живя въ одномъ мѣстѣ, не придетъ въ церковь три воскресныхъ дня сряду. Это же подтвердилъ позже 6-й все-

ленскій соборъ, добавивъ, что клирики за такое опущеніе должны быть извергаемы изъ клира.

Обычай соблюдать воскресный покой, кромѣ церковныхъ правилъ, былъ утвержденъ и властію императоровъ. Святый Константинъ Великій освободилъ воиновъ-христіанъ отъ воинскихъ занятій въ воскресные дни, чтобы они могли свободнѣе приходить въ церковь къ общественному богослуженію ¹⁾. Онъ же запретилъ производить въ воскресные дни торговлю, и это позже подтверждено было закономъ императора Юстиніана. Дозволялось торговать только необходимыми для жизни предметами. Кромѣ того, Константинъ Великій и многіе послѣдующіе императоры (Θеодосій Великій, Валентиніанъ 1-й, Валентиніанъ 2-й и Левъ Философъ) запретили производить въ воскресенье судебныя дѣла, развѣ когда долгъ чело-вѣколюбія и сохраненіе общественнаго порядка не допускали отсрочки. Въ видѣ льготы, императоры Константинъ Великій и Юстиніанъ дозволили производить въ воскресные дни полевая работы, но только въ случаяхъ дѣйствительной необходимости, когда есть опасность, что плоды земные при отсрочкѣ работы могутъ пострадать отъ погоды; но императоръ Левъ Философъ закономъ запретилъ даже вовсе производить полевая работы въ воскресные дни, какъ дѣло, противное Слову Божію.

Общее возрѣніе древней Церкви, проявившееся въ церковныхъ правилахъ и гражданскихъ законахъ, въ писаніяхъ святыхъ отцовъ и въ практикѣ, состояло въ томъ, что всѣ житейскія дѣла въ воскресенье недозволительны, за исключеніемъ лишь самыхъ необходимыхъ и неотложныхъ.

Но Церковь запрещала производить въ праздники именно житейскія дѣла. А дѣла богопочтенія, благочестія и благотворенія, какъ-то: посѣщеніе храма и присутствіе при общественномъ богослуженіи, домашнюю молитву, погребеніе мертвыхъ, крестные ходы, перенесеніе мощей, всякаго рода безкорыстную помощь ближнимъ, особенно несчастнымъ, чтеніе религиозныхъ книгъ, объясненія Писанія и т. п., она не толь-

¹⁾ Жизнь Константина. Кн. 4, гл. 17 и 22.

ко не воспрещала, но или прямо и настойчиво узаконяла или, по крайней мѣрѣ, одобряла; потому что таковыми дѣлами главнымъ образомъ и освящается воскресный день. Въ такомъ здоровомъ и истинномъ, возвышенномъ и духовномъ пониманіи воскреснаго покоя Церковь руководствовалась ученіемъ Писанія и примѣромъ Своего Основателя и Главы Иисуса Христа, Который, Самъ соблюдая субботу, не возбранялъ совершать въ нее дѣла необходимыя, напр. добываніе пищи ради утоленія голода, а дѣла благотворенія и милосердія признавалъ столь же приличными субботѣ, какъ и дѣла богопочтенія, и обличалъ іудеевъ за ихъ грубый, плотскій и узкофарисейскій взглядъ на субботній покой.

Воскресенье—день духовной радости.

Церковь всегда признавала воскресенье днемъ духовной радости. Это она выразила прежде всего въ запрещеніи поститься въ воскресенье. «Аще кто изъ клира, гласить 64-е апостольское правило, усмотрѣнь будетъ постящимся въ день Господень (воскресенье), или въ субботу, кромѣ единныя токмо (великія субботы), да будетъ изверженъ. Аще же мірянинъ: да будетъ отлученъ». Гангрскій соборъ 18-мъ правиломъ анафематствуетъ постящихся въ воскресный день ради мнимаго подвижничества. Впрочемъ, соборъ разумѣетъ въ этомъ правилѣ постъ, предпринимаемый не на время и не ради подвига воздержанія, а изъ гнушенія мясомъ, или по гордости, по личному произволу, самочинный и потому еретическій. Такъ изъясняютъ это правило знаменитые толковники, напр., Зонара; да это видно и изъ дальнѣйшихъ правилъ того же собора, особенно изъ правила 21-го. Поста, соблюдаемаго въ теченіе нѣкотораго времени, по обѣту и ради дѣйствительнаго подвига, церковныя правила не возбраняютъ. Но все-таки постъ въ воскресенье допускался ею только какъ исключеніе, ради благихъ цѣлей, и притомъ на время; общимъ же правиломъ было прекращеніе поста въ воскресенье. Святой Петръ Александрійскій (жилъ во 2 половинѣ III-го вѣка и

въ началѣ IV-го вѣка) въ своемъ 15-мъ правилѣ, указавъ причину, почему должно поститься въ среду и пятницу, продолжаетъ: «воскресный же день провождаемъ, яко день радости, ради Воскреснаго въ оный». Властари всѣ эти правила объясняютъ такъ, что неумѣстно въ воскресенье предаваться печали и сѣтованію поста, а должно по преимуществу быть веселымъ и радостнымъ, ради воскресенія Господа и возстанія нашей природы отъ грѣховнаго паденія.

Кромѣ церковныхъ правилъ увѣщанія прекращать постъ въ воскресенье, или свидѣтельства объ этомъ обычаѣ мы находимъ въ сочиненіяхъ Игнатія Богоносца (посланіе къ Магnezіанамъ), Аѳанасія Великаго и у историковъ Евсевія (3, 27) и Сократа (5, 20 и 21; 7, 4).

Замѣчательно, что между тѣмъ какъ Церковь запрещала постъ въ воскресенье, многіе еретики постились въ этотъ день; таковы: Маркіониты, Монтанисты, Манихеи, Энкрати-ты, Евстафіане и Прискиллиане ¹⁾).

Взглядъ Церкви на воскресенье, какъ день радости, выражается ясно и въ тѣхъ соборныхъ правилахъ и отеческихъ свидѣтельствахъ, которыя воспрещаютъ преклонять въ воскресенье колѣна при молитвѣ, т. е., класть земные поклоны. Первый вселенскій соборъ двадцатымъ правиломъ своимъ опредѣлялъ: «Такъ какъ суть нѣкоторые преклоняющіе колѣна въ день Господень и во дни Пятидесятницы: то, дабы во всѣхъ епархіяхъ все одинаково соблюдается было, угодно святому собору, да стояще приносятъ молитвы Богу». Это правило подтвердилъ 6-й вселенскій соборъ, изрекши въ девяностомъ правилѣ: «отъ богоносныхъ отецъ нашихъ канонически предано намъ не преклоняти колѣнъ во дни воскресные, ради чести воскресенія Христова», и дальше въ томъ же правилѣ точнѣе опредѣляется, что такъ какъ ночь по субботѣ есть предтеча воскресенья, то не должно преклонять колѣнъ съ вечерняго Богослуженія наканунѣ воскресенья до вечерни воскресенья, «по входѣ въ свѣтильничное время»,

¹⁾ Елифанія — *Противъ ересей*; Августина — *Письмо 86-е*, къ Казулану; Св. Льва, папы Римскаго — *Письмо 93-е*; Созомена — *Церковная исторія*, III, 14.

такъ что съ вечерни въ субботу «всецѣлую ночь и день торжествуемъ воскресенью». Упомянутое правило 1-го вселенскаго собора ясно показываетъ, что обычай не преклонять колѣна въ воскресенье уже существовалъ раньше, но только не всѣми соблюдался, а соборъ узаконяетъ этотъ обычай и всѣхъ обязываетъ соблюдать его. Равнымъ образомъ и 6-й вселенскій соборъ воздержаніе отъ колѣно-преклоненія въ воскресные дни называетъ «принятымъ обычаемъ» и «каноническимъ преданіемъ отцовъ». О всеобщности и узаконенности этого обычая свидѣлствуютъ и слова 15-го правила св. Петра Александрійскаго: «въ сей день (воскресный) и колѣна преклоняти мы не пріяли». Что этотъ обычай шелъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, это видно изъ того, что о существованіи его мы находимъ свидѣтельство у Тертулліана ¹⁾, т. е. изъ второго вѣка. Соборныя правила не новый обычай вводили, а только точнѣе опредѣляли и узаконяли для всѣхъ обычай, издавна соблюдавшійся многими. А Василій Великій въ 91-мъ правилѣ (изъ 27-й главы книги о Св. Духѣ къ Блаженному Амфилохію) объясняетъ и причину, почему въ воскресенье и въ теченіе 50-ти дней отъ Пасхи до Троицына дня мы не преклоняемъ колѣнъ, а молимся стоя. Стояніемъ на молитвѣ, объясняетъ онъ, мы не только напоминаемъ себѣ о благодати, намъ дарованной, но дѣлаемъ это и потому, что воскресенье есть образъ будущаго вѣка: оно предъизображаетъ «день непрестающій, не вечерній, безпреемственный. не скончаемый оный и не старѣющій вѣкъ»;... «и вся пятидесятница есть напоминаніе воскресенія, ожидаемаго въ будущемъ вѣкѣ»;... «церковные уставы научаютъ насъ предпочитати въ сіи дни прямое положеніе тѣла во время молитвы, яснымъ напоминаніемъ какъ бы пресекая мысль нашу отъ настоящаго въ будущее».

По этому поводу напрашивается сравненіе древне-церковнаго времени съ нашимъ. Въ наше время православные христіане не преклоняютъ колѣнъ на молитвѣ только въ Свѣтлую седмицу. Что не должно класть земныхъ поклоновъ и

¹⁾ De corona militum. Cap. 3.

послѣ Пасхи, до того колѣнопреклоненія, которое бываетъ на вечернѣ въ Троицынъ день, что земные поклоны неумѣстны и во всѣ воскресные дни года, этого почти никто не знаетъ, и въ эти дни можно видѣть колѣнопреклоненными не только мірянъ, но даже и священнослужителей. Конечно, это дѣлаютъ по смиренію, изъ благоговѣнія, по молитвенному усердію; но вѣдь и св. Отцы 1-го вселенскаго собора очень хорошо знали, что преклоняющіе колѣна въ воскресенье, дѣлаютъ это по ревности къ молитвѣ, и однако соборъ запретилъ дѣлать это. Пусть не говорятъ, что колѣнопреклоненіе, когда-бы оно ни совершалось, не грѣшно. Вѣдь не грѣхъ заплѣтъ «Покаянія двери отверзи ми» въ свѣтлую седмицу или пасхальный канонъ великимъ постомъ, и однако это было бы крайне не своевременно, неприлично и даже безчинно. Пусть не говорятъ, что этотъ обычай не важенъ: если бы онъ былъ не важенъ, то первый вселенскій соборъ не сталъ бы узаконять его особымъ правиломъ; а новое, вторичное подтвержденіе этого правила 6-мъ вселенскимъ соборомъ прямо указываетъ на важность и обязательность этого обычая. Церковное Богослуженіе почти все состоитъ изъ символовъ, частію видимыхъ, частію слышимыхъ, которые напоминаютъ намъ о великихъ священныхъ событіяхъ, о благодѣяніяхъ Божіихъ человѣку и объ обязанностяхъ человѣка къ Богу. Символическія церковно-богослужебныя дѣйствія только тогда соотвѣтствуютъ своему назначенію, когда они совершаются въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ порядкѣ: только тогда они напоминаютъ объ ихъ великомъ внутреннемъ содержаніи, внѣшними знаками котораго они служатъ. Вотъ почему порядокъ и строй какъ каждой церковной службы, такъ и всѣхъ ихъ въ теченіе цѣлаго года опредѣленъ съ самою строгою точностію. Молитвенные поклоны суть тоже символы. Нисклоненіе головы означаетъ наше смиреніе, почтеніе и благоговѣніе предъ Богомъ; паденіе же ницъ, до самой земли, означаетъ глубину грѣховнаго паденія, заставившаго насъ пресмыкаться по землѣ и превратиться въ персть и доведшаго до ада пресподняго, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ глубокое сътованіе о грѣхѣ, покаяніе, моленіе о пощадѣ, безъ всякихъ

правъ на нее, совершенную преданность Богу. Вотъ почему земные поклоны приурочены къ постамъ, и въ особенности они обязательны въ Св. Четырдесятницу, въ первую седмицу которой воспоминается грѣхопаденіе Адама и которая вся есть время покаянное. Воскресные же дни устанавлены въ память о воскресеніи Іисуса Христа и символически означаютъ наше возстаніе отъ грѣха и паденія, свободу отъ власти діавола и напоминаютъ намъ о будущемъ воскресеніи нашего тѣла и о вѣчномъ покоѣ въ невечернемъ дни Царствія Христова. Понятно, что земные поклоны такъ же мало приличны воскресному Богослуженію, какъ плачь брачному пиру, веселье—похоронному обряду. Тѣ, которые молятся въ воскресенье колѣнопреклоненно, этимъ самымъ показываютъ, что они совершенно не знаютъ смысла праздника, и онъ теряетъ для нихъ поучительное значеніе. И такъ какъ это незнаніе свойственно не только почти всѣмъ мірянамъ, но и многимъ клирикамъ, то это нельзя не признать знакомъ, что мы соблюдаемъ, почитаемъ и освящаемъ воскресные дни гораздо меньше, нежели христіане до времени раздѣленія церквей.—Нельзя не пожелать, чтобы пастыри Церкви и сами напоминали себѣ и строже исполняли церковныя правила, о которыхъ у насъ рѣчь, и прихожанамъ своимъ разъясняли ихъ.

Воскресенье—день священный.

Само собой понятно, по воззрѣнію Церкви, воскресному дню прилична только духовная, священная, религіозная радость; такая радость не только не нарушаетъ святости этого дня, но даже есть одно изъ средствъ освященія его. Согласно такому взгляду на воскресенье какъ день духовно-радостный и священный, Церковь, а за нею и гражданское правительство, запрещали суетныя и мірскія увеселенія и повелѣвали упражняться въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ. Такъ, по 66-му правилу шестого вселенскаго собора празднованіе пасхальной седмицы должно состоять въ томъ, что «вѣрные должны во святыхъ церквахъ непрестанно упра-

жнятыся, во псалмѣхъ и пѣніихъ, и пѣсняхъ духовныхъ, радуясь и торжествуя во Христѣ, и чтенію божественныхъ Писаній внямая, и святыми тайнами наслаждаяся... Того ради отнюдь въ реченные дни да не бываетъ конское рпстаніе, или иное народное зрѣлище». Но еще гораздо раньше, въ началѣ 5-го вѣка, помѣстный Кароагенскій соборъ 72-мъ правиломъ своимъ положилъ просить христіанскихъ царей «да воспретятся представленіе позорищныхъ игръ въ день воскресный и въ прочіе свѣтлые дни христіанской вѣры: тѣмъ паче, что въ продолженіе осьми дней св. Пасхи народъ болѣе собирается на конеристалище, нежели въ церковь. Должны премѣннати опредѣленные для позорищъ дни, когда они встрѣчаются съ праздничными, и никого изъ христіанъ не должно принуждати къ симъ зрѣлищамъ». Въ особенности строго воспрещалось христіанамъ присутствовать на языческихъ увеселеніяхъ и зрѣлищахъ во дни памяти св. мучениковъ. Тѣ же соборы, 6-й вселенскій (51 и 62 правила) и Кароагенскій, и вообще, безъ различія дней, возбраняютъ христіанамъ участвовать въ театральныхъ, балетныхъ, цирковыхъ и народныхъ языческихъ увеселеніяхъ и зрѣлищахъ, какъ безнравственныхъ, соблазнительныхъ и несогласныхъ съ духомъ христіанской вѣры. Такая строгость объясняется тѣмъ, что запрещается участіе въ зрѣлищахъ именно языческихъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ языческой мѣологіи и потому уже одному—безнравственныхъ и циничныхъ. Но въ воскресные и праздничные дни соборными правилами запрещаются всякія вообще общественныя зрѣлища и присутствованіе на нихъ, хотя бы сами по себѣ они и не были безнравственны, каковы, напримѣръ, конскія рпстанія,—запрещаются частію потому, что они не согласуются съ священною важностію и святостію этихъ дней, частію потому, что они отвлекаютъ христіанъ отъ церковнаго богослуженія. Въ 9-мъ вѣкѣ патріархами константинопольскими Никифоромъ и Фотіемъ на Востокъ и папою Николаемъ 1-мъ на Западѣ опять были изданы правила, которыми запрещались зрѣлища въ воскресные дни и въ великій постъ.

Согласно съ Церковію дѣйствовали въ этомъ отношеніи и

византійскіе императоры. Такъ, Θεодосій I запретилъ даже и язычникамъ устраивать въ воскресные дни театральныя представленія, поединки, конскія скачки въ амфитеатрахъ и ловлю звѣрей. Позднѣе это подтвердили императоры: Валентиніанъ II, Аркадій, Левъ Филосовъ. А Θεодосій Младшій распространилъ дѣйствіе этого закона еще и на годовые праздники: Рождество Христово, Богоявленіе, Пасху. И законы эти исполнялись довольно строго. Въ Византіи императорскіе театры и цирки существовали постоянно, до самаго взятія ея турками, но представленія въ нихъ не допускались ни въ воскресные дни, ни въ великіе праздники.

Но воздержаніе отъ удовольствій, доставляемыхъ общественными зрѣлищами, и закрытіе этихъ послѣднихъ въ дни воскресные и въ великіе праздники было только отрицательной стороною освященія или празднованія этихъ дней; положительная сторона освященія ихъ состояла въ совершеніи дѣлъ благочестія и христіанской нравственности.

Сами апостолы освящали воскресный день общественной молитвой. Апостоль Павелъ увѣщевалъ совершать въ этотъ день дѣла благотворенія. Іустинъ мученикъ въ Первой Апологіи ¹⁾, написанной около половины второго вѣка, говоритъ, что въ день солнца, т. е. воскресный, всѣ христіане, за исключеніемъ тѣхъ, которые почему-либо не могли придти, приходили въ общее собраніе. и здѣсь были читаемы Писанія апостоловъ и пророковъ, которыя затѣмъ предстоятель разъяснял и увѣщевалъ слѣдовать имъ, потомъ всѣ вставали и молились, послѣ молитвы предстоятель благословлялъ хлѣбъ и вино, и всѣ причащались, и даже отсутствующимъ дары посылались чрезъ діаконовъ. Такимъ образомъ, уже во второмъ вѣкѣ въ воскресные дни была совершаема литургія, къ которой обязаны были приходять всѣ вѣрующіе, и всѣ же они причащались въ этотъ день. Впослѣдствіи долгъ христіанъ присутствовать въ воскресные и праздничные дни при общественномъ богослуженіи былъ узаконенъ церковными правилами и императорскими указами. Константинъ Великій

¹⁾ Глава 67.

старался и язычниковъ приучить почитать воскресный день славословіемъ Богу и молитвой. По его приказу, господа должны были напоминать своимъ рабамъ-язычникамъ, что они обязаны чтить и славословить Творца, особенно въ воскресенье. Для своихъ воиновъ изъ язычниковъ онъ самъ составилъ молитву, въ которой имени Христа не упоминалось, но посредствомъ которой они должны были въ воскресенье воздавать славу истинному Богу. Законъ императора Феодосія прямо предписываетъ христіанамъ приходить въ воскресенье въ церковь къ богослуженію. Обязанность христіанъ посѣщать въ воскресенье церковное богослуженіе признавалась до того настоятельной, что 6-ой вселенскій соборъ 80-мъ правиломъ постановилъ—клириковъ извергать изъ клира, а мірянъ отлучать отъ общенія, если они, находясь безотлучно въ своемъ мѣстѣ, безъ уважительной причины, не придутъ къ церковной службѣ три воскресенья подъ рядъ. Такими же дѣлами богопочтенія и благочестія должна быть освящаема и свѣтлая седмица, по 66-му правилу того же вселенскаго собора. 19-е правило 7-го вселенскаго собора повелѣваетъ предстоятелямъ церкви всегда учить клиръ и народъ словамъ благочестія, но *въ особенности во дни воскресные*, конечно, потому, что тогда бываетъ въ церкви особенно многолюдное собраніе вѣрующихъ, и притомъ всѣ свободны отъ житейскихъ дѣлъ.

На обычай освящать воскресный день дѣлами милосердія и челоуѣколюбія мы находимъ намекъ въ 1-й Апологіи Іустина мученика ¹⁾, но онъ нашелъ санкцію и въ гражданскомъ законѣ: законъ императора Гонорія вмѣняетъ въ обязанность епископамъ и свѣтскимъ судьямъ каждое воскресенье навѣщать темничныхъ узниковъ и наблюдать, чтобы темничная стража обращалась съ заключенными челоуѣколюбиво ²⁾. За нарушеніе важнѣйшихъ церковныхъ правилъ касательно

1) Глава 67.

2) По древнему обычаю, московскіе цари въ первый день Пасхи между утреней и обѣдной ходили въ городскую темницу и, сказавъ преступникамъ: «Христосъ воскресъ и для васъ», дарили каждаго изъ нихъ повою шубой и, сверхъ того, прислали имъ на розговѣнье съѣстные припасы.

празднованія воскреснаго дня полагалось церковное наказаніе, какъ показываетъ 66-е правило шестого вселенскаго собора; а нарушеніе гражданскихъ законовъ каралось штрафомъ.

Эти обычаи и законы, церковные и гражданскіе, касательно празднованія воскреснаго дня и равныхъ съ нимъ годовыхъ праздниковъ, существовавшіе въ церкви съ самыхъ древнихъ временъ, перешли и къ народамъ; вполнѣдствіи принявшимъ христіанство. Въ частности и Россія приняла ихъ вмѣстѣ съ христіанскою вѣрой изъ Византіи. Затѣмъ въ разные вѣка и въ разныхъ странахъ они видоизмѣнялись, подвергались то дополненіямъ, то ограниченіямъ, ихъ соблюдали то строже, то слабѣе; иное забывалось, выходило изъ употребленія, другое вновь возникало, какъ въ законахъ, такъ и въ практикѣ, касательно праздниковъ и ихъ освященія. Видоизмѣненія—теоретическія и практическія—въ празднованіи происходили отъ духа времени, характера народа, взглядовъ законодателей и правителей, отъ строя и духа вѣроисповѣданія и т. под.

Прежде всего, есть довольно большое различіе въ количествѣ празднуемыхъ въ году дней. Такъ, протестанты, реформаты и протестантскія секты празднуютъ почти только одни воскресные дни: праздниковъ въ честь святыхъ, Богородничныхъ и нѣкоторыхъ Господскихъ праздниковъ они не признаютъ. Почти нѣтъ у нихъ и постовъ. Въ католической Церкви Господскіе и Богородичные праздники почти тѣ же, что и у насъ. Кромѣ того, въ католической церкви есть праздники своихъ святыхъ, не признаваемыхъ православною церковію, какъ и въ Восточной Церкви есть праздники, исключительно принадлежащіе ей одной; точно также въ католической церкви есть свои праздники въ честь разныхъ иконъ Богоматери, а въ православной Церкви есть свои, подобные же, праздники. Въ армяно-григоріанской Церкви не всѣ праздники совпадаютъ съ нашими: нѣкоторыхъ нашихъ праздниковъ она не имѣетъ, но за то имѣетъ такіе праздники, которыхъ нѣтъ въ православной Церкви. Постовъ у армянъ больше, нежели у насъ: каждый годовой праздникъ у нихъ предваряется постомъ; но за то ихъ посты короче нашихъ.

Всѣ эти особенности заключаются въ самомъ уставѣ упомянутыхъ вѣроисповѣданій, это — особенности, такъ сказать, узаконенныя. Однѣ изъ нихъ вытекаютъ изъ основныхъ началъ вѣроисповѣданія: другія особенности сначала вошли въ обычай, укоренились въ народѣ и постепенно, силой народнаго вліянія, перешли въ церковный уставъ.

Еще болѣе особенностей въ практикѣ празднованія воскресныхъ и праздничныхъ дней у разныхъ христіанскихъ народовъ. Въ настоящее время воскресный день особенно строго празднуется въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Въ Англіи строгость въ освященіи воскреснаго дня введена была пуританами, вошла постепенно въ обычай и поддерживается до настоящаго времени, частію, какъ укоренившійся обычай, силой привычки и общественнаго мнѣнія, частію законами, изданными въ духѣ пуританства.

Строгость, съ какою празднуется воскресный день въ Англіи, перешла и въ Сѣверо-Американскіе Штаты, которые сначала были англійскою колоніей, населенной выходцами изъ Англіи. Какъ здѣсь празднуется воскресный день, видно изъ слѣдующаго примѣра. Коммиссія по устройству всемірной выставки въ Филадельфіи въ 1876 году съ самаго начала постановила закрывать выставку по воскреснымъ днямъ. Нѣкоторые изъ жителей Филадельфіи по своекорыстнымъ видамъ возбудили агитацію противъ такого рѣшенія и требовали его отмѣны. Такъ какъ выставка была дѣломъ не одной Филадельфіи, а всѣхъ Штатовъ, то этотъ вопросъ сдѣлался предметомъ обсужденія во всемъ государствѣ, при чемъ общественное мнѣніе столь рѣшительно высказалось за неприкосновенность святости покоя воскреснаго дня, что коммиссія выставки утвердила свое постановленіе большинствомъ 30 голосовъ противъ 9 и привела его въ исполненіе. Въ числѣ членовъ коммиссіи могли быть евреи, невѣрующіе, или особенно заинтересованные въ томъ, чтобы выставка была открываема и по воскресеньямъ. Таковымъ, вѣроятно, и принадлежали эти 9 голосовъ, которые во всякомъ случаѣ составляли меньше четверти всѣхъ голосовъ. Не забудемъ, что въ выставкѣ заинтересованы были не одни Штаты, но и эк-

споненты изъ другихъ странъ, которые могли быть недовольны такимъ строгимъ рѣшеніемъ и давленіемъ на общественное мнѣніе могли увеличить число отрицательныхъ голосовъ. Не смотря на все это, здравый практическій смыслъ американцевъ, сила установившагося обычая, а отчасти и религиозность и уваженіе къ святости воскреснаго дня взяли верхъ.

Но въ особенности воскресный день строго соблюдается въ самой Великобританіи. На нее можно сослаться въ полемикѣ противъ всѣхъ тѣхъ, которые покушенія на неприкосновенность праздничнаго покоя оправдываютъ важными будто бы требованіями личнаго и народнаго благосостоянія и государственной экономіи. Она служитъ живымъ укоромъ и безпощаднымъ обличителемъ всѣхъ подобныхъ экономистовъ. Въ Англіи не только тяжелыя, но и всѣ вообще работы въ воскресенье прекращаются, за исключеніемъ совершенно необходимыхъ, въ родѣ приготовленія пищи: не говоря о судебныхъ и административныхъ мѣстахъ, учебныхъ заведеніяхъ, банкахъ и конторахъ, всѣ театры, концертныя залы и другія зрѣлищныя мѣста закрыты на весь день; болѣе шести седьмыхъ лавокъ заперты; ѣзда въ экипажахъ, омнибусахъ и на желѣзныхъ дорогахъ сокращается вчетверо; на заводахъ и фабрикахъ производство или прекращается, или совершается въ возможно малыхъ размѣрахъ; всѣ мастерскія пусты; въ Лондонѣ не бываетъ ни разноски, ни приема писемъ, въ другихъ мѣстахъ почтовая дѣятельность ограничена двумя-тремя часами. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого многолюдства, шума движенія, жизнь такъ не кипитъ, какъ въ Лондонѣ въ будничный день, а въ воскресенье въ этомъ всемірномъ рынкѣ—тишина, онъ будто заснулъ.

Какіе же результаты? Находятся ли тамъ въ упадкѣ промышленность, торговля, наука, финансы, какъ было бы можно ожидать? Гдѣ фабричная, заводская и ремесленная промышленность достигла образцоваго совершенства? Въ Англіи. Какое государство первенствуетъ въ Европѣ въ дѣлѣ изобрѣтенія и производства машинъ, въ судостроеніи, въ устройствѣ путей сообщенія и мореходствѣ? Англія. Какая страна ведетъ всемірную, въ полномъ смыслѣ слова, торговлю? Англія.

Куда стекаются богатства со всѣхъ концовъ земли? въ Англiю. Гдѣ образованность и науки, и въ частности политическая экономiя и всѣ практическiя отрасли знанiя, стоятъ на высокой ступени развитiя? Опять-таки въ Англiи.

Конечно, все это достигнуто не однимъ только строгимъ соблюденiемъ воскреснаго покоя и вообще христiанскимъ провозженiемъ воскреснаго дня; тутъ дѣйствовали и дѣйствуютъ и многiя другiя причины; но, несомнѣнно, одна изъ нихъ, и притомъ наиболѣе важная, есть именно строгое почитанiе воскреснаго дня. Иначе, какъ мы объяснимъ то замѣчательное совпаденiе, что во всѣхъ странахъ, гдѣ воскресный покой соблюдается строго, промышленность и торговля процвѣтаютъ, народъ благоденствуетъ, какъ это мы видимъ, кромѣ Англiи, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, въ Швейцарiи, Данiи, Швеции и Норвегiи и отчасти въ Германiи. Всего строже воскресенье освящается въ Англiи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и именно эти-то двѣ страны суть самыя промышленныя, торговыя и богатыя. Въ этомъ фактѣ одинъ мыслитель видитъ даже проявленiе закона, оправданнаго исторiей, того закона, что народы, у которыхъ воскресный день строго соблюдается, благоденствуютъ, а народы, не воздающiе ему должнаго, падаютъ. Это мнѣнiе подтверждается тѣмъ, что англичане, — народъ трудолюбивый и дѣятельный до крайней степени, въ высшей степени практической, поставившiй своимъ девизомъ поговорку «время—деньги, знанiе—богатство», не считаютъ воскресный покой временемъ потеряннымъ и не ставятъ его въ рядъ причинъ упадка промышленности, застоя въ торговлѣ, бѣдности народа и экономической неурядицы. Думаемъ, что не по религiознымъ только побужденiямъ они строго соблюдаютъ воскресный покой, но поступать такъ имъ внушаютъ и практическiй тактъ, и житейская опытность. Они отлично сознаютъ, что работа въ воскресенье именно и была бы дѣломъ нерасчетливымъ, убыточнымъ. Какъ это ни странно, но у нихъ строгое соблюденiе воскреснаго покоя является потребностiю ихъ дѣятельной натуры. Дѣйствительно, чѣмъ усерднѣе кто трудится въ теченiе шести дней, тѣмъ прiятнѣе, полезнѣе и нужнѣе для него воскресный покой, тѣмъ

вѣрнѣе онъ оцѣниваетъ его великое значеніе и тѣмъ тщательнѣе соблюдаетъ его. Напротивъ, кто трудится въ будничные дни не настойчиво, безпорядочно, лѣнливо, тому воскресный отдыхъ не столь пріятенъ и полезенъ, не такъ дорогъ и необходимъ; для него почти все равно работать или не работать въ праздникъ. А которые ничего не дѣлаютъ, или дѣлаютъ только отъ скуки, для препровожденія времени, тѣ даже не могутъ понять, зачѣмъ нужно отдыхать въ праздники; нерѣдко въ праздники они работаютъ, а въ будни ничего не дѣлаютъ. Могутъ ли таковые оцѣнить значеніе отдыха въ праздники, когда они не устаютъ въ будни, когда имъ приходится отдыхать не отъ работы, а отъ развлеченій и гложущей ихъ скуки. Теперь понятно, почему англичане, у которыхъ въ продолженіи шести рабочихъ дней каждый часъ на счету и ни одна минута не пропадаетъ даромъ, почему они соблюдаютъ воскресный покой такъ строго, что инымъ это кажется ханжествомъ, или напоминаетъ жидовско-талмудическую скрупулезность въ исполненіи субботы. Нѣтъ, это есть естественный результатъ ихъ кипучей дѣятельности, ихъ настойчивости и регулярности въ работѣ, ихъ практическаго смысла и такта, ихъ экономической мудрости. А паградой имъ за это служатъ образцовые успѣхи въ наукахъ, изобрѣтеніяхъ, промышленности, торговлѣ, и богатства. Въ высшей степени замѣчательно то, что и у насъ въ Россіи всего строже соблюдаетъ воскресный покой самый трудовой классъ населенія—наши мужички: ихъ лѣтнія работы такъ тяжелы, что они не могутъ не отдыхать въ праздники, и праздничный покой нисколько не препятствуетъ имъ въ теченіе лѣта сдѣлать такъ много, что производимымъ ими хлѣбомъ кормится не только вся Россія, но и половина западной Европы.

Но матеріальныя выгоды, достигаемыя соблюденіемъ воскреснаго дня, далеко не могутъ сравняться съ той нравственной пользой, которую можно извлечь изъ воскреснаго покоя. Занятый шесть дней, шесть дней принадлежа другимъ, трудящійся человекъ только въ воскресенье беспрепятственно можетъ принадлежать самъ себѣ, служить Богу, дышать вольно, жить сердцемъ, проявить человѣчныя, а не казенныя, не

должностныя отношенія къ людямъ. Какое освѣженіе духа и бодрость тѣла, какое нравственное отдохновеніе, какую сердечную радость и благодушіе можетъ извлечь человѣкъ изъ такого состоянія! Какой запасъ силъ и энергіи можетъ онъ пріобрѣсть въ такомъ благотворномъ отдыхѣ для послѣдующаго шестидневнаго труда! Какъ необходимы такіе перерывы машинно-трудоу жизни и официально должностныхъ отношеній для роста внутренняго человѣка, для жизни души, для успокоенія сердца, для здоровья тѣла, для нравственно-интеллектуальнаго подъема и облагороженія! Чувство полной свободы въ теченіе сутокъ отъ всѣхъ дѣловыхъ отношеній, непріятностей и трудовъ, питая въ человѣкѣ самоуваженіе и сознаніе своего достоинства, доставляетъ въ то же время облегченіе отъ житейскаго гнета, извѣстнаго рода счастье. Уже одно присутствіе рабочаго человѣка среди семьи въ теченіе цѣлыхъ сутокъ доставляетъ утѣшеніе и ему, и семьѣ его.

Не слѣдуетъ забывать, что низшіе классы, т. е. три четверти всего населенія, только въ праздники имѣютъ время воспринимать религіозныя и нравственныя понятія, питаются духовной пищей, подѣль тѣмъ условіемъ, конечно, если въ праздники они свободны отъ работы. Только въ праздники они имѣютъ возможность присутствовать при церковной службѣ, слушать проповѣдь, бесѣду, или публичное чтеніе, читать или слушать чтеніе хорошей книги дома. Для этихъ трехъ четвертей народа церковь есть лучшая, всегдашняя и почти единственная школа, въ которой учатся взрослые и дѣти, мужчины и женщины, грамотные и безграмотные, которая воспитываетъ уваженіе къ порядку и приличію, питаетъ и возвращаетъ религіозность, вѣдряетъ нравственность, пробуждаетъ духовныя интересы. Какія же коммерческія выгоды отъ воскресной работы, если бы даже онѣ не были мнимыми, могутъ вознаградить тѣ духовныя сокровища, которыя народъ въ праздники черпаетъ въ храмахъ Божіихъ?

Какимъ образомъ можно дать нравственное воспитаніе народу, когда налагаемое на него иго работы въ праздники отторгаетъ его отъ посѣщенія храма Божія и лишаетъ радостей и благораживающаго вліянія семейнаго очага? Работа

отвлекаетъ человѣка отъ пороковъ, но она, сама по себѣ, не рождаетъ набожности, если ея нѣтъ, и не усиливаетъ ея, если она есть, не возвращаетъ чувства любви и человѣчности. И трудолюбивый можетъ быть, какъ и бываетъ иногда, безбожнымъ, жестокимъ, безсердечнымъ, жесткимъ и эгоистичнымъ. Односторонній же трудъ, — а таковымъ онъ бываетъ почти всегда, — неизбѣжно иссушаетъ и суживаетъ жизнь сердца, если человѣкъ производитъ его непрерывно. Безспорно, трудъ какъ бы прикрываетъ отъ расхищенія сокровища ума, сердца и нравственной воли и даетъ силы и средства приращать ихъ, но только въ томъ случаѣ, если начала ихъ заложены въ душу, и если человѣкъ праздничный досугъ отъ житейскихъ дѣлъ употребляетъ на питаніе самой души тѣмъ духовнымъ хлѣбомъ, о которомъ сказано: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ, но и о всякомъ глаголю, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. 4, 4). Кто же осмѣлится оспаривать ту истину, что огромное большинство населенія только въ праздники и можетъ питаться этимъ небеснымъ хлѣбомъ, и то подъ условіемъ полной свободы отъ житейской работы? Если же значительная часть народа не питается этимъ хлѣбомъ въ праздники, не смотря на свободу отъ труда, и проводитъ праздники не лучше, а даже хуже, чѣмъ будничные дни, то причины этого заключаются частію въ человѣческой слабости, которую во всякомъ случаѣ не исцѣлишь праздничной работой, частію въ небрежности, лѣности и неспособности духовныхъ воспитателей и просвѣтителей народа, подъ которыми мы разумѣемъ не однихъ только пастырей Церкви, а все вообще образованное общество, частію, наконецъ, въ укоренившихся среди народа языческихъ обычаяхъ, въ несовершенствѣ законовъ и въ отсутствіи надзора за ихъ соблюденіемъ, въ характерѣ и нравахъ народа, и въ разныхъ недостаткахъ общественнаго строя. Дурныя, какъ и хорошія, стороны въ характерѣ народа, его нравахъ, воззрѣніяхъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, общественномъ и государственномъ строѣ, укореняются и развиваются вѣками; а потому и искоренять ихъ или даже ослабить нельзя однимъ почеркомъ пера, ни даже мудрой реформой: для этого требуются долговременныя и настойчивыя усилія лучшей части общества и правительства.

Однако не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что изданіе хорошихъ законовъ о воскресномъ днѣ, дѣятельный надзоръ за ихъ исполненіемъ и другія цѣлесообразныя мѣропріятія правительства, проводимыя съ постоянствомъ и твердостью, постепенно привьютъ всему Русскому народу уваженіе къ воскресному дню, достойное его святости. Усилія правительства въ этомъ направленіи всегда найдутъ поддержку въ просвѣтительной дѣятельности архипастырей и пастырей Церкви и ученыхъ богослововъ. Можно надѣяться также, что усилившееся въ наши дни на Западѣ движеніе въ пользу воскреснаго покоя возбудитъ и нашихъ свѣтскихъ ученыхъ и публицистовъ, и наши врачи, экономисты, юристы и журналисты научно разработаютъ вопросъ о покоѣ воскреснаго дня и выскажутъ о немъ добросовѣстное и безпристрастное сужденіе. Вопросъ о должномъ почитаніи дней воскресныхъ и праздничныхъ въ настоящее время выдвинуть самую жизнь, и потому онъ не можетъ и не долженъ быть замолчанъ или обойденъ. Если когда, такъ именно теперь всесторонняя разработка его и правильное рѣшеніе необходимы и принесутъ обильные плоды. Теперь народъ охотнѣе, чѣмъ когда-нибудь, приметъ правила и наставленія касательно истинно-христіанскаго празднованія священныхъ дней нашей вѣры. Въ другое время и большія усилія не увѣнчаются такимъ успѣхомъ, какъ теперь; да труднѣе будетъ и возбудить самыя усилія; когда иное время поставитъ на очередь иныя задачи. Поэтому не нужно упускать благопріятнаго случая, а воспользоваться духомъ и потребностями настоящаго времени для плодотворнаго разрѣшенія жизненной задачи о воскресномъ днѣ. Потомство будетъ собирать плоды этой работы и скажетъ спасибо своимъ предкамъ. Если мы въ дѣлѣ празднованія воскреснаго дня поставимъ своею задачей по возможности догнать христіанъ Запада, то послѣдующимъ нашимъ поколѣніямъ будетъ не трудно сравняться съ ними.

А. Блжлевъ.

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ

и

ЕГО ШКОЛЫ (ПЕРИПАТЕТИЧЕСКОЙ) О БОГѢ.

(Продолженіе *)

дд) Все существующее по возможности представляет собою непрерывный процесс быванія или движенія, то есть происхожденія и уничтоженія, слѣдовательно является измѣняющимся: раждающимся изъ чего-либо или отъ чего-либо, возрастающимъ, цвѣтущимъ, затѣмъ старѣющимъ и наконецъ умирающимъ, истлѣвающимъ, уничтожающимся, чтобы предоставить право на такой же процессъ другому подобному себѣ измѣняющемуся бытію, и т. д. Такой измѣняемости не должно быть въ Богѣ, природа или существо Котораго есть совершеннѣйшее и неуничтожаемое (—*κρείττων καὶ ἄφθαρτος φύσις, ἣτις ἐστὶ θεός*)¹⁾, вѣчное, есть мысль, умъ, духъ. «Самое Божественное и самое почетное мыслить и не измѣняется (*τὸ θεϊότατον καὶ τιμώτατον νοεῖ, καὶ οὐ μεταβάλλει*), — говоритъ Аристотель:—ибо измѣненіе его было бы къ худшему; и таково же было бы движеніе его»²⁾. Поэтому-то оно и неподвижно, т. е. не подвержено измѣненіямъ, какого бы то ни было рода, неизмѣняемо. Богъ есть первое Движущее неподвижное»³⁾. «По-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1890 г., № 16.

1) *Aristotelis*, opp. t. V, fragm. 13, pas. 1476 ed. Berlin. 1870.

2) *Metaph.* XI, 9.

3) *Ibid.* VIII, 6; *Phys.* VIII, 6 et. al.

елику движеніе должно быть всегда и не должно прерываться: то необходимо быть чему-либо, что было бы первымъ движущимъ, будетъ ли это одно или будетъ ихъ много, и необходимо, чтобы это первое движущее было неподвижно (*ἀκίνητον*). Что каждое изъ неподвижныхъ движущихъ въ такомъ случаѣ вѣчно, это еще ничего не значить при настоящемъ соображеніи; но что необходимо, чтобы было нѣчто само въ себѣ неподвижное и свободное отъ всякаго внѣшняго измѣненія (*μεταβολῆς*), и вообще, и во всѣхъ случаяхъ, а между тѣмъ было способное къ произведенію движенія въ другомъ, это очевидно будетъ для разсматривающихъ такимъ образомъ дѣло. Пусть будетъ, если кому угодно, въ отношеніи къ чему бы то ни было возможному такъ, что оно существовало когда-либо и не существовало безъ происхожденія и уничтоженія (*ἀνευ γενέσεως καὶ φθορᾶς*). Положимъ, необходимо, чтобы что-либо не имѣющее частей то было, а то не было, какъ таковое, безъ измѣненія того, чтобы то быть, а то не быть таковымъ; пусть предположено будетъ и то, что изъ началъ неподвижныхъ, однако же способныхъ къ движенію, нѣкоторыя то были бы, а то не были; но не возможно, чтобы всѣ она были таковы: поелику очевидно, что есть какая-либо причина того, почему самодвижущія то существуютъ, а то не существуютъ. Все само себя движущее необходимо имѣетъ величину, если ничто, не имѣющее частей, не движется; а движущему изъ числа тѣхъ, о которыхъ сказано, нѣтъ никакой необходимости въ величинѣ. Для происхожденія и уничтоженія, и при томъ постояннаго, нѣтъ никакой причины, въ числѣ тѣхъ неподвижныхъ, которыя однако не всегда существуютъ; равнымъ образомъ опять и въ числѣ тѣхъ, которыя всегда двигаютъ что-либо, съ тѣмъ чтобы это послѣднее двигало другое. Ибо всегдашняго и постояннаго (*τοῦ γὰρ αἰεὶ καὶ συνεχοῦς*) ни каждое изъ нихъ не является причиною, ни всѣ они вмѣстѣ, такъ какъ для сего нужно обладать вѣчностію и необходимостію (*τὸ μὲν γὰρ οὕτως ἔχειν αἰδίων καὶ ἐξ ἀνάγκης*); всѣ же они безпредѣльны (по числу); но не всѣ вмѣстѣ -- сущи (*ὄντα*). Итакъ ясно, что еслибъ было даже и безчисленное количество началъ неподвижныхъ,

но движущихъ, и многія изъ самодвижущихъ уничтожались бы, а другія появлялись (происходили), и одно, будучи неподвижно, двигало бы одно, а иное—другое: тѣмъ не менѣе есть нѣчто такое, что объемлетъ все, и при томъ помимо каждаго въ отдѣльности, и это нѣчто служитъ причиною бытія и не-бытія того или другого, равно какъ и причиною постоянного измѣненія (*καὶ τῆς συνεχοῦς μεταβολῆς*); и Оно для этихъ, какъ эти для другихъ, служитъ причиною движенія¹⁾. И если о ближайшихъ къ первому неподвижному Двигателю движимыхъ и движущихъ—небесныхъ тѣлахъ²⁾, Аристотель говоритъ, что «время не старитъ ихъ и ни на одно изъ нихъ не простирается никакое измѣненіе (*οὐδεμία μεταβολή*), но они остаются неизмѣнными (*ἀναλλοίωτα*) и безстрастными (*ἀπαθῆ*), имѣя совершеннѣйшую жизнь и самодовольнѣйшую, и такъ проводятъ весь вѣкъ («всю вѣчность»)³⁾: то тѣмъ болѣе это, съ его точки зрѣнія, приложимо къ самому неподвижному первому Двигателю: «Божественное,—говоритъ онъ далѣе,—необходимо должно быть неизмѣняемо» (*τὸ θεῖον ἀμετάβλητον ἀναγκαῖον εἶναι*), а особенно «первое и верховнѣйшее» (*τὸ πρῶτον καὶ ἀχρότατον*)⁴⁾.

е) Богъ, какъ существо абсолютно совершенное, уже потому самому есть и неограниченное, безпредѣльное; ибо, если бы Онъ испытывалъ какія-либо со стороны чего-либо или кого-либо ограниченія, въ отношеніи, на примѣръ, къ качеству, количеству, пространству, времени и т. д., то это уже было бы Его несовершенствомъ, недостаткомъ, подобно тому, какъ это является недостаткомъ бытія конечнаго. Однимъ изъ свойствъ Божіихъ, вытекающихъ отсюда, является *вездѣсущіе* Божіе или вездѣприсутствіе. Какъ чистѣйшій духъ, Богъ долженъ быть представляемъ не иначе, какъ вездѣсущимъ, для того чтобы всюду разливать жизнь, которою Онъ обладаетъ

1) Phys. VIII, 6.

2) Какъ увидимъ далѣе, Аристотель, вмѣстѣ съ другими мыслителями древности, небесныя тѣла (свѣтила) считалъ богами и потому-то приписываетъ имъ ниже указываемыя свойства.

3) Ibid. sub. fine. Срав. также *ἀπαθές καὶ ἀναλλοίωτον* въ Метаф. XI (XII), 7.

4) De coelo, I, 9.

самъ въ совершенствѣ, чтобы всюду вводить и поддерживать порядокъ, и т. д. И Аристотель ясно сознавалъ необходимость признанія этого свойства Божія. Мы помнимъ, какъ онъ выражается, что первое Движущее все «объемлетъ» (περιέχει) ¹⁾; что Его «жизнь», какъ жизнь «ума» или духа, есть чистая «дѣятельность» (ἡ γὰρ τοῦ ἐνέργεια ζωή) ²⁾; что «боги живутъ и дѣйствуютъ» (τοὺς θεοὺς ζῆν καὶ ἐνεργεῖν) ³⁾ и под. Но въ то же время онъ, какъ глубокий мыслитель, не могъ не видѣть и всей скользкости пути, на которомъ долженъ былъ стоять философъ, если бы онъ вздумалъ понимать и изъяснять это свойство слишкомъ наглядно, такъ сказать, пространственно; ибо въ такомъ случаѣ легко было бы низвести Божество по Его сущности на степень хотя и тонкой (напр. эфирной), но все же матеріи; а Божество не матеріально; или же—устранить Его трансцендентность; а Оно есть χωριστὴ ἀρχή ⁴⁾, и т. п. Поэтому онъ, съ одной стороны, неохотно допускалъ въ число предикатовъ Божества понятіе безпредѣльности (ἄπειρον), больше употребляя это выраженіе о времени и числѣ, нежели о пространствѣ ⁵⁾, больше о причинахъ конечныхъ, нежели о безконечной и абсолютной Первопричинѣ всего сущаго ⁶⁾; а съ другой,—старался, по возможности, и въ разившемся до его времени религіозно-философскомъ міросозерцаніи устранить все, что указывало на пространственное присутствіе Божества во всемъ мірѣ и дѣйствіе Его на послѣдній во всѣхъ точкахъ, во всѣхъ мѣстахъ вселенной, хотя и не могъ, повторяемъ, совсѣмъ отрѣшиться отъ этого міросозерцанія, связаннаго съ исконнымъ представленіемъ о Богѣ, какъ дѣятельномъ и при томъ личномъ Существовѣ, способномъ входить въ личныя же религіозныя отношенія къ че-

¹⁾ Phys. VII, 6.

²⁾ Metaph. XI, (XII), 7.

³⁾ Eth. Nicom. X, 8.

⁴⁾ Метаф. X, 7.

⁵⁾ См. для сего напр. его выраженіе: ἄπειρον αἰῶνα fr. 40 opp. t. V. ed. cit; также Phys. III, 7; Metaph. X, 10; Phys. III, 1; VIII, 8; De coelo I, 5 et al.

⁶⁾ См. De gener. et corrupt. II, 11, De animal. gener. II, 6; Phys. VIII, 5; III, 4; V, 2; Metaph. X, 12; I, 2. 5. 8; fragm. 202 et. al.

ловѣку. Примѣръ этого можно видѣть изъ вышеприведеннаго отрывка Аристотелева объясненія имени Божіихъ ¹⁾. Равно также въ своемъ сочиненіи «О душѣ» Аристотель говоритъ по поводу извѣстнаго выраженія древнихъ: «все полно боговъ», слѣдующее: «и во всемъ мірѣ, говорятъ нѣкоторые, разлита она (душа), почему, быть можетъ, и Фалесъ думалъ, что все полно боговъ (πάντα πλήρη θεῶν εἶναι) ²⁾. Но это мнѣніе возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія; ибо по какой причинѣ, напримѣръ, въ воздухѣ или въ огнѣ находясь, душа не производитъ живыхъ существъ, а въ составныхъ производитъ, особенно же если она въ нихъ кажется высшею? можетъ спросить кто-либо, и по какой причинѣ находящаяся въ воздухѣ душа превосходнѣе и бессмертнѣе души, находящейся въ животныхъ?» и т. д. ³⁾. Въ послѣднемъ недоумѣніи указывается на очень распространенную въ древней Греціи мысль о божественномъ достоинствѣ небесныхъ свѣтилъ. Эта мысль правилась и самому Аристотелю ⁴⁾, какъ наиболѣе согласная съ его собственными космологическими воззрѣніями. Къ этой-то мысли онъ и приурочиваетъ понятіе о вездѣсущи Божіемъ, примиряя такимъ образомъ свое философское міровоззрѣніе съ народнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ и сохраняя, хотя и безъ особенно строгой послѣдовательности въ отношеніи къ основнымъ пунктамъ своей философской системы, первое безъ нарушенія второго. Какъ истинная религія представляетъ небо особеннымъ мѣстомъ присутствія Божія, престоломъ славы Божіей (Псал. 112, 4. 5; 122, 1; Неем, 9, 6; Марк. 16, 19 и др.), уча насъ молиться: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ* (ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς, Матѣ. 6, 9; Лук. 11, 2); такъ и Аристотель, опираясь на религіозное воззрѣніе своего народа, говорилъ: «мы привыкли крайнюю и возвышающую»

1) De mundo, cap. 7.

2) Срав. слова нашей молитвы Св. Духу: ὁ πανταχοῦ παρῶν καὶ τὰ πάντα πληρῶν—*иже вездѣ сый и вся исполняй*.

3) De anima, I, 5.

4) См. для сего кромѣ ниже приводимаго, *Aristot. opp. t. V, fragm. 17 et 19, pag. 1477 ed. cit.*

ся надъ нами часть пространства называть небомъ (οὐρανόν) и утверждаемъ, что на немъ все Божественное основало свое мѣстопробываніе» (τὸ θεῖον πᾶν ἰδρῶσθαι) ¹⁾; или еще прямѣе: «небо и верхнее пространство древніе отдѣляли богамъ (τοῖς θεοῖς ἀπένευμα), такъ какъ одно оно только бессмертно» ²⁾. Частнѣе Аристотель представлялъ это, опять опираясь на то же воззрѣніе, слѣдующимъ образомъ: «пять стихій шарообразно расположенныхъ въ пяти пространствахъ, при чемъ меньшія всегда объемлются бѣльшими, находясь внутри шара сихъ послѣднихъ (какъ, напримѣръ, земля въ водѣ, вода въ воздухѣ, воздухъ въ огнѣ, а огонь въ эфирѣ), составляютъ весь міръ и все верхнее пространство предоставляютъ въ жилище богамъ (θεῶν οἰκητήριον), а нижнее обыденнымъ животнымъ» ³⁾; или, ближе къ ученію о движеніи: «міръ есть цѣлое, составленное изъ неба и земли и изъ того, что ими объемлетъ. Въ другомъ отношеніи міръ есть порядокъ и украшеніе вселенной, отъ боговъ и чрезъ боговъ сохраняемый. Срединную часть его, неподвижную и твердую, занимаетъ жизнеподательница земля, очагъ и мать всевозможнаго рода живыхъ существъ; верхняя же часть его вся и со всѣхъ сторонъ ограничена: самое высшее мѣсто ея, жилище боговъ (θεῶν οἰκητήριον), именуется небомъ. Будучи полно Божественныхъ тѣлъ (σωμάτων θεῶν), которыя мы обыкновенно называемъ звѣздами или свѣтилами, будучи движимо вѣчнымъ движеніемъ (κινούμενος κίνησιν ἀίδιον), оно однимъ круговымъ движеніемъ и вращеніемъ влечетъ за собою, какъ бы за предводителемъ хора, весь ликъ (хоръ) этихъ свѣтилъ непрерывно цѣлые вѣка» ⁴⁾. Но самое обстоятельное изложеніе мыслей нашего философа о вездѣсущи и дѣятельности невидимаго по существу Божества въ мірѣ, въ связи съ религіозно-философскимъ міросозерцаніемъ древней Греціи, равно какъ и въ связи съ его собственными философскими воззрѣніями, мы находимъ въ 6-й главѣ его книги «О мірѣ».

¹⁾ De coelo, I, 9.

²⁾ Ibid. II, 1.

³⁾ De mundo, cap. 3.

⁴⁾ Ibid. стр. 2.

Вотъ что здѣсь читаемъ мы: «Нѣкое древнее и отъ предковъ къ потомкамъ переходящее преданіе существуетъ между людьми и гласить, что все у насъ отъ Бога и чрезъ Бога установлено и существуетъ (*ὡς ἐκ θεοῦ πάντα καὶ διὰ θεοῦ ἡμῖν συνέστηκεν*) и что никакое естество само по себѣ не можетъ быть самодовлѣющимъ, будучи лишено сохраненія отъ Него. Поэтому и нѣкоторые изъ древнихъ увлечены были этою мыслию даже до того, что говорили: богами полно все это, какъ представляющееся очамъ нашимъ, такъ и воспринимаемое чрезъ слухъ и всякое другое чувство, и тѣмъ хотя полагали приличествующее основаніе Божественному всемогуществу, однако утверждали не совсѣмъ приличествующее Его существу (*τῇ οὐσίᾳ*). Ибо Богъ есть по истинѣ Спаситель и производитель всего, какимъ бы то ни было образомъ совершающагося въ мірѣ семъ: однако не такъ, чтобы Онъ, на подобіе какого-либо ремесленника или утомленіе испытывающаго живого существа, терпѣлъ трудности, но пользуется никогда неослабѣвающимъ могуществомъ, коимъ превосходитъ даже тѣхъ, которые кажутся могущественнѣйшими. Онъ Самъ занимаетъ самое высокое и первое мѣсто въ мірѣ, почему и именуется всевышнимъ (*ὕψιστος*) ¹⁾ и, по словамъ поэта ²⁾, утвердилъ свое мѣстопробываніе на самой главной вершинѣ всего неба (*ἀκροτάτῃ κορυφῇ τοῦ σὺμπαντος εὐκαθιδρομένου οὐρανοῦ*). Наболѣе всего какъ бы вкушаетъ отъ Его всемогущества всегда ближайшее къ Нему небесное тѣло ³⁾, а потомъ слѣдующее за симъ по порядку, и такъ далѣе до нашихъ мѣстъ. Поэтому-то земля и земное, находясь въ самомъ большемъ отдаленіи отъ пользованія ближайшимъ управленіемъ Бога, и кажутся слабыми, лишенными полной цѣлесообразности въ составѣ своихъ частей и полными великаго смятенія. Однако не должно думать, что Божество простирается на все такъ, какъ это обыкновенно происходитъ у

¹⁾ *ὕψιστος*—эпитетъ Зейса, верховнаго Божества народнои религіи Грековъ, употребительный со временъ Гомера (Ил. VIII, 22; XIX, 258 и др. Ил. Ол. XIII, 34 и др.

²⁾ Гомера, см. Илиады I, 499.

³⁾ Въ сферѣ неподвижныхъ звѣздъ.

насть и надъ нами въ отношеніи къ большей или меньшей близости Бога къ міру или удаленности Его отъ предметовъ природы и въ отношеніи къ Его управленію міромъ. Лучше, приличнѣе и наиболѣе соотвѣтственно Богу предполагать такъ, что положившая для себя твердое основаніе на небѣ сила (*δύναμις*) является причиною сохраненія для всего; и даже, если можно такъ выразиться, для самаго отдаленнаго отъ нея, но не такъ, какъ будто она сама дѣйствуетъ на землѣ, приходя сюда и проникая все и дѣйствуя вездѣ, гдѣ даже нѣтъ и ничего красиваго и благообразнаго: это не прилично было бы примѣнить даже и къ начальникамъ изъ людей, чтобы они сами дѣлали всякое дѣло, какое ни попало; равно также и къ начальствующимъ надъ войскомъ, или надъ городомъ, или надъ домомъ, чтобы напримѣръ они должны были укладывать и связывать дорожные чемоданы или еще и болѣе того низкое дѣло совершать, котораго не сталъ бы дѣлать и рабъ, служащій при великомъ царѣ¹⁾. Но все это должно представлять на подобіе того, что рассказывается объ образѣ дѣйствій и положеніи царей: Камбиза, Ксеркса и Дарія, великолѣпіе двора коихъ достигаетъ высшей степени блеска, почета и превосходства. Именно самъ царь, какъ рассказываютъ, утвердилъ свое мѣстопробываніе въ Сузахъ или Экбатанахъ, ни для кого невидимый (*παντὶ ἀόρατος*), обладая дивнымъ царскимъ дворцемъ, окруженнымъ стѣною и блистающимъ золотомъ, кристалловиднымъ янтаремъ и слоновою костью. При дворцѣ много пристроекъ и галлерей, идущихъ на большія разстоянія, съ дверями мѣдными и высокими стѣнами кругомъ всего зданія. А вѣкъ всего этого красуются первые и знатнѣйшіе люди, изъ коихъ одни окружаютъ самого царя въ качествѣ его копьеносцевъ и служителей, другіе въ качествѣ охранителей каждаго входа во дворецъ и такъ называемые привратники и наушники (*шпіоны*), дабы самъ царь, именуемый владыкою и богомъ, все могъ видѣть и все слышать. Кромѣ сихъ иные поставлены въ качествѣ казначеевъ, полководцевъ на войнѣ и завѣдующихъ охотою, принимаю-

1) Т. е. Персидскомъ.

щихъ дары и имѣющихъ попеченіе о другихъ отдѣльныхъ частяхъ управленія. Всю же имперію Азіатскую, граничащую въ западныхъ своихъ частяхъ съ Геллеспонтомъ ¹⁾, а въ восточныхъ съ Индомъ, раздѣлили между собою по племенамъ полководцы, сатрапы, цари, подчиненные великому царю, скороходы, соглядатаи, вѣстники и наблюдатели за факельными сигналами. Между всѣми ими, особенно же между наблюдателями за факельными сигналами, зажигавшими послѣдніе одинъ вслѣдъ за другимъ, начиная отъ крайнихъ предѣловъ имперіи до самыхъ Сузъ и Экбатанъ, былъ столь великій порядокъ, что царя въ тотъ же самый день узнавалъ всѣ новости, совершіяся въ Азіи. Но должно думать, что преимущество великаго царя настолько же ниже преимущества Бога, обладающаго міромъ, насколько это преимущество выше того, какъ преимущества живого существа самаго низкаго и слабаго; такъ что, если не согласно было съ достоинствомъ царя то, чтобы на примѣръ самъ Ксерксъ дѣлалъ и совершалъ все, что желалъ видѣть совершаемымъ со стороны поставленныхъ на то отъ него: то тѣмъ болѣе это не прилично было бы Богу. Болѣе согласно съ достоинствомъ Бога и болѣе Ему прилично, чтобы Онъ самъ имѣлъ свое мѣсто-пробываніе утвержденнымъ въ высочайшемъ пространствѣ, а сила Его простиралась бы на цѣлый міръ, приводила бы въ движеніе солнце и луну и производила круговое вращеніе во всемъ небѣ и чтобы Онъ былъ виновникомъ сохраненія всего находящагося на землѣ. Ибо Ему нѣтъ никакой нужды въ искусныхъ приспособленіяхъ и въ услугахъ другихъ людей, какъ это бываетъ у начальствующихъ между нами, принужденныхъ, вслѣдствіе немоци, пользоваться услугою многихъ рукъ; съ достоинствомъ же Божественнымъ болѣе всего сообразно то, чтобы Богъ съ легкостію и съ помощію простаго движенія совершалъ всякаго рода формы (*ιδέας*), какъ дѣлаютъ великіе мастера машиннаго дѣла, которые чрезъ приведеніе въ дѣйствіе одной части машины совершаютъ многія и разнообразныя дѣйствія. Подобнымъ же образомъ по-

¹⁾ Дарданельскій проливомъ.

ступаютъ и дѣлатели автоматовъ, приводя въ дѣйствіе одинъ лишь шнурокъ и чрезъ это приводя въ движеніе и шею, и руку автоматическаго животнаго, и плечо, и глазъ, а иногда даже и всѣ части, притомъ съ нѣкоторою стройностію. Такъ точно и Божественное существо отъ простаго движенія перваго движимаго даетъ свою силу на весь рядъ послѣдующихъ движеній и отъ нихъ опять на дальнѣйшія, до тѣхъ поръ пока не пройдетъ чрезъ весь міръ; ибо будучи движимо одно отъ другаго, само движимое въ свою очередь движетъ другое въ соотвѣтствующемъ порядкѣ, причемъ каждое дѣйствуетъ сообразно своему устройству, но не одинъ и тотъ же путь для всѣхъ, а различенъ и инаковъ, у нѣкоторыхъ же обращенъ и въ противную сторону, хотя первый толчекъ данъ былъ и къ одному движенію. Это подобно тому, какъ если бы кто изъ сосуда выбросилъ въ одно время и шаръ, и кубъ, и конусъ и цилиндръ: каждый изъ нихъ будетъ двигаться своимъ особеннымъ образомъ; или если бы кто, имѣя у себя за пазухою животныхъ: — водное, земное и пернатое, сразу бы выпустилъ ихъ; очевидно, что плавающее при этомъ выпрыгнувъ стало бы плавать какъ привыкло дѣлать въ водѣ, земное стало бы ползать сообразно своимъ привычкамъ и законамъ, а воздушное, поднявшись отъ земли, улетѣло бы въ высоту, хотя одна и та же первая причина доставила имъ случай выказать каждой свою собственную способность къ движенію. Такъ точно и въ отношеніи къ міру: чрезъ одно простое круговращеніе цѣлаго неба, совершаемое днемъ и ночью, происходятъ то одни, а то другія прохожденія и движенія всѣхъ тѣлъ и предметовъ, хотя и однимъ шаромъ объемлемыхъ, однихъ болѣе скоро, а другихъ медленнѣе движущихся, соотвѣтственно длинѣ разстояній и собственному каждому устройству. И изъ всѣхъ согласно поющихъ и участвующихъ въ ликѣ (хорѣ) на небѣ составляется одно согласіе, отъ одинаго происходящее и къ единому сводящееся, такъ что цѣлое есть поистинѣ космосъ, порядокъ (украшеніе, красота), не допускающій безпорядка или неблагообразія. Какъ въ хорѣ, по почину управляющаго хоромъ, поетъ согласнo съ нимъ и весь хоръ мужчинъ, а иногда и женщинъ,

различными голосами, высокими и низкими, сливаясь въ одну пріятную и стройную мелодію, такъ точно бываетъ и во всемъ мірѣ при управленіи Бога: ибо едва только далъ первый толчекъ свыше верховный Правитель, какъ всѣ звѣзды и весь вообще міръ пришли на всегда въ стройное движеніе. Двойными путями шествуетъ всесвѣтлое солнце, восходомъ и закатомъ своимъ опредѣляя день и ночь, а приближаясь то къ сѣверу, то назадъ къ югу, ведетъ за собою четыре времени года. Затѣмъ бываютъ также по временамъ дожди, вѣтры и росы, а равно и атмосферныя явленія, происходящія также благодаря первой и первородной причинѣ. За ними слѣдуютъ рѣчные потоки, вздыманія морскихъ волнъ, произрастанія деревъ, созрѣванія плодовъ, порожденія живыхъ существъ, равно какъ и воспитаніе всѣхъ, цвѣтущее состояніе и увяданіе, при чемъ наблюдается строгое соотвѣтствіе всего этого устройству каждаго, какъ я сказалъ. Итакъ, когда Вождь и Производитель всяческихъ, невидимый ни для кого другого, за исключеніемъ разума, даетъ знакъ всей природѣ, движущейся между небомъ и землей, то она вся ирходитъ въ непрерывное движеніе въ кругахъ и предѣлахъ своихъ, то исчезая, а то появляясь, являя безчисленныя формы отъ одного и того же начала, а потомъ опять скрывая ихъ. Совершаемое такимъ образомъ движеніе болѣе всего похоже на бывающее во время войны, когда труба даетъ знакъ лагерю; ибо тогда каждый, услышавъ звукъ ея, принимается за дѣло: тотъ прилаживаетъ щитъ, тотъ надѣваетъ панцырь, а тотъ поножны, или шлемъ, или опоясывается поясомъ; тотъ взнуздываетъ лошадь, а тотъ восходитъ на колесницу, запряженную парой, иной же отдаетъ пароль; предводитель лоха (отряда) тотчасъ становится впереди своего лоха, а начальникъ большаго отряда идетъ къ своему отряду; всадникъ идетъ къ своему крылу (конницы), а легко вооруженный—въ свое мѣсто; все ирходитъ въ движеніе благодаря одному дающему знакъ по приказанію имѣющаго власть вождя. Такъ должно думать и о вселенной; ибо когда отъ одного толчка (или импульса), притомъ невидимаго и незамѣтнаго, все возбуждается, то ирходитъ свойственное каждому движеніе; но что толчекъ этотъ невидимъ и незамѣтенъ, это отнюдь

не можетъ служить препятствіемъ ни ему—къ дѣйствию, ни намъ—къ тому, чтобы вѣрить сему; потому что и душа, благодаря которой мы живемъ, обладаемъ домами и городами: будучи невидима, становится видимою въ дѣлахъ своихъ: весь порядокъ жизни ею изобрѣтенъ, установленъ и сохраняется; воздѣлываніе земли и насажденіе растений, изобрѣтенія искусства, употребленіе законовъ въ дѣло, порядокъ государственной жизни, общественныя занятія, война за предѣлами отечества и миръ. Это же должно думать и о Богѣ, Который могуществомъ есть крѣпчайшій, красотою благолѣпнѣйшій, жизнію безсмертный, добродѣтелию совершеннѣйшій, и Который, будучи невидимъ для всякаго смертнаго естества, умосозерцается изъ самыхъ дѣлъ своихъ. Ибо всѣ явленія и измѣненія, совершающіяся въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ, поистинѣ (ὄντως), можно сказать, суть дѣла Бога (θεοῦ ἔργα), содержащаго въ своей власти міръ... Такое положеніе занимаетъ въ мірѣ Богъ, содержащій въ себѣ гармонию и спасеніе всей вселенной, но только не въ срединѣ находящійся, гдѣ помѣщается земля и это мутное пространство, а на высотѣ, чистый живя въ чистомъ мѣстѣ, каковое мѣсто мы называемъ небомъ—οὐρανόν по словопроизводству отъ ὄρος—предѣлъ, такъ какъ небо является предѣломъ вышнихъ сферъ; называемъ его также и Олимпомъ, какъ всесвѣтлое (ὀλολαμπή) и отдѣленные отъ всякаго мрака и беспорядочнаго движенія, каковыя бывають у насъ благодаря силѣ бури и вѣтровъ, какъ и поэтъ Гомеръ сказалъ объ

«Олимпъ, гдѣ, какъ говорятъ, находится вѣчно непоколебимое сѣдалище боговъ;

«Онъ ни вѣтрами не обуреваемъ, ни проливными дождями

«Не наполется, ни снѣгомъ не покрывается, но облака

«Тамъ разъясляются очень и свѣтлый блескъ всюду простирается.»¹⁾

Согласно съ этимъ свидѣтельствуемъ и вся жизнь, отдающая Богу самое высшее мѣсто; ибо всѣ мы, люди, простираемъ руки къ небу, совершая молитвы, на каковомъ основаніи не худо сказано и слѣдующее:

«Зевсу досталось межъ тучъ и эфира пространное небо.»²⁾

¹⁾ Одисс. VI, 42—45.

²⁾ Илиад. XV, 192.

Поэтому-то и изъ чувственнаго самое почетное занимаетъ то же самое мѣсто, какъ напримѣръ звѣзды, солнце и луна, и одно лишь небесное поэтому такъ устроено, что всегда сохраняетъ одинъ и тотъ же порядокъ и никогда не передвигаются съ своего мѣста. получивъ измѣненіе своего направленія, какъ то бываетъ съ земнымъ, которое, легко обращается будучи изъ стороны въ сторону, допускаетъ многія разнообразія и невольныя перемѣны въ движеніи.... Вообще же, что на кораблѣ кормчій, что на колесницѣ возничій, что въ хорѣ распорядитель, что въ государствѣ законъ и что въ войскѣ вождь, то же самое и Богъ въ мірѣ, за исключеніемъ того, что для тѣхъ управленіе приноситъ много труда, подвига и заботъ, а Богъ безпечаленъ, свободенъ отъ трудностей и отъ всякой тѣлесной немощи. Пребывая неподвижнымъ, Онъ все приводитъ въ круговращеніе и движетъ, куда и какъ Ему угодно, въ различныхъ идеяхъ и естественныхъ формахъ воспроизводя желаемое. подобно тому, какъ и государственный законъ, который, будучи самъ неподвиженъ, въ душахъ пользующихся имъ все направляетъ къ жизни, сообразной плану государственнаго устройства¹⁾. Нѣтъ нужды добавлять что-либо въ объясненіе этой выдержки. Мы скажемъ только то, что, кромѣ вездѣсущія, въ приведенныхъ словахъ нашего философа заключается много драгоценныхъ данныхъ и для дальнѣйшаго изслѣдованія нашего.

В) О свойствахъ Божіихъ *духовныхъ, идеальныхъ, нравственныхъ*. Богъ есть первый Двигатель неподвижный. Это—Его существенное, главное онтологическое свойство въ философской собственно системѣ Аристотеля. Но изъ предшествующаго вообще и изъ приведеннаго сейчасъ отрывка въ частности мы не могли не видѣть, что у него Богъ является отнюдь не космическою только первосилою, коренною причиною движенія, а и Разумомъ (νοῦς) или Духомъ, короче сказать,—личнымъ Существомъ. Онъ—царь и правитель вселенной на подобіе персидскаго монарха, управляющаго своей имперіей, на подобіе кормчаго на кораблѣ, распорядителя хо-

¹⁾ De mundo cap. 6.

ра и т. д. Еще ближе: Онъ,—невидимый по существу, но видимый въ дѣлахъ Своихъ, подобенъ душѣ человеческой также невидимой, но обнаруживающей себя въ дѣлахъ своихъ, изъ которыхъ одни требуютъ ума и проявляютъ его, другія требуютъ воли и обнаруживаютъ ее, третьи относятся къ области чувства или сердца. Чтобы не распространяться много о томъ, чего такъ или иначе мы уже не разъ касались въ доселѣ изложенномъ, мы, вопреки многимъ западнымъ ученымъ, прямо утверждаемъ, что Аристотелю далеко не чуждо было представленіе о Богѣ какъ Существомъ личномъ или *Личности*. А отсюда понятно, что, кромѣ онтологическихъ, мы должны подвергнуть изслѣдованію и нравственные, или идеальные, духовные свойства Божества по Аристотелю, и прежде всего—

а) Свойства ума Божія.

Богъ есть Существо абсолютно совершенное. Уже и то самое, что Онъ есть Духъ, Умъ, Личность, а не безличная и бездушная матерія, представляетъ Его въ значительной мѣрѣ болѣе совершеннымъ по сравненію со всѣмъ вообще безличнымъ и бездушнымъ, неразумнымъ изъ существующаго. Если же мы обратимъ вниманіе на Его достоинства именно какъ Существа духовнаго, разумнаго, личнаго, то увидимъ еще болѣе неизмѣримое превосходство Его со стороны совершенствъ предъ всѣми существами. И ближе всего, со стороны ума своего Онъ представляется—

аа) *всеподушимъ*.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

„ТЕОДИЦЕЯ“ ЛЕЙБНИЦА

Разсужденіе о благодѣи Божіей, свободѣ челоуѣческой и началѣ зла.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе *).

§ 176. Люди, полагающіе, что Богъ по произвольному рѣшенію установилъ добро и зло, впадаютъ въ странное мнѣніе о полномъ безразличіи Божіемъ, а также и въ другія еще болѣе странныя нелѣпости. Они лишаютъ Бога имени благаго Бога; ибо какимъ образомъ можно было бы прославлять Его за все содѣланное Имъ, если бы и при совершенно другой дѣятельности Онъ поступилъ бы столько же хорошо? И я часто удивлялся, что многіе богословы супралапсаріи, какъ на примѣръ Самуилъ Реторфортъ, профессоръ богословія въ Шотландіи, писавшій во время жаркаго спора съ ремонстрантами, могли держаться этого страннаго мнѣнія. Реторфортъ въ своей «*Exercitation apologétique pour la grâce*» (Защитеніе благодати) положительно говоритъ, будто несправедливое или нравственно злое чтò либо въ отношеніи къ Богу, не существуетъ до Божественнаго запрещенія; такимъ образомъ, до этого запрещенія было безразлично убить челоуѣка или спасти его отъ опасности, любить Бога или ненавидѣть, прославлять или богохульствовать.

Нѣтъ ничего безразсуднѣе этого мнѣнія; и будутъ ли учить, что Богъ положительнымъ закономъ установилъ добро и зло,

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» за 1890 г. № 14.

или будутъ утверждать, что существуетъ нѣчто доброе и справедливое прежде Его рѣшенія, которому Онъ никого не обязывалъ подчиняться, такъ что ничто не мѣшало Ему и Самому поступить несправедливо и осудить, быть можетъ, самыхъ невинныхъ: въ томъ и въ другомъ случаѣ будутъ утверждать почти одно и то же, и почти равнымъ образомъ будутъ безславить Его; ибо если справедливость установлена произвольно и безъ всякаго основанія, если Богъ избралъ ее нѣкоторымъ образомъ случайно, какъ случайно избираютъ жребій, тогда Его доброта и Его мудрость не существуютъ при этомъ избраніи, и ничто не можетъ выражать ихъ. И если Богъ совершенно по произвольному опредѣленію, безъ всякаго основанія, установилъ или создалъ то, что мы называемъ справедливостію и добротою, то Онъ также можетъ отмѣнить или перемѣнить ихъ природу, такъ что нельзя думать, что Онъ навсегда сохранитъ ихъ; какъ можно было бы полагать, что Онъ всегда будетъ проявлять ихъ, когда знаютъ, что они основываются на разумѣ. Это было бы почти то же, какъ если бы Его справедливость различалась отъ нашей, то есть, если бы, напримеръ, въ Его кодексѣ было написано, что справедливо сдѣлать невинныхъ на вѣки несчастными. Если признать эти положенія, тогда ничто не можетъ обязывать Бога сохранять свое слово и ничто не можетъ удостовѣрять насъ въ исполненіи его. Ибо ради чего законъ справедливости, по которому разумныя обѣщанія должны быть исполняемы, можетъ быть менѣе нарушаемъ Имъ, чѣмъ всѣми остальными людьми ¹⁾).

1) Лейбницъ касается въ этомъ § одного изъ самыхъ спорныхъ нравственныхъ вопросовъ, именно вопроса объ основномъ началѣ нравственности и права. По Лейбницу, начало это заключается въ разумѣ. Отсюда онъ выводитъ, что и для Бога, какъ высочайше разумнаго Существа, не можетъ быть другой нравственной жизни, кромѣ обязательной для всѣхъ разумныхъ существъ. Словомъ, нравственныя требованія проистекаютъ изъ самой природы божественнаго разума и отражаются въ природѣ всѣхъ разумныхъ существъ. Подобныхъ воззрѣній держались Платонъ, Аристотель, Стоики, а также Декартъ, Локъ и преимущественно Кантъ. Но противъ этого воззрѣнія возражали слѣдующее: 1) нельзя ничѣмъ доказать, что начало нравственности прирождено разуму; 2) изъ этого начала нельзя вывести всего содержанія нравственности, т. е. всѣхъ нашихъ обязанностей и всѣхъ добродѣтелей; 3) у разума нѣтъ силъ осуществлять всѣ свои

177. Всѣ эти положенія, не смотря на свое незначительное различіе, именно положеніе о томъ, что 1) природа справедливости произвольна, 2) что хотя она установлена, но не достовѣрно то, что Богъ сохранить ее, и наконецъ 3) что извѣстная намъ справедливость не есть та, которою Онъ Самъ руководствуется, разрушаютъ и наше упованіе на Бога, доставляющее намъ успокоеніе, и нашу любовь къ Богу, дарующую намъ счастье. Ибо ничто не мѣшаетъ думать, что подобный Богъ поступитъ съ добрыми людьми, какъ тиранъ или какъ врагъ, и что Онъ не будетъ радоваться тому, что мы называемъ зломъ. И почему бы Онъ не могъ въ такомъ случаѣ признаваться злымъ началомъ манихеевъ, какъ и единымъ добрымъ началомъ правовѣрующихъ? Если бы даже Онъ не былъ бы ни тѣмъ, ни другимъ, или же былъ бы то тѣмъ, то другимъ; то это означало бы то же, какъ если бы Ормуздъ и Ариманъ царствовали поочередно, смотря потому становится

требованія, и его правила и положенія, какъ простыя мнѣнія, не имѣютъ никакого вліянія на волю. Поэтому всякая нравственная система, ищущая основаній для своихъ положеній въ разумѣ, должна или отвергать нравственные требованія, которыхъ нельзя вывести изъ началъ разума, или усвоить разуму власть надъ волею, которой онъ въ дѣйствительности не имѣетъ. На этихъ-то основаніяхъ другіе мыслители признавали нравственность *естественнымъ нравственнымъ закономъ*, имѣющимъ свое начало въ свободномъ творческомъ актѣ, подобно всѣмъ физическимъ законамъ. Наконецъ, какъ прежде, такъ и теперь, многіе мыслители приходили къ тому заключенію, что основаніе нравственности надобно искать не въ разумѣ, а въ истинкѣ, совѣсти, чувствахъ. Другими словами—многіе допускали и допускаютъ особенное нравственное чувство, служащее основой всей нашей нравственности, и виновникомъ или творцомъ этого чувства признавали Творца. Изъ различнаго воззрѣнія на первоначальное происхожденіе нравственности и происходили споры о томъ, нравственные требованія обязательны ли для Бога, или нѣтъ,—возвышается ли Богъ надъ нравственными требованіями, свободно устанавливая ихъ, или же и Онъ необходимо подчиненъ имъ, какъ неотъемлемому содержанию своего разума? Мыслители, полагавшіе первоначальныи источникъ нравственности въ разумѣ, признавали нравственные требованія обязательными и для Бога; напротивъ того, мыслители, считавшіе нравственность естественнымъ нравственнымъ закономъ, признавали нравственные требованія свободнымъ актомъ творческой дѣятельности, не обязательной для Бога. Весь этотъ споръ въ сущности основывался однакоже на психологическомъ недоразумѣніи. Древніе психологи основными способностями человѣческой души признавали только разумъ и волю; что же касается чувства, то они не хотѣли причислить его къ основнымъ способностямъ человѣческой души и духа вообще. Этой психологической теоріи, какъ извѣстно, держался не только Лейбницъ, но и Кантъ, который выводилъ нравствен-

ли тотъ, или другой изъ нихъ болѣе сильнымъ или болѣе ловкимъ. Это почти то же, какъ одна монгольская женщина (шугалле), услышавши предварительно, что нѣкогда, въ царствованіе Чингисъ-хана и его преемниковъ, ея народъ властвовалъ надъ большею частію Сѣвера и Востока, говорила затѣмъ московскимъ людямъ, когда Исбрандъ отправлялся въ Китай изъ земель этого татарскаго ханства,—говорила будто богъ монголовъ (шугаллес) изгнанъ съ неба, но нѣкогда онъ снова возвратитъ свое мѣсто. Истинный Богъ всегда одинъ и тотъ же; да и естественная религія требуетъ, чтобы Онъ существенно былъ добрымъ и мудрымъ. Ничто столько не противорѣчитъ разуму и благочестію, какъ когда говорятъ, будто Богъ все творитъ безъ знанія, или усвояютъ Ему такое знаніе, которое не имѣетъ своимъ предметомъ вѣчныхъ правилъ добра и правды; или, наконецъ, будто Онъ обладаетъ волею, обращающею никакого вниманія на эти правила.

ность изъ разума и не могъ признать христіанскую *любовь*, основнымъ началомъ нравственности. Но если доказано, что чувство составляетъ необходимый элементъ духовной природы; тогда весь споръ теряетъ свой смыслъ. Богъ столько же подчиненъ своему разуму, какъ и своему чувству, нисколько не умаляя этимъ своей духовности. Поэтому, будемъ ли находить первоначальный источникъ нравственности въ божественномъ разумѣ, или въ божественномъ чувствѣ, это безразлично. Такъ рѣшается указанный нами споръ съ тенстической точки зрѣнія. Иначе смотритъ на это дѣло современные намъ реалисты. Они тоже ищутъ начала нравственности въ чувствѣ и признаютъ нравственное чувство видовымъ наследственнымъ у насъ чувства уваженія (Achtungsgeföhle). Они говорятъ, что первоначальный источникъ нравственнаго чувства скрывается вообще въ чувствѣ уваженія къ авторитетнымъ людямъ, установившимъ и затѣмъ распространившимъ нравственными требованіями и предписаніями. Конфуцій, Будда, Моисей, Магометъ и пр. распространяли тѣ или другія нравственные требованія, и эти требованія, въ силу глубокаго уваженія къ авторитету этихъ полныхъ проповѣдниковъ нравственныхъ правилъ и предписаній, превращались затѣмъ въ нравственное чувство, закрѣпляемое въ послѣдующихъ поколѣніяхъ естественнымъ закономъ психо-физиологической обязательности. Словомъ, нѣтъ неизмѣнной, вѣчной, общенаследственной нравственности; а существуетъ только нравственность историческая, условная, непрерывно видоизмѣняющаяся. Мы не имѣемъ надобности входить въ подробный разборъ реалистической теоріи нравственности; это дѣло нравственной философіи и нравственнаго богословія. Замѣтимъ лишь вообще, что никакой авторитетъ, какъ бы онъ ни былъ высокъ, не можетъ навязать человѣческому сознанию такихъ нравственныхъ требованій и предписаній, которыя противорѣчатъ этому сознанію и не находятъ въ немъ предрасположенія и сочувствія. По словамъ Спасителя, только «рожденные отъ свѣта ищутъ свѣта и идутъ къ свѣту».

178. Нѣкоторые богословы, писавшіе о правѣ Божіемъ надъ тварями, кажется усвоили Ему безграничное право, власть произвольную и деспотическую. Они думали, что такимъ образомъ они возносятъ божество на высшую степень величія и высоты, какую только можно представить себѣ; и что надобно до такой степени умалять тварь предъ Творцомъ, чтобы Творецъ не былъ связанъ никакимъ видомъ законовъ въ отношеніи къ творенію. Нѣкоторыя мѣста у Твисса, Реторфорта и нѣкоторыхъ другихъ супралапсаріевъ выражаютъ, будто Богъ никогда не можетъ грѣшнить, что бы Онъ ни дѣлалъ; потому что Онъ не подчиненъ никакому закону. Самъ Бель думаетъ, что это ученіе чудовищно и противорѣчитъ святости Божіей, но я полагаю, что намѣреніе нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей было менѣе дурно, чѣмъ представляется (*Лекс. см. Павликіане, р. 2332, initio*). Повидимому, подъ именемъ божественнаго права они разумѣли *αυτοθεουσία*—состояніе, когда ни предъ кѣмъ не отвѣтственны въ отношеніи къ тому, что дѣлаютъ. Но они не отвергали, что Богъ Самъ Себя обязываетъ въ отношеніи къ тому, что благость и правда требуютъ отъ Него. Касательно этого можно прочесть аполггію Кальвина, составленную Амиродомъ; достоверно, что въ этомъ сочиненіи Кальвинъ представляется правомыслящимъ и никакимъ образомъ не можетъ быть причисленъ къ числу крайнихъ супралапсаріевъ.

179. Такимъ же образомъ, когда Бель въ нѣкоторомъ отношеніи утверждаетъ, что св. Павелъ выводитъ предопредѣленіе изъ абсолютнаго божественнаго права и изъ непостижимости божественныхъ путей, то надобно подразумевать, что если бы пути эти были намъ понятны, то мы пашли бы ихъ сообразными съ правдою и увидѣли бы, что Богъ иначе не можетъ пользоваться своею властію. Самъ св. Павелъ говоритъ, что это *глубина*, но мудрая (*altitudo sapientiae*), а справедливость содержится въ добротѣ мудраго. Я нахожу, что Бель очень хорошо разсуждаетъ въ одномъ мѣстѣ о примѣненіи нашихъ понятій о благости къ дѣйствіямъ Божіимъ (*Отв. провин. гл. 81 р. 139*). «При этомъ не должно утверждать, говоритъ онъ, будто благость безконечнаго Существа не подчинена тѣмъ же правиламъ, какимъ подчинена доброта тварей, ибо

если Богу принадлежитъ атрибутъ, который можно назвать благостію, то надобно, чтобы вообще черты доброты были Ему свойственны, и если мы сведемъ доброту къ самымъ общимъ понятіямъ, то и тогда найдемъ въ нихъ волю, стремящуюся творить добро. Можно подѣлать эту общую доброту на сколько угодно видовъ и подвидовъ, на доброту безконечную, на доброту конечную, на доброту царственную, на доброту родительскую, на доброту супружескую, на доброту господъ,— но вы въ каждой найдете, какъ неотъемлемый признакъ, волю стремящуюся дѣлать добро».

180. Я нахожу также, что Бель очень хорошо опровергаетъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто доброта и справедливость зависятъ единственно отъ произвольнаго избранія Божія, и предполагаютъ, что если бы Богъ былъ побуждаемъ къ дѣятельности добротою самихъ предметовъ, то Онъ былъ бы всецѣло возбуждаемымъ органомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что не можетъ быть согласовано съ Его свободою. Но это значитъ смѣшивать необходимость метафизическую съ необходимостію нравственною. Вотъ что Бель противопоставляетъ этому заблужденію (*Отв. провинц.* гл. 89, р. 203): «Слѣдствіемъ этого ученія было бы, что прежде своей рѣшимости создать этотъ міръ, Богъ не находилъ въ добродѣтели ничего лучшаго сравнительно съ порокомъ и Его мысли не показывали Ему, что добродѣтель достойнѣе любви, чѣмъ порокъ. Это не оставляло бы никакого различія между правомъ естественнымъ и положительнымъ и въ нравственности не было бы ничего неизмѣннаго и необходимаго; Богъ могъ бы тогда повелѣть, чтобы твари были порочными, какъ могъ повелѣть, чтобы они были добродѣтельными; и нельзя было бы быть увѣреннымъ, что нравственные законы не будутъ нѣкогда отмѣнены, какъ отмѣнены обрядовые еврейскіе законы. Словомъ, это прямо приводило бы насъ къ мнѣнію, будто Богъ былъ творцомъ независимымъ не только отъ доброты и добродѣтели, но и отъ истины и сущности предметовъ. Вотъ что утверждаетъ извѣстная часть картезіанцевъ и я полагаю, что ихъ утвержденіе (*см. продолженіе мыслей о кометахъ*, р. 554) можетъ быть пригодно въ нѣкоторыхъ случаяхъ; но многія основанія говорятъ противъ него и съ нимъ связываются такого рода не-

пріятныя послѣдствія (см. гл. 152 того же продолженія), что почти каждое другое крайнее воззрѣніе легче можетъ быть принимаемо, чѣмъ это. Оно открываетъ широкую дверь самому крайнему пирронизму; ибо оно даетъ право утверждать, будто слѣдующее положеніе: *три да три составляютъ шесть*, есть истинно только тамъ и въ теченіе того времени, пока это угодно Богу; что, быть можетъ, оно оказывается ложнымъ въ вѣкоторой части вселенной и, быть можетъ, станетъ ложнымъ среди будущихъ людей, ибо все зависящее отъ свободной воли Божіей, можетъ быть ограничиваемо извѣстнымъ мѣстомъ и извѣстнымъ временемъ, какъ на примѣръ іудейскіе обряды. Тогда этотъ выводъ можно распространить на всѣ предписанія десяти заповѣдей, если предписываемыя въ нихъ дѣйствія по своей природѣ столько же чужды всякой доброты, какъ и содержащіяся въ нихъ запрещенія».

181. Если же скажутъ, что Богъ рѣшивши создать человека такимъ, какимъ онъ есть, не могъ не требовать отъ него благочестія, воздержанія, справедливости и чистоты, ибо не возможно, чтобы безпорядки, способные ниспровергнуть или возмутить Его дѣло, могли нравиться Ему: то въ сущности, это значитъ возвратиться къ общепринятому мнѣнію. Добродѣтели. только потому суть добродѣтели, что служатъ къ усовершенствованію или ограждаютъ отъ несовершенства тѣхъ, которые добродѣтельны, или тѣхъ, которые находятся въ общеніи съ ними; и добродѣтели обладаютъ этимъ свойствомъ по своей природѣ, или по природѣ тварей, прежде чѣмъ Богъ создалъ ихъ. Судить объ этомъ иначе, значило бы то же, какъ если бы кто сказалъ, что правила соразмѣрности и гармоніи произвольны въ отношеніи къ музыкантамъ, потому что они появляются въ музыкѣ уже тогда, когда рѣшаются пѣть или играть на какомъ-либо инструментѣ. Но именно эти-то правила и составляютъ то, что признаютъ существеннымъ въ хорошей музыкѣ, потому что правила эти присущи и тому идеальному состоянію, когда никто и не думаетъ о пѣніи, такъ какъ знаютъ, что съ ними непременно будутъ сообразоваться, какъ только запоютъ. Такимъ же образомъ и добродѣтели соотвѣтствуютъ идеальному состоянію разумныхъ тварей, прежде чѣмъ Богъ опредѣлилъ создать ихъ, и вотъ

именно на этомъ основаніи мы утверждаемъ, что добродѣтели хороши по самой природѣ своей ¹⁾.

182. Бель въ сочиненіе свое *«Продолженіе различныхъ мыслей»* ввелъ особую главу (гл. 152), въ которой показываетъ, «что по ученію христіанскихъ докторовъ существуютъ предметы справедливыя прежде божественныхъ опредѣленій». Богословы Аугсбургскаго вѣроисповѣданія порицали нѣкоторыхъ реформатовъ за то, что они повидимому держались противоположныхъ мнѣній и признавали это заблужденіе какъ бы слѣдствіемъ безусловнаго опредѣленія, по каковому ученію воля признается свободною отъ всякихъ основаній, *ubi stat pro ratione voluntas* (*идѣ на мѣсто основанія поставляется произволя*). Но я уже неоднократно замѣчалъ, что даже Кальвинъ признавалъ опредѣленія Божіи сообразными съ правдою и

¹⁾ Лейбницъ доказываетъ въ этомъ §, что всѣ нравственныя дѣйствія по самой природѣ своей вводятъ порядокъ и гармонию въ жизнь человѣческую. Кирхманъ противорѣчитъ этому и въ подтвержденіе своего противорѣчія ссылается на такіа господствовавшіе прежде предписанія и обычаи, которые въ наше время признаются безнравственными; таковы, напримѣръ, многоженство, отищеніе врагамъ, уничтоженіе частнаго имущества во время войны и пр. Что же доказываютъ эти примѣры Кирхмана? Справедливо то, что въ прежнія времена подобныя дѣйствія признавались похвальными; но можно ли думать, будто при всемъ существованіи этихъ безнравственныхъ дѣйствій, гармонія и порядокъ человѣческой жизни не былъ нарушаемъ? А между тѣмъ Кирхману надобно именно доказать, что этими дѣйствіями не только не разрушались, но даже поддерживались гармонія и порядокъ жизни. Не правъ Кирхманъ и тогда, когда Лейбницево сравненіе нравственной гармоніи съ музыкальной признаетъ неудовлетворительнымъ на томъ основаніи, что музыкальная гармонія основывается единственно на естественныхъ условіяхъ чувственно-пріятныхъ ощущеній и, слѣдовательно, на условіяхъ физиологическихъ; между тѣмъ какъ нравственная гармонія имѣетъ нравственную подкладку. Конечно сравненіе не есть доказательство; *comparaison n'est pas raison*; но оно хорошо выясняетъ основную мысль Лейбница. Кромѣ того, возможно ли строгое различеніе физиологическихъ ощущеній отъ психическихъ? Гдѣ нѣтъ живой души, тамъ никакія физиологическія ощущенія не мыслимы. Во всякомъ случаѣ, всѣ физиологическія ощущенія непремѣнно находятся въ связи съ нравственными. И если музыкальная гармонія среди различныхъ народовъ бываетъ различною; то это нисколько не противорѣчитъ существованію идеальной музыкальной гармоніи, какъ различіе человѣческихъ совѣстей не противорѣчитъ бытію идеальной общечеловѣческой совѣсти. Не вѣрна поэтому и заключительная мысль Кирхмана, будто всѣ дѣйствія человѣческія должны быть оцѣниваемы по своему соответствію съ предполагаемыми цѣлями, а не съ условяваемыми ими порядкомъ и гармоніею. Дѣло въ томъ, что существуетъ величайшее различіе въ цѣляхъ человѣческихъ дѣйствій; и это различіе сопровождается иногда не только разрушеніемъ порядка и гармоніи въ человѣческой жизни, но и полною гибелью духовной и тѣлесной жизни.

мудростію, хотя основанія, могущія показать въ частности ихъ сообразность, намъ неизвѣстны. Такимъ образомъ, по Кальвину, правила доброты и справедливости предшествуютъ опредѣленіямъ Божіимъ. Бель, въ томъ же самомъ мѣстѣ, приводитъ выдержку изъ знаменитаго Тюррстана, который отличаетъ божественные законы естественные отъ божественныхъ законовъ положительныхъ. Нравственные законы принадлежатъ къ первому роду, а обрядовые -- ко второму. Самуиль Мареть, бывшій знаменитый богословъ въ Грюнингенѣ, и Стримезіусъ, занимающій и теперь мѣсто въ Франкфуртѣ, учатъ тому же, и мнѣ кажется, что среди реформатовъ это ученіе наиболѣе распространено. Тома Аквинать и всѣ еомисты держатся этого же воззрѣнія со всѣми схоластиками и богословами римской церкви. Казуисты тоже принимали это; въ числѣ ихъ самымъ выдающимся я признаю Гроція, которому подражали въ этомъ отношеніи его комментаторы. Пуфендорфъ держался, кажется, другого мнѣнія и старался защитить его отъ порицаній нѣкоторыхъ богослововъ; но его нельзя принимать во вниманіе, такъ какъ онъ недостаточно былъ знакомъ съ этого рода предметами. Онъ грозно возстаетъ въ сочиненіи своемъ *Fecialis divinus* (*Божественный феціалъ, т. е. особенный видъ римскихъ священниковъ*) противъ абсолютнаго опредѣленія и однакоже защищаетъ самое дурное въ воззрѣніи защитниковъ этого опредѣленія, безъ чего (какъ излагаютъ его иные реформаты) это опредѣленіе могло бы еще быть терпимо. Аристотель въ отношеніи къ ученію о справедливости представляется очень правомысленнымъ и схоластики слѣдовали ему. Они, подобно Цицерону и юристамъ, отличали право неизмѣнное, обязательное для всѣхъ и повсюду, отъ права положительнаго, которое имѣетъ значеніе только въ извѣстное время и для извѣстнаго народа. Я нѣкогда съ удовольствіемъ читалъ «Евтифронъ» Платона, въ которомъ Сократъ защищаетъ эту истину; и Бель упоминаетъ объ этомъ сочиненіи.

183. Самъ Бель съ силою защищаетъ эту истину въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, и хорошо привести цѣликомъ выдержку изъ него, не смотря на то, что она длинна (Ч. II. *продолженіе различныхъ мыслей, гл. 152, стр. 771 и слѣд.*). «По ученію многочисленныхъ замѣчательныхъ писателей, говоритъ

онъ, въ природѣ и сущности извѣстныхъ предметовъ существуетъ нравственное добро или зло, предшествующее божественному опредѣленію. Они доказываютъ это ученіе преимущественно слѣдующими страшными послѣдствіями противоположнаго мнѣнія. Тогда слѣдованіе правилу: не должно причинять никому вреда, было бы добрымъ дѣйствіемъ не само по себѣ, но по произвольному рѣшенію божественной воли, а отсюда слѣдовало бы, что Богъ могъ даровать человѣку божественный законъ, противоположный во всѣхъ отношеніяхъ заповѣдямъ десятословія. Это было бы ужасно. Но вотъ доказательство болѣе прямое и заимствованное изъ метафизики. Извѣстно, что бытіе Божіе не есть дѣйствіе Его воли. Онъ существуетъ не потому, что желаетъ существовать, но по необходимости своей безконечной природы. Его всемогущество и Его вѣдѣніе существуютъ по той же необходимости. Онъ не потому, всемогущъ, не потому знаетъ все, что желаетъ этого, но потому что, таковы по необходимости Его атрибуты, тождественные съ Нимъ. Область Его воли простирается только на осуществленіе Его могущества; вѣдь Его, въ дѣйствительности, она осуществляетъ только то, чего Онъ желаетъ, а все прочее оставляетъ въ состояніе чистой возможности. Отсюда слѣдуетъ, что эта область простирается только на бытіе тварей; и не простирается подобнымъ же образомъ на ихъ сущности. Богъ могъ создать матерію, человѣка, кругъ, или оставить ихъ въ небытіи; но Онъ не могъ произвести ихъ, не сообщивши имъ существенныхъ свойствъ. Необходимо было, чтобы человѣкъ былъ разумнымъ животнымъ, чтобы кругу была дарована круглая фигура; потому что согласно съ вѣчными идеями, независимыми отъ свободныхъ опредѣленій божественной воли, сущность человѣка состоитъ въ атрибутахъ животности и разумности, а сущность круга состоитъ въ окружности, равно удаленной отъ центра во всѣхъ своихъ частяхъ. Поэтому христіанскіе философы признавали, что сущности вещей вѣчны и что существуютъ положенія вѣчной истины; и слѣдовательно, эти сущности и эти истины, въ основныхъ началахъ, остаются неизмѣнными. Этого не должно разумѣть только въ отношеніи къ основнымъ началамъ теоретическимъ, но и въ отношеніи къ основнымъ началамъ практическимъ и ко всѣмъ

предложеніямъ, содержащимъ истинныя опредѣленія твореній. Эти сущности, эти истины, проистекають изъ той же природной необходимости, какъ и божественное вѣдѣніе. Ибо какъ по самой природѣ Богъ существуетъ, есть всемогущъ и знаетъ все въ совершенствѣ: такъ по природѣ вещей матерія, треугольникъ, человѣкъ, извѣстныя человѣческія дѣйствія и пр. по самому существу своему обладаютъ такими или иными атрибутами. Богъ отъ вѣчности и по всей необходимости видѣлъ существенныя отношенія чиселъ, тождества предиката и субъекта въ предложеніяхъ содержащихъ сущность каждой вещи. Онъ равнымъ образомъ видѣлъ, что въ понятіи *справедливый* содержатся слѣдующія свойства: почитать то, что достойно почитанія, питать благодарность къ своему благодетелю, исполнять условія контракта, а также и многія другія положенія нравственности. На этомъ основаніи справедливо утверждаютъ, что правила естественнаго закона предполагають честность и справедливость того, что приказываютъ; и человѣкъ обязанъ былъ бы исполнять ихъ, если бы даже Богъ по снисходительности ничего подобнаго не приказывалъ. Обратите, прошу васъ, вниманіе на то, что, восходя при посредствѣ отвлеченія къ тому идеальному моменту, когда Богъ еще ничего не опредѣлялъ, мы находимъ уже въ идеяхъ Божіихъ нравственныя начала въ выраженіяхъ налагающихъ на насъ обязанность. Мы узнаемъ здѣсь эти правила, какъ достовѣрныя и вытекающіе изъ вѣчнаго и неизмѣннаго порядка, таковы: достойно разумаго существа сообразоваться съ разумомъ; разумное твореніе, сообразующееся съ разумомъ, достойно похвалы; но оно подлежитъ порицанію, если не сообразуется съ нимъ. Вы не осмѣлитесь сказать, чтобы эти истины не налагали на человѣка долга въ отношеніи ко всѣмъ дѣйствіямъ сообразнымъ съ здравымъ разумомъ, какъ-то: надобно почитать всѣ, что достойно почитанія, воздавать добромъ за добро, не причинять никому вреда, уважать своего отца, воздавать каждому должное и пр. Такимъ образомъ, послику по самой природѣ вещей и прежде объявленія божественныхъ законовъ нравственныя истины налагають на человѣка извѣстныя обязанности; то ясно, что Тома Аквинать и Гроцій могли сказать, что если бы не было Бога, то мы не

перестали бы быть обязанными сообразоваться съ естественнымъ правомъ. Другіе же утверждали, что если бы даже всѣ существа, обладающія разумомъ погибли, то положенія истинныя остались бы истинными. Кайетанъ доказывалъ, что если бы онъ остался одинокимъ во вселенной, а всѣ другіе предметы безъ всякаго исключенія погибли бы, то и тогда знаніе, которое онъ имѣеть о природѣ розы, продолжало бы существовать¹⁾.

184. Покойный Яковъ Томазіи, славный лейпцигскій профессоръ, не дурно замѣтилъ въ своихъ объясненіяхъ философскихъ правилъ Данила Сталя, іенскаго профессора, что не благоразумно выступать внѣ Бога, и не должно съ нѣкоторыми стойками утверждать, будто вѣчныя истины существовали бы, когда бы совершенно не было разума, даже божественнаго. Потому что, по моему мнѣнію, именно божественный разумъ сообщаетъ реальность вѣчнымъ истинамъ, хотя Его воля и не принимаетъ въ этомъ участія. Всякая реальность должна основываться на какомъ-либо существующемъ предметѣ. Справедливо то, что атеистъ можетъ быть геометромъ. Но если бы не было Бога, то не было бы и предмета

¹⁾ Мысль о томъ, что наши нравственные требованія и предписанія существовали отъ вѣчности, представляется Кирхману ничѣмъ не доказаннымъ предположеніемъ, основаннымъ на превратномъ воспитаніи и поддерживаемымъ господствующими религіозными воззрѣніями. Но чѣмъ же можно доказать, будто человѣческая нравственность случайна, измѣнчива и преходяща? Ни физиологія, ни антропологія, ни исторія не представляютъ намъ никакихъ доказательствъ въ пользу этого реалистическаго воззрѣнія на нравственность. Человѣкъ, сколько помнитъ себя въ своей исторической жизни, всегда былъ человѣкомъ; онъ ошибался въ своихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ; но тѣмъ не менѣе въ основѣ всѣхъ его дѣяній лежали нравственные требованія и по самой природѣ своей онъ *естественно законная творилъ*. Съ этой же реалистической точки зрѣнія на нравственность, Кирхманъ не допускаетъ затѣмъ сравненія истины съ нравственностію, находя между ними существенное различіе,—говоря, что истина состоитъ въ согласіи знанія съ дѣйствительнымъ или *существующимъ* предметомъ, между тѣмъ какъ нравственность основывается на заповѣди, которая въ дѣйствительный міръ хочетъ привнести нѣчто новое, чего прежде не было. И однакоже это новое можетъ быть признано новымъ только по сравненію съ прежде существовавшимъ безпорядкомъ, или господствовавшимъ безнравственнымъ воззрѣніемъ; какъ и самая истина, открываемая человѣкомъ, можетъ быть названа новою, по сравненію съ прежде существовавшимъ невѣдѣніемъ, ошибками и заблужденіями. *Должное* одинаково мыслится какъ при истинѣ, такъ и при нравственности, хотя природа должнаго въ томъ и другомъ случаѣ не тождественна.

геометріи; а безъ Бога не только ничего не существовало бы, но и ничто не было бы возможно. Это не препятствуетъ однако тому, чтобы люди не понимающіе отношеній (связей) всѣхъ вещей между собою и съ Богомъ, не могли разрабатывать нѣкоторыхъ наукъ, не вѣдая перваго источника, который существуетъ въ Богѣ! Аристотель, хотя почти тоже не зналъ этого перваго источника, однакоже не преминулъ сказать нѣчто приблизительное и очень хорошее, когда призналъ, что начала частныхъ наукъ зависятъ отъ верховнаго вѣдѣнія, которое сообщаетъ имъ основу и это верховное вѣдѣніе должно обладать бытіемъ, и слѣдовательно должно имѣть объектъ свой въ Богѣ, источникъ бытія. Дрейеръ въ Кенигсбергѣ хорошо замѣтилъ, что истинная метафизика, которую Аристотель искалъ и которую называлъ τὴν ζητούμενην (искомое), его *desideratum*, есть богословіе. ¹⁾

185. Однакоже тотъ же Бель, который говоритъ такія прекрасныя вещи въ доказательство того, что правила доброты и справедливости и вообще всѣ вѣчныя истины существовали по самой природѣ, а не по произвольному избранію Божію, выражается о томъ-же предметѣ очень сбивчиво въ другомъ мѣстѣ (продолженіе различ. мыслей, т. II, гл. 114, при концѣ). Приведши тамъ мнѣніе Декарта и его послѣдователей, которые утверждали, что Богъ есть свободная причина всѣхъ истинъ и сущностей, онъ присовокупляетъ (стр. 554): «Я сдѣлалъ все возможное для себя, чтобы хорошо понять это ученіе и чтобы найти рѣшеніе затрудненій, окружающихъ его. Откровенно сознаюсь, что при всемъ этомъ я не пришелъ еще вполнѣ къ цѣли; но это не лишаетъ меня надежды и я думаю, какъ это дѣлали и другіе философы при иныхъ случаяхъ, что время обнажить для меня этотъ прекрасный парадоксъ.

1) Лейбницъ отличаетъ истинное отъ дѣйствительнаго и думаетъ, что область истиннаго обширнѣе области дѣйствительнаго. Кирхманъ же какъ реальстъ, признаетъ истиннымъ только то, что соответствуетъ дѣйствительности. Но рассуждать подобнымъ образомъ значитъ произвольно суживать доступную намъ область истиннаго вѣдѣнія. Истиннымъ для насъ бываетъ не только дѣйствительное, но и согласное съ законами дѣйствительности, каковы, напримѣръ, художественныя произведенія. Уже Аристотель признавалъ дѣйствительнымъ (ὄντα) и слѣдовательно истиннымъ не только то, что имѣетъ форму (εἶδος); но и то, что мыслится нами, какъ существующее (το ὄν).

Я желалъ бы, чтобы Малевбраншъ принялъ на себя доказательство этого парадокса; но онъ прибѣгаетъ къ инымъ средствамъ. Можно ли думать, чтобы удовольствіе, обрѣтаемое въ сомнѣніи, могло имѣть такую силу надъ умнымъ человѣкомъ, чтобы оно вызывало у него желаніе и надежду достигнуть увѣренности, будто два противорѣчащія положенія только потому не могутъ совмѣстно пребывать, что Богъ запрещаетъ это, и чтобы тотъ же Богъ могъ даровать имъ направленіе всегда сохранять совмѣстное существованіе? Вотъ поистинѣ парадоксъ! Малевбраншъ поступаетъ очень благоразумно, когда прибѣгаетъ къ инымъ средствамъ ¹⁾.

186. Лично я не могу думать, чтобы Декартъ могъ со всею строгостію держаться этого ученія, хотя нѣкоторые его послѣдователи легко вѣрятъ и строго слѣдуютъ тому ученію, которое онъ принималъ только по вѣроятности. Очевидно, это было однимъ изъ его двусмысленныхъ ученій, одною изъ его философскихъ хитростей; этимъ онъ приготовлялъ для себя нѣкоторый выходъ, какъ нашелъ его также, когда отвергалъ движеніе земли, хотя лично былъ самымъ строгимъ послѣдователемъ Коперника. Я предполагаю, что здѣсь онъ имѣлъ въ виду иной образъ ученія, особенный, имъ принимаемый, состоящій въ томъ, что утвержденія и отрицанія и вообще всѣ внутреннія сужденія зависятъ только отъ актовъ воли. И вотъ посредствомъ этого выхода вѣчныя истины, признаваемыя до него объектомъ божественнаго разума, вдругъ превратились въ объектъ божественной воли. А такъ какъ акты воли свободны, то Богъ есть свободная причина истинъ. Вотъ объясненіе его выраженія: *Spectatum admissi* (допущены къ разсмотрѣнію). Маленькое видоизмѣненіе смысла выраженій вызвало весь этотъ шумъ. Но если бы даже утвержденіе необходимыхъ истинъ принадлежало актамъ воли совершеннѣйша-

¹⁾ Достаточно сравнить приводимые въ этомъ § сужденія Беля съ сужденіями, высказанными имъ въ § 183, чтобы видѣть, что Бель противорѣчитъ себѣ. Кирхманъ объясняетъ это противорѣчіе тѣмъ, что вѣра Беля въ христіанскіе догматы была очень слаба; и тамъ, гдѣ онъ давалъ свободу своему разсудку, онъ непремѣнно впадалъ въ противорѣчіе съ догматическимъ ученіемъ. На основаніи этого предположенія Кирхманъ отвергаетъ мысль Фейербаха, будто Бель относился къ христіанскимъ истинамъ иронически и глумился надъ ними даже тогда, когда, по видимому, защищалъ ихъ.

го ума, то и тогда эти акты были бы не менѣ свободны, потому что здѣсь нечего было бы избирать. Кажется, что Декартъ недостаточно ясно выражался о свободѣ и имѣлъ о ней очень оригинальное понятіе, потому что онъ расширялъ ее до того, что желалъ, чтобы утвержденія необходимыхъ истинъ были свободны въ Богѣ. Все его ученіе направлено только къ сохраненію понятія объ этой свободѣ ¹⁾.

187. Декартъ, допускаяшій съ нѣкоторыми мыслителями безразличную (*indifférence*) волю, по которой Богъ устанавливаетъ, напримѣръ, истины чиселъ и приказываетъ, чтобы трижды три составляли 9 вмѣсто 10; находилъ въ этомъ, столь странномъ ученіи, если бы оно могло быть доказано, какое-то неизвѣстное мнѣ преимущество предъ стратониками. Стратонъ былъ главою аристотелевской школы и преемникомъ Теофраста; онъ утверждалъ (по свидѣтельству Цицерона), что этотъ міръ созданъ такимъ, какимъ онъ есть, по природѣ или по необходимой причинѣ, неизмѣвшею сознанія. Я соглашаюсь, что это могло бы случиться, еслибы Богъ предварительно образовалъ матерію въ такомъ видѣ, что подобное явленіе могло произойти при посредствѣ однихъ только законовъ движенія. Но безъ Бога въ мірѣ не было бы никакой причины ни для какого бытія, и тѣмъ болѣе для такого или иного бытія предметовъ; поэтому нечего бояться системы Стратона.

188. Однакоже Бель затрудняется этимъ; онъ не хочетъ допустить пластическую природу, лишенную сознанія, которую допустилъ Кудвортъ и другіе, и не хочетъ допустить ее изъ

¹⁾ Всѣ утвердительныя и отрицательныя наши истины, или положенія, Декартъ поставлялъ въ зависимости отъ актовъ нашей воли; онъ думалъ, что безъ актовъ воли, безъ нашего согласія условливаемаго волею, они не имѣли бы значенія истины. Но сомнительно, чтобы равнымъ образомъ и вѣчныя истины въ божественномъ разумѣ Декартъ поставлялъ въ зависимость отъ актовъ творческой воли, или творческаго всемогущества. Извѣстно, что мыслители, возвышающіе творческое всемогущество и подчиняющіе ему всѣ другія божественныя свойства, думаютъ, что и вѣчныя истины божественнаго разума тоже подчинены божественному всемогуществу и могли или даже могутъ быть отмѣнены и видоизмѣнены божественною волею, хотя намъ онѣ и представляются неизмѣнными. Что же говорится здѣсь о мнѣніяхъ Декарта въ отношеніи къ землѣ, то все это находится въ слабой связи съ его основными началами. Кирхманъ думаетъ, что Декартъ прибѣгаетъ къ подобнымъ искусственнымъ полспеніямъ изъ болзни инквизиторскихъ преслѣдованій.

опасенія, чтобы современные стратоники, то есть, спинозисты не воспользовались этимъ. Именно поэтому онъ вошелъ въ споръ съ Ле-Клеркомъ. Предупреждая это заблужденіе тѣмъ, что причина, лишенная разума, не могла бы произвести ничего такого, въ чемъ проявлялось бы художество, онъ далекъ отъ соглашенія и со мною въ ученіи о *предзобразованіи* (*pré-formation*), по которому естественно образуются животныя органы, — и съ моею системою гармоніи, предустановленной Богомъ, для соотвѣтствія этихъ органовъ, силою собственныхъ законовъ, съ мыслями и желаніями душъ. Надобно однакоже обратить вниманіе, что эта причина, лишенная разума и творящая столь прекрасныя вещи въ зернахъ и сѣменахъ растеній и животныхъ, и вызывающая тѣлесныя дѣйствія по требованію воли, создана руками Бога, Который безконечно искуснѣе чашовыхъ дѣлъ мастера, устроящаго машины и автоматы, которые производятъ достаточно красивыя эффекты, какъ если бы они зависѣли отъ разума. ¹⁾

К. Истоминъ.

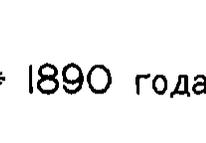
(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Справедливо порицаютъ теорію Лейбница о предустановленной гармоніи; потому что она разрываетъ живую связь между душою и тѣломъ. Но едва ли можно порицать выводную мысль изъ этой теоріи о томъ, что всѣ послѣдующіе организмы, послѣдовательно появляющіеся въ теченіе тысячелѣтій, были заключены въ первоначальныхъ сѣменахъ, какъ въ своихъ первоначальныхъ основахъ; по крайней мѣрѣ, самъ Кирхманъ признаетъ эту мысль допустимою; такъ какъ она нисколько не противорѣчитъ всемогуществу Вожию. Но онъ порицаетъ ее съ другой точки зрѣнія. Онъ называетъ ее ненаучною; такъ какъ она не объясняетъ метода и не указываетъ слѣдующихъ моментовъ, при посредствѣ которыхъ изъ первоначальныхъ сѣмянъ послѣдовательно развиваются всѣ организмы. Но съ этой точки зрѣнія мысль Лейбница надобно признать только неразрѣтною, необъясненною, научно недоказанною; но отнюдь не ошибочною или ненаучною. Сущность этой мысли, допускающая проявленіе творческаго всемогущества въ послѣдовательной смѣнѣ организмовъ, есть несомнѣнная истина, хотя никакими естественно-научными оцѣнками еще не можетъ быть развита и доказана. Когда Кеплеръ и Ньютонъ объяснили намъ законы движенія планетъ; то этимъ они нисколько не отвергали истинности той, существовавшей до нихъ мысли, что Богъ премудро устроилъ движеніе планетъ; они только глубже и яснѣе сознали истинность этой мысли. То же самое надобно сказать и о мысли Лейбница о послѣдовательномъ происхожденіи организмовъ, изъ первоначальныхъ сѣмянъ, подъ дѣйствіемъ творческаго всемогущества. Ея истинность нисколько не условливается естественно-научнымъ развитіемъ и разъясненіемъ. Не надобно только превращать эту мысль въ современную намъ идею прогресса.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Октября № 19. 1890 года.

Содержаніе. Постаповленіе Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Постановленія Сѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа 1890 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Благочиннаго 4-го округа Старобѣльскаго уѣзда, протоіерей Григорія Максимова.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

Постановленіе Харьковскаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Харьковское Епархіальное Попечительство слушала прошеніе о. Каѳедральнаго Протоіерей Тимоѳея Павлова о принятіи жертвуемыхъ имъ въ память умершей 19-го Іюня 1890 года дочери его Анастасіи и близкихъ родныхъ: Іерея Симеона, Анастасіи, Владиміра и Даріи 4,000 рублей въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія Харьковской епархіи, преимущественно Старобѣльскаго уѣзда. По справкѣ постановили и Его Высокопреосвященство въ 5-й день сего Сентября изволилъ утвердить: 1) о. Каѳедральному Протоіерею Тимоѳею Симеоновичу Павлову выразить искреннюю благодарность Епархіальнаго Попечительства за пожертвованіе 4,000 рублей въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія, 2) пожертвованный имъ капиталъ присоединить къ неприкосновенному денежному фонду Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства, а проценты съ сего капитала, согласно волѣ жертвователя, ежегодно дѣлить на десять равныхъ долей и выдавать десяти бѣднѣйшимъ семействамъ или лицамъ духовнаго званія Харьковской епархіи, преимущественно Старобѣльскаго уѣзда, независимо отъ получаемаго ими попечительскаго пособія, предоставивъ о. Протоіерею Павлову право выбора сихъ семействъ или лицъ и 3) чрезъ Благочинныхъ епархіи увѣдомлять тѣхъ лицъ, которымъ будетъ выдаваемо пособіе изъ процентной суммы сего капитала, чтобы они въ своихъ молитвахъ помнили усопшихъ Іерея Симеона, Анастасію, Владиміра, Дарію и дѣвицу Анастасію.

Постановленія сѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа
1890 года.

1) Уполномоченные сѣзда, собравшись 18-го сентябрю въ числѣ 11-ти, въ утреннемъ засѣданіи, по молитвѣ, приступили къ избранію Предсѣдателя сѣзда, и посредствомъ закрытой баллотировки избрали предсѣдателемъ сѣзда Харьковскаго уѣзда, слободы Дергачей, священника Димитрія Рєгншевскаго и единогласно дѣлопроизводителемъ города Волчанска Успенской Заводянской церкви, священника Александра Чернивскаго, постановили: журналъ сей вмѣстѣ съ баллотировочнымъ листомъ представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства. На семъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: «сентября 18. Утверждается.»

2) Разсматривали (въ вечернемъ засѣданіи) смѣту прихода и расхода, составленную Правленіемъ училища по содержанію училища на 1891 годъ, изъ которой видно, что на приходъ имѣеть поступить въ 1891 году 29.710 р. 15 к., а на расходъ въ томъ же году 30.835 р. 89 к., такимъ образомъ смѣта расхода превышаетъ приходъ на 1125 р. 74 коп. При разсмотрѣніи же въ частности смѣты прихода сѣздъ нашелъ возможнымъ увеличить приходъ по слѣдующимъ статьямъ: а) по статьѣ III отъ личнаго трехрублеваго взноса отъ каждаго причта церквей училищнаго округа на улучшеніе ученическаго стола сумма должна увеличиться приблизительно на 100 р., такъ какъ причты Харьковскихъ городскихъ церквей вопреки постановленіямъ прежнихъ сѣздовъ съ 1883 года вносили на сей предметъ только по 1 рублю, что видно изъ благочинническихъ вѣдомостей, при которыхъ представлялся въ Правленіи училища этотъ взносъ, б) по статьѣ IV приходъ отъ вѣнчиковаго сбора можетъ быть увеличенъ противъ смѣтнаго назначенія на 688 р. 98 коп. согласно поступленію за 1889 годъ; в) по статьѣ VI пятидесяти-копѣчный взносъ отъ Правленія свѣчнаго завода съ каждаго проданнаго пуда свѣчей также легко можетъ увеличиться до 2.288 р. 76 к., такъ какъ свѣчная операція завода съ каждымъ годомъ, благодаря особому попеченію Его Высокопреосвященства, расширяется; такимъ образомъ, смѣтныи приходъ будетъ равняться приходу. Постановили: а) смѣту прихода и расхода, составленную правленіемъ училища принять; б) поручить правленію училища навести справку, по находящимся въ ономъ вѣдомостямъ благочиннаго, сколько и отъ какихъ причтовъ г. Харькова не поступило личнаго трехрублеваго взноса съ 1883 года, и просить Его Высокопреосвященство сдѣлать распоряженіе о взысканіи съ причтовъ Харьковскихъ церквей накопившейся недоимки по имѣющей быть представленною отъ правленія училища вѣдомости; в) вносить ежегодно на улучшеніе ученическаго стола въ училище по 3 руб. отъ всѣхъ причтовъ церквей училищнаго округа, какъ приходскихъ, такъ и кладбищенскихъ и домовыхъ, а также и отъ свя-

щенниковъ, не имѣющихъ въ своемъ завѣдываніи церквей, но состоящихъ законо-учителями при учебныхъ заведеніяхъ. На журналѣ о семъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства таковая: «24 сентября. Утверждается. По статьямъ, требующимъ распоряженія консисторіи, предлагаю правленію училища отнестись въ оную.»

3) Слушали (въ утреннемъ засѣданіи 19 сентября) журналъ временнаго-ревизіоннаго комитета о повѣркѣ имъ отчета по приходу и расходу суммъ Харьковскаго духовнаго училища за 1889 годъ, и объ освидѣтельствованіи имъ наличныхъ училищныхъ суммъ, а также о наблюденіи имъ за расходованіемъ ихъ въ 1890 году, въ которомъ сказано, что всѣ поступившія суммы записывались своевременно, хранились въ подлежащихъ учрежденіяхъ, расходовались правильно, и наличность суммъ всегда соотвѣтствовала записямъ прихода-расходныхъ книгъ; сверхъ сего комитетъ въ журналѣ своемъ говоритъ, что Харьковское духовное училище, какъ внѣшнимъ своимъ видомъ, такъ и внутреннимъ экономическимъ порядкомъ производитъ пріятное впечатлѣніе; вездѣ видна разумная заботливость со стороны завѣдующихъ училищемъ, а потому постановили: отчетъ по содержанію Харьковскаго духовнаго училища признать правильнымъ и передать оный въ правленіе училища для храненія. Смотрителю же училища, Александру Алексѣевичу Снегиреву, помощнику смотрителя, священнику Іанну Левитскому и членамъ правленія училища за аккуратное и добросовѣстное исполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей выразить искреннюю благодарность; эконому училищному, діакону Василю Ковалевскому, за усердную его дѣятельность по должности, назначить жалованья вмѣсто 300 р., 350 р. въ годъ.

4) Слушали (въ томъ же засѣданіи): а) предложеніе о Предсѣдателя Сѣзда объ избраніи комиссіи для повѣрки вѣдочныхъ вѣдомостей церквей Харьковскаго училищнаго округа за 1889 годъ, вслѣдствіе чего и избрали членами ревизіонной комиссіи священниковъ Василя Степурскаго и Гавріила Павловскаго, которые, по разсмотрѣніи своемъ, о результатахъ доложили сѣзду; б) прошеніе отставнаго коллежскаго ассессора Александра Краснопольскаго о принятіи его сына, ученика приготовительнаго класса Харьковскаго духовнаго училища, Якова Краснопольскаго, на полное содержаніе; постановили: въ виду крайней его бѣдности, многосемейности и многолѣтней службы по Епархіальному вѣдомству, принять означеннаго сына его, Якова Краснопольскаго, на полное содержаніе, безъ всякой ассигновки, если правленіе училища найдетъ возможнымъ; в) прошеніе мѣщанина Софія Елинсонъ объ освобожденіи сына ея ученика 1-го класса Харьковскаго духовнаго училища Николая Покуля, отъ платы за право его обученія, постановили: мѣщанку Софію Елинсонъ отъ взноса за право обученія сына ея, Николая Покуля, въ училищѣ освободить; г) прошеніе фельдшера Харьковскаго духовнаго училища Семена Коглярова о прибавкѣ ему жалованья по два рубля 50 копѣекъ въ мѣсяцъ къ получаемому имъ мѣсячному жалованью 12 р. 50 к. Въ

виду того, что Котляровъ прослужилъ при Харьковскомъ духовномъ училищѣ болѣе трехъ лѣтъ съ усердіемъ, что засвидѣтельствовано правленіемъ училища, постановили: просьбу фельдшера Котлярова удовлетворить изъ остатковъ смѣтныхъ назначеній. На журналѣ о семъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая «24 сентября. Утверждается».

5) Слушали (въ утреннемъ засѣданіи 20 сентября) докладъ Ревизіонной Коммисіи по повѣркѣ вѣнчиковыхъ вѣдомостей церковей Харьковскаго училищнаго округа за 1889 годъ, изъ котораго видно, что причты церковей почти всѣ очень сочувственно относятся къ этому дѣлу, возлагая на умершихъ очень много выспихъ сортовъ вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы, чрезъ что вѣнчиковая операція развивается, и сумма болѣе и болѣе увеличивается, постановили: докладъ ревизіонной коммисіи принять къ свѣдѣнію, о.о. благочинныхъ же училищнаго округа просить представлять въ правленіе училища вѣнчиковыя вѣдомости болѣе точныя, чтобы въ эти вѣдомости вносились частныя вѣдомости каждой церкви благочинія съ обозначеніемъ числа и возраста умершихъ. На семъ журналѣ положена слѣдующая резолюція Его Высокопреосвященства: «24 сентября. Утверждается».

6) Уполномоченные съѣзда (въ утреннемъ же засѣданіи 20 сентября) приступили къ избранію членовъ временно ревизіоннаго комитета для документальной повѣрки экономической отчетности по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1890 году и для наблюденія за производствомъ расходовъ въ 1891 году, и посредствомъ закрытой баллотировки избрали на означенную должность священниковъ Николая Гутникова, Петра Мигулина и Михаила Румянцева. Постановили: журналъ сей вмѣстѣ съ баллотировочнымъ листомъ представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства. На семъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: «24 сентября. Утверждается».

7) Слушали (въ утреннемъ же засѣданіи 20 сентября) докладъ коммисіи, избранной предыдущимъ съѣздомъ духовенства училищнаго округа, по вопросу объ устройствѣ квартиръ для учителей Харьковскаго духовнаго училища. По выслушаніи доклада коммисіи, въ которомъ она находитъ приспособленіе стараго училищнаго корпуса для учительскихъ квартиръ непригоднымъ и рекомендуетъ съѣзду духовенства приобрести для означенной цѣли покупкою усадьбы и дома на Ключевской улицѣ, принадлежащихъ г. Григоросуло, постановили: такъ какъ средствъ на сіе духовенство не имѣетъ, то вопросъ объ устройствѣ квартиръ отклонить. Принимая же во вниманіе, что всѣ классы въ училищѣ переполнены учениками, вслѣдствіе чего учителя несутъ нелегкіе труды, и хотя въ настоящее время и получаютъ нѣкоторое вознагражденіе изъ суммъ поступающихъ за право обученія дѣтей свѣтскаго званія, но такое вознагражденіе съѣздъ находитъ крайне недостаточнымъ, а потому постановили: назначить изъ общихъ училищныхъ суммъ денежное вспомошествованіе за особые труды по училищу: г. смо-

трителю училища и его помощнику, 6-ти учителямъ по 300 р. каждому въ годъ; учителю пѣніи и 5-ти надзирателямъ по 50 р. въ годъ, взамѣнъ всѣхъ прежнихъ ассигновокъ изъ суммъ собираемыхъ за право обученія дѣтей свѣтскаго званія, каковая сумма полностью должна поступать на училищныя нужды; могущій образоваться отъ сего дефицитъ въ 1891 г. покрыть сбереженіями отъ смѣтныхъ назначеній и остатками отъ строительнаго капитала, на будущее же время расходъ сей вносить въ смѣту расхода по училищу.

8) За окончаніемъ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію сѣзда, постановили: засѣданія сѣзда закрыть и назначить для будущаго окружнаго училищнаго сѣзда 19-е сентября 1891 г.

Предсѣдателю сѣзда, священнику о. Димирію Регипевскому и дѣлопроизводителю священнику Александру Чернявскому выразить искреннюю благодарность за понесенные ими труды. На журналѣ о семъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая «24 сентября. Утверждается.»

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Вознесенской церкви сл. Песокъ, Изюмскаго уѣзда, Михаилъ *Юшковъ*, по предложенію Его Высокопреосвященства, перемѣщенъ къ Иоанно-Предтечевской церкви села Ново-Павловки, того же уѣзда.

— На священническое мѣсто къ Вознесенской церкви сл. Песокъ, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ кандидатъ академіи Аркадій *Грузовъ*.

— Окончившій курсъ въ Полтавской духовной семинаріи Николай *Орловъ* опредѣленъ на священническое мѣсто при Преображенской церкви села Старо-Ивановки Ахтырскаго уѣзда.

— Діаконъ Вознесенской церкви сл. Песокъ, Изюмскаго уѣзда, Коидратъ *Мухинъ*, состоящій на псаломщицкой вакансіи, согласно прошенію его, опредѣленъ на штатное діаконское мѣсто къ Успенской церкви, сл. Николаевки 2-й, Волчанскаго уѣзда, а псаломщикъ этой послѣдней церкви Евенкій *Мухинъ* перемѣщенъ къ Песковской Вознесенской церкви.

— Заштатный псаломщикъ Георгіевской церкви гор. Ахтырки, Стефанъ *Земревъ* волею Божіею умеръ.

— Псаломщикъ Николаевской церкви села Старого, Сумскаго уѣзда Петръ *Ильинскій* и Архангело-Михайловской церкви села Павловкъ, того же уѣзда, Іоаннъ *Сукачевъ*, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви с. Николаевки, Сумск. уѣзда Іосифъ *Любчинскій*, по болѣзни, уволенъ заштатъ, а на его мѣсто опредѣленъ учитель мѣстной церковно-приходской школы Сумеонъ *Подольскій*.

— Воспитаникъ Харьковскаго духовнаго училища Василій *Григоре-*

вицъ опредѣленъ на праздное псаломщицкое мѣсто при Рождество - Богородичной церкви слоб. Волоховки, Волчанскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ соборной Покровской церкви г. Старобѣльска купецъ Димитрій *Мяковъ* и къ Петропавловской церкви сл. Подгоровки, Старобѣл. у., крест. Евфимъ *Войтенко*.

— Церковный староста Вознесенской церкви сл. Песокъ, Изюмскаго у. купецъ Василій *Запrieвъ*, по предложенію Его Высокопреосвященства, удаленъ отъ должности церковнаго старосты.

Отъ благочиннаго 4-го округа Старобѣльскаго уѣзда.

— Благочинный 4-го округа Старобѣльскаго уѣзда, протоіерей Григорій Максимовъ, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, проситъ духовенство Харьковской епархіи отнестись сочувственно къ бѣдственному положенію священниковъ слободы Городница, Павла Быковцева и Алексѣя Ипнокова, имущество коихъ 1-го августа истреблено пожаромъ, такъ что они остались къ зимѣ безъ крова, хлѣба и одежды, и подать руку помощи бѣдствующимъ.

Пожертвованія могутъ быть высланы въ слободу Бѣловодскъ, Старобѣльскаго уѣзда, на имя вышепоименованнаго о. благочиннаго.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: День 26-го Сентября въ Духовной Семинаріи.—91 годовщина рожденія митрополита Исидора.—Царская Семья въ гостяхъ у Волинскаго крестьянина.—Учебно-ремесленная школа для дѣтей духовенства Нижегородской епархіи.—Ремесленная школа при Екктеріославскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Предложеніе Св. Синода объ открытіи при церковно-приходскихъ школахъ ремесленныхъ классовъ.—Русская школа въ Югитѣ.—Земства, какъ ревнители народнаго образованія.—Мѣры къ поднятію уровня знаній по Закону Божию при гимназіяхъ.—Народныя чтенія въ г. Харьковѣ.—Собраніе и постановленія членовъ Общества трезвости въ С.-Петербургѣ.—Рѣчь, сказанная священникомъ Староводолажской Покровской церкви Григоріемъ Дьяковымъ, при погребеніи протоіерея Димитрія Сильванскаго.

Въ день празднованія памяти св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова—домовая церковь при Харьковской духовной семинаріи праздновала свой храмовой праздникъ.

Божественную литургію въ семинарской церкви совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Амвросій въ сослуженіи ректора семинаріи протоіерея отца Іоанна Кратирова и соборнаго духовенства.

Послѣ общаго состоялся годичный актъ, на которомъ прочитанъ былъ краткій отчетъ о состояніи Харьковской духовной семинаріи въ 1889/90 учебномъ году и розданы награды наиболѣе успѣвшимъ воспитанникамъ. Изъ отчета этого видно, что въ прошломъ академическомъ году семинарія состояла изъ 6-ти пор-

мальныхъ классовъ, изъ двухъ параллельныхъ при 1-мъ и 2-мъ классахъ отдѣленій, содержимыхъ на средства Святѣйшаго Синода, и одного параллельнаго отдѣленія при 3-мъ классѣ, содержамаго на мѣстныя епархіальныя средства. При семинаріи находилась двухклассная образцовая школа; такъ какъ она существуетъ только третій годъ, то не достигла еще полной организаціи, и второй классъ ея состоялъ только изъ одного отдѣленія при 27 ученикахъ, въ первомъ же классѣ было два отдѣленія съ 72 учениками. Учебныя пособія семинаріи заключались въ двухъ библіотекахъ—фундаментальной и ученической и физическомъ кабинетѣ. Фундаментальная библіотека состояла изъ 6,627 названій книгъ для чтенія, 622 экземпляровъ учебниковъ, назначенныхъ для продажи, и 3,097 экземп. учебниковъ, назначенныхъ для безмезднаго употребленія казенно-коштнымъ ученикамъ. Ученическая библіотека, содержащая на мѣстныя епархіальныя средства, состояла изъ 1,604 книгъ, пріобрѣтенныхъ по указаніямъ наставниковъ для выѣзднаго чтенія воспитанникамъ; физическій кабинетъ семинаріи состоялъ изъ 134 физическихъ приборовъ и геодезическихъ инструментовъ. Для обученія воспитанниковъ семинаріи музыкѣ ежегодно, начиная съ 1880 года, были пріобрѣтаемы на средства, доставляемыя епархіальнымъ духовенствомъ, разные музыкальные инструменты, и такимъ образомъ при семинаріи образовался оркестръ, въ которомъ числилось въ отчетномъ году 30 струнныхъ и столько же духовыхъ инструментовъ на сумму около 1,500 руб.

Въ началѣ отчетнаго учебнаго года въ семинаріи было 307 воспитанниковъ, изъ которыхъ 269 были дѣти священно и церковнослужителей, а остальные 38—дѣти лицъ свѣтскаго званія. Изъ общаго числа воспитанниковъ 80 состояли на полномъ казенномъ содержаніи, 30 на полуказенномъ, 5 пользовались стипендіями на счетъ благотворительныхъ капиталовъ, пожертвованныхъ частными лицами, 30 получали пособія въ размѣрѣ 50 руб. въ годъ изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ и 162 содержались на средства родителей. Въ семинарскомъ общежитіи помѣщалось 252 воспитанника, остальные же 55 жили въ домахъ родителей и родственниковъ или на наемныхъ квартирахъ. Въ отчетномъ году выбыло изъ семинаріи 10 учениковъ: изъ нихъ 1 умеръ, находясь въ отпуску въ домѣ родителей, 6 было уволено изъ семинаріи по болѣзни и 3 по домашнимъ обстоятельствамъ; такимъ образомъ къ началу переводныхъ экзаменовъ въ семинаріи числилось 297 учениковъ. Изъ 43 учениковъ 6-го класса 14 были признаны окон-

чившими курсъ семинаріи въ первомъ разрядѣ, 27 во второмъ и 2 воспитанника, не державшіе экзаменовъ по болѣзни, были допущены къ нимъ послѣ каникулъ; изъ учениковъ остальныхъ 5 классовъ—182 были переведены въ слѣдующіе классы, 54 допущены къ переэкзаменовкѣ, которую выдержали послѣ каникулъ всѣ, за исключеніемъ 3-хъ, 11 оставлены на повторительный курсъ и 7 уволено изъ семинаріи. Награждены были медалями окончившіе курсъ въ семинаріи Михайль Григоренко и Николай Малиженевскій и книгами: Николай Капустинъ и Николай Фаворовъ. Изъ учениковъ остальныхъ классовъ награждены книгами—4 переведенныхъ въ VI классъ, 2 переведенныхъ въ V-й классъ, 4 переведенныхъ въ IV классъ, 3 переведенныхъ въ III классъ и 4 переведенныхъ во II классъ.

Свѣтлое семинарское торжество, носившее чисто семейный характеръ, закончилось гимнами «Боже Царя, храни» и «Славься», исполненными хоромъ и оркестромъ, состоящими изъ воспитанниковъ семинаріи.

— 1-го октября, старѣйшій іерархъ русской церкви высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій, праздновалъ 91-ю годовщину своего рожденія. Наканунѣ, въ крестовой (митрополичьей) церкви Александро-Невской лавры, намѣстникомъ ея, архимандритомъ Исаіею, было совершено все-нощное бдѣніе, а утромъ, 1-го октября, въ той же церкви божественную литургію совершалъ самъ митрополитъ Исидоръ, въ сослуженіи съ преосвященнымъ Германомъ, бывшимъ епископомъ кавказскимъ (нынѣ настоятель донскаго ставропигіального монастыря) и архимандритами Александро-Невской лавры Исаіею и Григоріемъ. По окончаніи литургіи, высокопреосвященнымъ митрополитомъ Исидоромъ было совершено благодарственное молебствіе, въ которомъ принялъ также участіе членъ Св. Синода преосвященный Маркеллъ, епископъ полоцкій. Въ главномъ Свято-Троицкомъ соборѣ божественную литургію и молебствіе совершалъ высокопреосвященный Палладій, экзархъ Грузіи. По случаю дня рожденія митрополита Исидора, во всѣхъ столичныхъ храмахъ было совершено также благодарственное молебствіе. Послѣ богослуженія, высокопреосвященный Исидоръ принималъ въ своихъ покояхъ поздравленія съ днемъ своего рожденія. Кромѣ членовъ Св. Синода присутствовавшихъ въ Петербургѣ, и всего лаврскаго монашества, поздравляли митрополита: Товарищъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, тайный совѣтникъ Н. П. Смирновъ, помощникъ глав-

наго попечителя Императорскаго человеколюбиваго общества, тайный совѣтникъ А. Н. Марковичъ, генераль-отъ-инфантеріи И. М. Геденовъ, начальникъ штаба войскъ петербурскаго военнаго округа генераль-лейтенантъ Н. И. Бобриковъ, генераль-лейтенантъ Г. И. Бобриковъ и многія другія высокопоставленныя лица.

— 29 Августа сего 1890 года, во время большихъ Волынскихъ маневровъ, удостоившихся Царскаго посѣщенія, случилось Государю Императору со Своею Августѣйшею Семьею проѣзжать чрезъ село Жорновъ Дубенскаго уѣзда. Въ это время пошелъ сильный дождь. По приказанію Государя, кучерь остановился у первой попавшейся крестьянской хаты. Тутъ у хаты «громада» Жорновскихъ крестьянъ встрѣтила Государя съ хлѣбомъ-солью, и Государь съ Семьею вошелъ въ мужицкую хату. Хозяинъ-мужикъ не растерялся, подаль сямейки, очистилъ лавку, и Царственныя Особы усѣлись вокругъ стола. Хозяинъ предложилъ Высокимъ Гостямъ отвѣдать домашняго хлѣба. Гости ломали хлѣбъ и ѣли... Государыня, не видя долгое время хозяйки дома, спрашиваетъ:— «гдѣ она, почему не является и какъ бы увидѣть ее?» Мужъ-хозяинъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, куда ушла хозяйка. Царица все-таки продолжала спрашивать про хозяйку дома лицъ Царской свиты, расположившихся въ сѣняхъ хаты. Хозяина стали осаждать вопросами. Въ числѣ другихъ приступилъ къ нему съ вопросомъ мѣстный помощникъ исправника—малороссъ. «Слушай, дядьку, де твоя баба,—скажи правду», спросилъ онъ. «Выбачайте, дурна баба якъ зобачила, что такъ много ѣдетъ офицеровъ на дворъ, тай сховалась въ комору» сказалъ мужикъ. А дежъ та комора? «Озде въ синяхъ», отвѣчаетъ мужикъ. Тогда полицейскіе отворяютъ комору и выводятъ оттуда бабу. Баба Царю и Царицѣ въ ноги упала. «Ну что ты, хозяйка, спряталась, а мы вотъ къ тебѣ въ гости,—принимай», сказала Государыня. Баба, набравшись духу, объяснилась, что испугалась офицеровъ, да и опять въ ноги Гостямъ поклонилась. «Ну, принимай же, какъ гостя, Меня», сказалъ ей Государь. «Заразъ», сказала засуетившаяся баба. Поставила она на столъ хлѣба, сметаны, да соли, и давай цѣловать руки у Царя и Царицы, прося ихъ кушать, что Богъ послалъ. Августѣйшіе Гости отвѣдали хлѣба-соли... Государь милостиво распрашивалъ хозяина, кто онъ, и оказалось, что онъ—отставной солдатъ, Замойскаго полка, участвовалъ въ Севастопольской войнѣ, былъ въ дѣлахъ, имѣетъ раны, но знака отличія не имѣетъ. Тутъ же Государь Самъ лично осмотрѣлъ раны ветерана-воина и велѣлъ записать его фамилію для

наведенія справки о томъ, почему сего война раненаго отпустили безъ знака отличія. Царь и Царица поблагодарили громаду Жорновскую за хлѣбъ-соль и особо хозяина и робкую хозяйку за пріютъ отъ дождя и уѣхали съ Семей въ дальнѣйшій путь.

«Волын. Епарх. Вѣд.»

— Весьма много заботъ и печалей достается на долю тѣхъ отцовъ—священниковъ, дьяконовъ и псаломщиковъ, дѣти которыхъ по разнымъ причинамъ теряютъ возможность обучаться въ семинаріяхъ и училищахъ; возникаетъ тогда для отцовъ тревожный вопросъ: что дѣлать съ такими дѣтьми-мальчиками, куда и какъ ихъ пристроить, чтобы они впоследствии могли самостоятельно заработать себѣ кусокъ хлѣба и быть порядочными и полезными людьми? Многіе изъ нихъ не могутъ быть даже псаломщиками при современныхъ требованіяхъ отъ этихъ служителей церкви качествъ хорошаго чтенца, пѣвца и весьма часто учителя въ церковно-приходской школѣ. Остается одинъ выходъ,—ремесленное образованіе. Но опять—вопросъ: гдѣ и какъ обучить мальчика ремеслу или мастерству какому-либо. Ремесленныхъ дешевыхъ школъ у насъ почти нѣтъ; можно отдать мальчика въ ученье къ какому-либо городскому мастеру, но это очень опасно: мальчикъ легко можетъ попасть въ среду разгула, пьянства и разврата старшихъ товарищей-мастеровыхъ; пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ практическихъ познаній не вознаградится никогда гибельная нравственная испорченность. Поэтому-то весьма отрадно встрѣтить такое явленіе въ жизни духовенства, какъ открытіе учебно-ремесленной школы для дѣтей духовенства подъ хорошимъ нравственнымъ надзоромъ и руководствомъ. Такая именно школа учреждена въ прошедшемъ году при Оранскомъ монастырѣ Нижегородской епархіи. Согласно уставу, утвержденному Св. Синодомъ, школа эта состоитъ изъ трехъ отдѣлений съ двухъ-голичнымъ курсомъ въ каждомъ, и въ ней преподаются предметы учебные, положенные по программѣ двухъклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, съ присоединеніемъ церковнаго устава и краткаго курса линейнаго черченія и рисованія, а изъ ремеслъ: портняжное, столярное и переплетное. Учреждена эта школа на 40 мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, и помѣщается въ монастырѣ, отъ котораго ученики ея, сверхъ учебныхъ пособій и матеріаловъ, получаютъ квартиру, одежду, пищу и вообще полное содержаніе, а монастырь на покрытіе расходовъ по содержанію школы пользуется денежными прибылями отъ продажи ремесленныхъ ученическихъ издѣлій. Особенное вниманіе въ школѣ обра-

щено на релігійное воспитаніе мальчиковъ, для чего они не только въ воскресные и праздничные дни присутствуютъ при богослуженіяхъ, но и обязываются ежедневно группами, по назначенію, находиться при богослуженіи и участвовать въ чтеніи и пѣніи. Непосредственное завѣдываніе школою принадлежитъ совѣту, состоящему изъ предсѣдателя (намѣстникъ монастыря), его помощника, двухъ преподавателей и казначея монастыря, подъ управленіемъ епархіальнаго архіерея. Ученики, окончившіе курсъ, получаютъ о томъ отъ совѣта свидѣтельства и способнѣйшіе изъ нихъ получаютъ мѣста псаломщиковъ и учителей или помощниковъ учителей въ церковно-приходскихъ школахъ.

Къ той-же полезной цѣли направлены заботы духовенства Екатеринославской епархіи, но только имѣются въ виду не мальчики, а дѣвочки. Здѣсь возбужденъ вопросъ объ открытіи ремесленной школы или ремесленнаго отдѣленія при епархіальномъ женскомъ училищѣ для дочерей бѣдныхъ родителей, преимущественно псаломщиковъ. По мнѣнію комиссіи, назначенной для разсмотрѣнія этого вопроса, для дочерей бѣдныхъ родителей, особенно для мало успѣвающихъ, слѣдовало-бы открыть особое училище по программѣ однокласной церковно-приходской школы, полагая 7 уроковъ въ недѣлю для русскаго и славянскаго чтенія, 7 уроковъ для письма и пѣнія и 7 для изученія молитвъ и Закона Божія. Кромѣ того воспитанницъ должно пріучать къ внѣшнему благоприличію, скромности, опрятности, бережливости, а равно и къ домашнему хозяйству. Для этого онѣ должны сами для себя шить и починять бѣлье и платья, убирать комнаты и постели, поочередно участвовать въ приготовленіи кушанья на кухнѣ, собирать на столъ и подавать кушанье въ столовой, заниматься садкою и поливкою разныхъ овощей и растений и другими предметами домашняго хозяйства, напримѣръ, заготовленіемъ молочныхъ скоповъ, соленій, квашеній и проч. Свободное отъ учебныхъ занятій время, по мнѣнію комиссіи, должно быть употребляемо на изученіе ремеслъ и предметы домашняго хозяйства, какъ-то: мытья, катанья, глаженья, бройки, шитья платья (на машинѣ и безъ нея), духовныхъ костюмовъ, священническихъ облаченій и вышиванья разнаго рода. Свои соображенія относительно необходимости открытія ремесленной школы комиссія основываетъ на томъ, что изъ общаго количества 456 псаломщическихъ дѣтей женскаго пола, отъ 8-лѣтняго возраста, только 43 воспитанницы обучались въ женскомъ епархіальномъ училищѣ; слѣдовательно, весьма незначительная часть псаломщическихъ до-

черей получаетъ образованіе, большинство же остается безъ образованія, по причинѣ скуднаго содержанія, получаемаго псаломщицами. Съ другой стороны образованіе, которое могутъ получать дочери псаломщиковъ въ епархіальномъ училищѣ, недостаточно обезпечиваетъ ихъ судьбу. Не всѣ воспитанницы, окончившія курсъ въ епархіальномъ училищѣ, имѣютъ возможность получить мѣсто учительницы въ церковно-приходской или земской школѣ, многія же изъ нихъ возвращаются въ свои семейства, и здѣсь, проживая безъ занятій, соотвѣтствующихъ ихъ образованію, и оторванныя своимъ воспитаніемъ отъ скромной семейной обстановки, дѣлаются бременемъ для семьи и сами тяготятся своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ. («Странникъ» 1890 г.).

— Св. Синодъ предложилъ епархіальнымъ начальствамъ внутреннихъ губерній изыскать мѣры къ тому, чтобы при главнѣйшихъ церковно-приходскихъ школахъ были открыты спеціальныя ремесленные классы, при чемъ на первое время въ этихъ классахъ ученики должны обучаться производству различныхъ издѣлій изъ дерева, впоследствии, сообразно со средствами и другимъ ремесломъ.

— Въ далекомъ Египтѣ существуетъ русская школа. Происхожденіе этой школы таково: во время посѣщенія Каира бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Норовымъ, одинъ арабъ, русскій поданный, подарилъ большой домъ и значительный капиталъ на содержаніе русской школы для бѣдныхъ дѣтей. Норовъ принялъ этотъ подарокъ, и съ тѣхъ поръ школа въ Каирѣ состоитъ въ вѣдомствѣ нашего министерства народнаго просвѣщенія и подъ покровительствомъ Его Величества Государя Императора. Ежегодно въ школѣ обучается до 200 дѣтей бѣдныхъ арабовъ. Обученіе бесплатное, и каждый ребенокъ послѣ занятій получаетъ даровой обѣдъ. Въ настоящее время, по словамъ «Нов.», предполагено значительно расширить курсъ русской каирской школы, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи ея, наиболѣе способные ученики-арабы отправлялись въ Россію для продолженія образованія.

— Нѣкоторыя изъ южныхъ земствъ успѣли заслужить справедливую репутацію ревнителей народнаго образованія. Такой репутацией пользуется, между прочимъ, александровское земство Еккатеринославской губерніи и въ особенности бердянское уѣздное земство Таврической губерніи. Принявъ отъ казны лишь 13 начальныхъ школъ при 668 ученикахъ съ школьнымъ бюджетомъ въ скромную цифру 3,760 рублей, бердянское земство съ 1869 года

сумѣло почти удесятерить количество училищъ въ уѣздѣ. Изъ печатныхъ сборниковъ отчетовъ означеннаго земства видно, что въ настоящее время въ Бердянскомъ уѣздѣ 113 школъ, содержи-мыхъ исключительно на земскія и общественныя средства, кромѣ того отъ земства выдаются субсидіи пяти церковно-приходскимъ школамъ въ размѣрѣ 900 руб., двухкласному училищу министерства народнаго просвѣщенія—1,000 руб., женской начальной шко-лѣ 800 рублей, еврейской талмудъ-торѣ 500 р., менонитскому учи-лищу 300 рублей и тремъ нѣмецкимъ школамъ по 1,500 р. Изъ среднихъ учебныхъ заведеній бердянское земство субсидируетъ мужскую и женскую гимназій и мореходные классы. Кромѣ того содержатся на счетъ земства стипендіаты—въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Всего же бюджетъ бердянскаго земства на предметы народнаго образованія составляетъ 97,380 руб. въ годъ. Примѣру своего земства слѣдуютъ городскія и сельскія общества Бердян-скаго уѣзда, такъ что въ этомъ уѣздѣ и въ трехъ его городахъ: Бердянскѣ, Ногайскѣ, Орѣховѣ школьный бюджетъ выражается въ почтенной суммѣ 261,420 рублей. Число учащихся въ го-родскихъ и сельскихъ школахъ превышаетъ 8,000 душъ обоого пола, именно 6,947 мальчиковъ и 1,593 дѣвочки. Въ это число не вошли лѣти, обучающіяся въ церковныхъ нѣмецкихъ школахъ, число же этихъ послѣднихъ по земскимъ даннымъ достигаетъ 3,300 душъ. Большинство школъ пользуется прекрасными помѣ-щеніями. Есть училищныя зданія, стоимость коихъ, какъ, напри-мѣръ, въ селѣ Ново-Спасскомъ, достигаетъ почти 10,000 руб. Всѣ школы снабжены въ полномъ комплектѣ учебными пособиями. Учи-тельскій персоналъ подобранъ весьма толково и тщательно. Въ прошломъ учебномъ году четыре учителя получили награды изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія и 58—изъ зем-скихъ суммъ въ видѣ единовременнаго пособія; кромѣ того 29 учителямъ увеличенъ окладъ жалованья.

— Св. Синодомъ, при рассмотрѣніи программы преподаванія За-кона Божія въ гимназіяхъ, сдѣлано слѣдующее опредѣленіе: 1) въ видахъ вящшей благоуспѣшности преподаванія Закона Божія въ гимназіяхъ, которое въ настоящее время не вполне достигается, вслѣдствіе, между прочимъ, и того, что законоучители отвлекаются отъ прямыхъ своихъ обязанностей сторонними занятіями, постано-вить правиломъ на должности учителей въ гимназійи впредь не оп-редѣлять лицъ, состоящихъ священниками при церквахъ приход-скихъ, или при церквахъ благотворительныхъ учрежденій; совмѣ-

щающихъ же нынѣ съ званіямъ законоучителя должности священниковъ при упомянутыхъ церквахъ оставить законоучителями лишь до выслуги установленныхъ по этому званію пенсій; 2) предложить министерству народнаго просвѣщенія принять соотвѣтствующія мѣры къ устройству православныхъ церквей, по возможности, при всѣхъ гимназіяхъ, дабы законоучители, состоя настоящими этихъ церквей, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и духовниками воспитанниковъ, и 3) предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ опредѣляемыхъ въ законоучители гимназій, при коихъ не имѣется церквей, причислять къ собору, или къ ближайшей приходской церкви, безъ права участія въ причтовыхъ доходахъ.

— Коммиссія по устройству народныхъ чтеній въ Харьковѣ постепенно расширяетъ свою дѣятельность и, что особенно важно, расширяетъ ее въ наиболѣе желательномъ направленіи: чтенія размѣщаются тамъ, гдѣ они должны имѣть наиболѣе просвѣтительное значеніе и гдѣ недостатокъ разумныхъ и полезныхъ удовольствій особенно ощутителенъ, это—на окраинахъ. На Лысой горѣ уже устроены чтенія еще въ прошломъ году, а теперь они открыты уже и на Москалевкѣ, въ помѣщеніи первой школы общества грамотности. Намъ пришлось быть свидѣтелями этого скромнаго торжества, на которомъ присутствовали: предсѣдатель С. А. Раевскій, многіе члены коммиссіи и масса публики.

Предъ началомъ чтеній былъ молебенъ. Читали объ образованіи Руса, первыхъ русскихъ князьяхъ и о принятіи христіанства. На чтеніе явилось такъ много публики, что помѣстить всѣхъ желающихъ оказалось невозможнымъ. По окончаніи чтенія собственно для дѣтей были показаны вертящіяся картинки, возбуждившія въ дѣтяхъ необыкновенный восторгъ. (Харьков. Вѣд.)

— 1-го октября, въ день Покрова Пр. Богородицы, состоялось собраніе членовъ общества трезвости, существующаго при Братскомъ храмѣ во имя Покрова Пресвятой Богородицы (вновь строящемся на Боровой улицѣ). Собраніе происходило въ молитвенномъ домѣ, который находится при этомъ храмѣ.

Всѣхъ членовъ общества—180; изъ нихъ 30—женщины. Почти всѣ члены-лица изъ простаго народа разныхъ профессій: тутъ есть маляры, иконописцы, кузнецы, почтальоны, портные, извозчики, дворники, приказчики, желѣзнодорожные служащіе, прачки, швеи и т. д. При вступленіи каждаго новаго члена въ общество, служитъ молебенъ св. Вонитафію; при этомъ вновь вступающій даетъ обѣщаніе «безусловно» воздерживаться отъ спиртныхъ напитковъ

въ теченіе одного года и вносить въ кассу общества 1 р. За все время существованія общества, только два члена измѣнили было своему обѣщанію; но и они, сейчасъ же послѣ нарушенія этого обѣщанія, принесли публичное раскаяніе предъ всѣми членами общества и теперь ведутъ самую трезвую жизнь. Членскіе взносы идутъ на пріобрѣтеніе книгъ и брошюръ, содержаніе которыхъ направлено противъ пьянства, а также на вспомошествованіе бѣднѣйшимъ членамъ общества. Главнымъ средствомъ для поддержанія и распространенія трезвости служатъ религіозно-нравственныя бесѣды, которыя ведутся въ молитвенномъ домѣ по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ. Идеи этого общества принадлежатъ бухгалтеру новопрядильной мануфактуры С. Н. Слѣпяну, который теперь покинулъ службу и поступилъ вольнослушателемъ въ духовную академію.

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная 30 іюля 1890 года въ Свято-Троицкой церкви села Одривки, священникомъ Старо-Водолажской Покровской церкви Григоріемъ Дьяковымъ, при погребеніи протоіерея Димитрія Сильванскаго.

Досточтимый во Христѣ собратъ нашъ и достойнѣйшій служитель Церкви Христовой!

Вмѣстѣ съ родными своими, ты и насъ, пастырей Церкви, —почитателей твоихъ и духовныхъ чадъ твоихъ, любящихъ тебя, —призвалъ къ себѣ въ это святилище Божіе провожать тебя въ далекій и невозвратный путь —въ міръ горній, въ страну небожителей. И мы, какъ обычно близкимъ и любящимъ сердцамъ, молитвенно напутствуемъ отшествіе твое изъ сей юдоли плача, скорбей и лишеній въ вѣчныя селенія праведныхъ христіанскимъ благожеланіемъ общей нашей матери —святой Церкви: да пріиметъ и успокоитъ Господь духъ твой въ вѣчномъ царствѣ Славы Своей со всѣми избранными своими. Но зачѣмъ, чадолюбивый отецъ, ты оставляешь любящихъ тебя дѣтей и внуковъ своихъ? Зачѣмъ, добрый пастырь Христовъ, ты покидаешь любящую тебя и любимую тобою добрую паству твою?

Не видитъ ли духъ твой, съ какою скорбію всѣ окружаютъ ложе твое и смертныя останки твои? Не видитъ ли и не слышитъ ли духъ твой слезъ печали и молитвенныхъ вздоховъ паствы твоей, по случаю вѣчной разлуки съ тобою? Она, паства твоя, добрая христіанская, еще и еще желала бы и готова слушать тебя и

поучаться отъ тебя глаголамъ живота вѣчнаго. Какой же завѣтъ и какую заповѣдь ты, добрый пастырь, въ послѣдній разъ преподашь въ утѣшеніе и назиданіе, какъ отецъ дѣтямъ, скорбящей о разлукѣ съ тобою, паствѣ твоей? *) Но уста твои уже умолкли навсегда! Жизнь твою христіанская и добрая дѣла будутъ живою проповѣдію для любящихъ тебя сердецъ! А кому изъ духовныхъ чадъ твоихъ не извѣстны твои высоконравственныя христіанскія дѣла? Не только для твоей христіанской паствы, но для многихъ и изъ насъ, пастырей Церкви, ты былъ образомъ братски-христіанской любви, благоговѣйнаго служенія, усерднымъ ревнителемъ о благолѣпін храма Божія, отцомъ милосерднымъ, христіанскимъ благотворителемъ къ бѣднымъ и нуждающимся! Ты служилъ образомъ кротости, незлобія, безкорыстія, нестяжательности и христіанскаго обхожденія съ ближними! Для многихъ изъ духовныхъ чадъ твоихъ ты былъ настоящимъ отцомъ, добрымъ совѣтникомъ и утѣшителемъ! И не только любящая тебя паства твоя, но и всѣ, кто имѣлъ къ тебѣ отношеніе, видѣли въ тебѣ теплое и милостивое сердце.

Съ другой стороны, съ какою покорностію волю Божіей и путямъ Промысла Божія ты несъ многотрудный крестъ свой! Какія скорби и боли душевныя ты переживалъ, когда, лишившись въ

*) Что прихожане любили покойнаго своего пастыря отца Дмитрія и надолго сохранять любовь къ нему, тяжелую скорьбу о его потерѣ и молитвенное о немъ воспоминаніе, въ этомъ увѣрены всѣ, кому хотя мало извѣстны его добрыя, истинно отеческія отношенія къ прихожанамъ; они мало извѣстны потому, что онъ не любилъ объ этомъ говорить. Онъ былъ для всѣхъ одинаково доступенъ, какъ близкій, родной человекъ. Для удовлетворенія духовныхъ нуждъ прихожанъ онъ ни отъ какого служебнаго труда не отказывался, даже во время болѣзней. Не получая ничего за требы отъ бѣдныхъ прихожанъ, онъ платилъ за нихъ свои деньги младшимъ членамъ причта, не желая лишить ихъ скудныхъ средствъ къ жизни.—Домъ его никогда ни запирался—ни днемъ, ни ночью. Когда замѣчали, что это напрасный и опасный рискъ, онъ отвѣчалъ: прихожане такъ меня любятъ, что едва ли кто ночью войдетъ ко мнѣ съ дурной цѣлью; а между тѣмъ, кто придетъ ко мнѣ ночью звать къ больному, умирающему, не будетъ долго стоять у дверей и стучать: онъ идетъ въ мою комнату, къ моей постели, будитъ меня и я готовъ идти къ больному, умирающему. Когда, по дѣламъ служебнымъ, онъ прїѣзжалъ въ Харьковъ, то оставался здѣсь нѣсколько часовъ и спѣшилъ домой, боясь, чтобы въ его отсутствіе не было въ приходѣ какихъ-нибудь опущеній.

Воспоминаніе объ этомъ добромъ пастырѣ невольно пробуждаетъ молитвенное желаніе—да посылаетъ Господь нашей православной паствѣ больше и больше подобныхъ пастырей, готовыхъ для блага пасомыхъ жертвовать и своими личными благами, и силами, и жизнью своею.

раннихъ лѣтахъ подруги жизни своей—жены своей и матери малолѣтнихъ дѣтей своихъ, при исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, поручалъ и чужому надзору и чужимъ заботамъ! И какія сердечныя тревоги ты испытывалъ во время самаго ихъ воспитанія! Но и въ самомъ жизненномъ крестѣ своемъ ты находилъ себѣ утѣшеніе, когда, въ самыя трудныя минуты своей жизни, ты, и какъ христіанинъ, и какъ добрый пастырь вручая себя путямъ Всеблагаго Промысла Божія, во благодушій пѣлъ слова святаго Псалмопѣвца: *настави мя, Господи, на путь. Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ, или кто вселится во святую гору Твою? ходяи непороченъ и дѣлаяи правду....* И съ такими святыми мыслями возводилъ ты взоръ свой къ небу и оттуда ждалъ себѣ утѣшенія и успокоенія. Поэтому вѣруемъ, что смерть твоя, пастырь христіанскій,—этотъ общій и неизбѣжный для всѣхъ смертныхъ удѣлъ, есть успокоеніе для тебя и переходъ изъ сей юдоли скорбей къ лучшей и блаженнѣйшей жизни въ вѣчномъ царствѣ Славы Божіей со избранными Божіими; вѣруемъ, что и тамъ, за предѣлами гроба, ты будешь предстоять у Престола Божія и будешь молитвенникомъ о любящей тебя паствѣ твоей; надѣемся, что и добрая христіанская паства твоя не забудетъ твоихъ добрыхъ пастырскихъ заботъ о ней и будетъ возносить о тебѣ къ Богу свои теплыя моленія.

Къ тебѣ, добрая христіанская паства почившаго пастыря, мое обращеніе: оправдай твоею жизнью святыя заботы о тебѣ незабвеннаго твоего пастыря! Тебѣ извѣстна христіанская жизнь его. По любви къ нему, подражай добрымъ дѣламъ его; учись у него любви къ ближнимъ; во всѣхъ обстоятельствахъ жизни своей будь покорна воли Божіей; благотвори ближнимъ, люби трудъ и освящай его благословеніемъ Божіимъ, украшай себя кротостію, незлобіемъ, воздержаніемъ; съ благоговѣйнымъ усердіемъ посѣщай храмъ Божій и съ христіанскою любовію благоукрашай его, какъ святилище и жилище Божіе. Это и будетъ лучшею наградою отъ тебя для почившаго во Христѣ пастыря твоего. При готовности же съ твоей стороны подражать доброй жизни пастыря твоего, приступи и припади къ браннымъ останкамъ его и дай послѣднее христіанское цѣлованіе любимому тобою пастырю и къ молитвамъ святой Церкви присоедини и вознеси свои теплыя мольбы къ Богу: да упокоитъ Оцъ, Милосердный, духъ раба своего протоіерея Дмитрія въ вѣчныхъ селеніяхъ Своихъ со всѣми избранными Своими.

Годъ V. ОТКРЫТА ПОДПИСКА Годъ V.
 НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ХРИСТІАНСКОЙ СЕМЬѢ

„ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ“

Адресъ редакціи: Москва, Кожевники, домъ Троицкой церкви.

Ученымъ Комитет. при Св. Синодѣ журналъ допущенъ въ библіотеки духов.-учобн. заведеній.

Съ 1891 года журналъ „Воскресный день“ вступаетъ въ пятый годъ существованія. Оставался вполне вѣрнымъ основной своей задачѣ, журналъ будетъ и впредь посылно содѣйствовать развитію въ читающемъ обществѣ духа церковности, давая общедоступное, здоровое и занимательное чтеніе для православно-русской семьи. Въ видахъ содѣйствія пастырямъ Церкви въ исполненіи ихъ высокой обязанности просвѣщенія простого народа, въ журналѣ, между прочимъ, будутъ помѣщаться статьи, которыя бы можно было примѣнить къ вѣбогослужебнымъ народнымъ чтеніямъ и бесѣдамъ. Въ тѣхъ же цѣляхъ къ журналу по прежнему будутъ прилагаемы „ВОСКРЕСНЫЕ ЛИСТКИ“ съ иллюстраціею, соотвѣтствующею содержанію ихъ.

Программа журнала.

I. Литературный отдѣлъ. 1) Церковь Христова въ ея прошломъ. Очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей, русской, церковной и гражданской. 2) Церковь Христова въ ея настоящемъ. Живнеописанія служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни. 3) Христіанское Богослуженіе: исторія его и значеніе. 4) Христіанское искусство: исторія его и современное состояніе. 5) Церковная географія. Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святинь. 6) Евангельская проповѣдь. Подвиги проповѣдниковъ Евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. Описаніе быта, нравовъ и вѣроученій ипородцевъ. 7) Христіанская мысль: вѣроученіе и правоученіе. Благодатныя явленія вѣры. Стихотворенія. Духовно-правоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. Дух. размышленія, стихотворенія. 8) Религіозно-нравственная оцѣнка художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 9) Церковно-бытовая жизнь: повѣсти, рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религіозно-нравствен. жизни. 10) Извѣстія замѣтки о текущихъ явленіяхъ духовно-общественной жизни, какъ въ Россіи, такъ и за-границей. 11) Библіографія. Новыя книги и журнальныя статьи съ критическими замѣчаніями на нихъ.

II. Иллюстраціи. 1) Изображенія Св. угодниковъ Божіихъ, виды Св. мѣстъ, обителей, храмовъ съ ихъ святилищами, снимки съ иконъ и разныхъ предметовъ церковной утвари. 2. Портреты служителей христіанской истины, какъ прошлаго, такъ и настоящаго времени: преосвященныхъ архипастырей, пастырей церкви, подвижниковъ добродѣтели, дѣятелей христіанскаго просвѣщенія, миссіонеровъ и пр. Типы ипородцевъ, среди которыхъ подвизаются наши миссіонеры. 3) Снимки съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ христіанскаго искусства, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. 4) Картины изъ церковно-бытовой и религіозно-нравств. жизни.

Въ приложеніи—„ВОСКРЕСНЫЕ ЛИСТКИ“: исторія и объясненіе церковныхъ праздниковъ, жизнеописанія Святыхъ и описаніе чудотворн. иконъ, чтимыхъ Правосл. Церковію.

Редакторъ-издатель священникъ С. Я. Уваровъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Въ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьновъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.